

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Л.Е. Шепелев

ТИТУЛЫ, МУНДИРЫ, ОРДЕНА

в Российской империи

Ленинград

«Наука»

Ленинградское отделение

1991

Книга доктора исторических наук Л. Е. Шепелева рассказывает о системе военных, гражданских, придворных и родовых титулов и чинов и соответствовавших им мундиров и орденов в Российской империи (XVIII в. — 1917 г.).

Издание рассчитано на историков, искусствоведов, архивных и музейных работников, а также на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

Ответственный редактор чл.-кор. АН СССР *Б. В. АНАНЬИЧ*

Леонид Ефимович Шепелев ТИТУЛЫ, МУНДИРЫ, ОРДЕНА в РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Утверждено к печати
Редколлекцией серийных изданий
Академии наук СССР*

Редактор издательства *К. Паэгле*

Художник *В. М. Иванов*
Технический редактор *И. Н. Исаков*
Корректоры *Л. З. Маркова* и *К. С. Фридлянд*

ИБ № 44276

Сдано в набор 30.11.89. Подписано к печати 6.03.91. Формат 84xЮ8¹/₂. Фотонабор. Гарнитура литературная.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.76. Усл. кр.-отт. 12.15. Уч.-изд. л. 12.95. Тираж 40000 экз. Зак. 20386. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Ленинградское отделение.

199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лик., 1. ЦКФ ВМФ

ТИТУЛЫ, МУНДИРЫ И ОРДЕНА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Понятия, перечисленные в заголовке, внутренне связаны между собой. Титулы — это установленные законом словесные обозначения служебного и сословно-родового положения их обладателей, кратко определявшие их правовой статус. Генерал, статский советник, камергер, граф, флигель-адъютант, статс-секретарь, превосходительство и светлость — вот некоторые из таких титулов. Мундиры — официальная форменная одежда, соответствовавшая титулам и визуально их выражавшая. Наконец, ордена — это дополнение того и другого: орденское звание (кавалер ордена) представляет собой частный случай титула, особое орденское одеяние — частный случай мундира, а собственно орденский знак — обычное дополнение любой форменной одежды. В целом же система титулов, мундиров и орденов составляла один из устоев царской государственной машины и важный элемент социальной жизни России XVIII—начала XX в. Стержнем этой системы был чин — ранг каждого государственного служащего (военного,

штатского или придворного) по установленной еще Петром I и просуществовавшей почти 200 лет четырнадцатиклассной «Табели о рангах всех чинов...». Сто с лишним лет назад (в 1886 г.) государственный секретарь А. А. Половцов (один из организаторов и руководителей Русского исторического общества) писал Александру III: «Настанет время, когда историку трудно будет объяснить, что такое был чин, этот полтора десятка лет слагавшийся, выросший в привычки русского честолюбия» феномен, с которым было «нельзя не считаться». Справедливость предсказания теперь несомненна. Далее мы подробнее рассмотрим историю возникновения и содержание этого феномена, а здесь отметим лишь, что чин давал право на замещение должностей государственной службы, а также на совокупность прав, без которых, по авторитетному свидетельству современника (В. Я. Стоюнин), «человеку, хоть несколько развитому и образованному, невыносимо было жить в обществе» (особенно до отмены крепостного права).

Можно сказать, что титулы (и особенно чины) вместе с мундирами и орденами были наиболее заметным признаком эпохи, настолько проникли они в общественное сознание и быт имущих классов. Наряду с этим они получили отражение в исторических источниках, мемуарной и художественной литературе, в изобразительном искусстве: иногда — это рассуждения, прямо затрагивающие проблемы государственной службы и социальных отношений; чаще же — частные упоминания титулов, мундиров и орденов конкретных лиц с целью обозначить их правовой статус либо просто назвать их.

Сталкиваясь с упоминанием титулов, мундиров и орденов, современный читатель (а иногда и специалист-историк) нередко затрудняется в понимании их значения. И это естественно, поскольку система титулов, мундиров и орденов, существовавшая в Российской империи, была отменена еще в 1917 г. и с тех пор основательно забыта. Специальных же справочников о них нет (за исключением энциклопедий и словарей, в которых соответствующие термины даны вразбивку, в общем алфавитном ряду). До революции нужда в таких справочниках была невелика, поскольку существовали ведомственные инструкции, да и сама традиция применения титулов, мундиров и орденов была жива. Трудности усугубляются вследствие того, что упоминание титулов, мундиров и орденов в литературе бывает не всегда формально правильным и может быть заменено принятым в то время бюрократическим или великосветским жаргоном. Так, в разных контекстах речь может идти о «даровании светлостью», о пожаловании придворного или другого мундира, ключа или шифра, о получении «белых пуговиц» или «кавалерии», о награждении «кляушкой» на та тку и т. п. В этом случае обращение к справочникам по понятным причинам вообще невозможно.

Примеров такого рода можно привести очень много. Укажем некоторые из них.

Вот что читаем в дневнике министра внутренних дел П. А. Валуева* за 1865 г.: «1 января. Утром во дворце. Князя Гагарина видел с портретом, Буткова с алмазными знаками святого Александра, Милютин — в мундире члена Государственного совета, Чевкина — с лентой святого Владимира». А вот запись за 28 октября 1866 г.: «Граф Берг произведен в фельдмаршалы. Генералам Коцебу и Безаку даны андреевские ленты, генерал-адъютанты Граббе и Литке возведены в графское достоинство, и первый из них посажен в Совет. Членами Государственного совета, кроме его, назначены государь цесаревич, генерал Дюгамель, адмирал Новосильский, князь Вяземский, Н. Муханов, граф Александр Адлерберг и князь Орбелиани. Князь Вяземский, кроме того, пожалован вместе с Веневитиновым в обер-шенки». Как понять такое место из того же дневника за 1867 г., производящее впечатление некоторой двусмысленности: «16 апреля. Светлое воскресенье. Ночью в Зимнем дворце... Граф Панин на прощанье уносит алмазы святого Андрея, а Замятин — алмазы святого Александра?»

Не сразу удастся разобраться в смысле рассказа начальника III Отделения и шефа корпуса жандармов графа П. А., Шувалова. В 1886 г. в кругу близких знакомых он вспоминал, как 20 лет назад граф М. Н. Муравьев (усмиритель польского восстания 1863 г., а в 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II) просил, Шувалова в связи с окончанием следствия (которое велось «с большим зверством») «доложить государю, что он ... желает быть назначенным генерал-адъютантом». Когда это было передано царю,

* П. А. Валуев родился в 1815 г., принадлежал к старинному дворянскому роду. А. Ф. Кони отмечал «глубокое и разностороннее образование» Валуева. В молодости он привлек внимание А. С. Пушкина, который избрал его прототипом П. А. Гринева — героя «Капитанской дочки». В конце 1830-х гг. Валуев вошел в состав «кружка шестнадцати», членом которого был и М. Ю. Лермонтов. Служебная карьера Валуева оказалась блистательной: в 1834 г. он пожалован в камер-юнкеры, а в 1859 г. — в статс-секретари; в 1861—1868 гг. он министр внутренних дел; в 1872—1879 гг. — министр государственных имуществ; в 1879—1881 гг. — председатель Комитета министров. С 1880 г. он граф. Д. А. Милютин удачно характеризовал Валуева как «просвещенного консерватора». Существует версия, что Валуев послужил прототипом А. А. Каренина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

тот воскликнул: «Моим генерал-адъютантом—ни за что!.. Дать ему бриллиантовые андреевские знаки, но без рескрипта». Муравьев, «недовольный тем, что ему не была дана награда, о которой просил, уехал к себе в лужское имение», где скоропостижно скончался. «Фельдгегерь, привезший ему туда бриллианты, застал его мертвым...». (Обратим внимание на то, что рассказ, Шувалова характеризует не только нравы, но и шкалу ценности разных наград).

В том же 1886 г. А. А. Половцов счел важным записать в дневнике как характерную черточку времени, что застал у генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича

графа П. А. Шувалова, «который в белом мундире пришел благодарить великого князя за исходатайствование этого щегольского костюма». Здесь тоже не все ясно: что за «белый мундир», что означало его получение?

В книге К. А. Кривошеина о его отце — видном государственном деятеле предреволюционной России — говорится, что в мае 1905 г. А. В. Кривошей «был назначен товарищем главноуправляющего» ведомством землеустройства и земледелия и «награжден гофмейстерским мундиром, состоя в должности гофмейстера, соответственно генеральскому чину действительного статского советника». Прежде всего заметим, что здесь допущена неточность: А. В. Кривошей к моменту награждения не «состоял в должности гофмейстера», а был в нее пожалован посредством «награждения гофмейстерским мундиром». Что же это за «должность» и должен ли был А. В. Кривошей совмещать ее с должностью товарища главноуправляющего? Поясним сразу, что реально такое награждение означало не назначение на должность гофмейстера, а пожалование почетного придворного звания, нелепо называвшегося «в должности гофмейстера».

С. Ю. Витте вспоминает, что, когда он был министром финансов, германский посол в России просил его в связи с заключением торгового договора между Россией и Германией посодействовать удовлетворению желания кайзера Вильгельма II «получить форму русского адмирала». При русском дворе было известно, что кайзер «больше всего любит всевозможные формы, ордена и отличия». Желание Вильгельма было удовлетворено. Но что это означало в правовом отношении?

До нас дошли свидетельства того, с какой неукоснительностью следил за соблюдением своего служебного старшинства московский генерал-губернатор (1865—1891 гг.) «полный генерал» и генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков. Ober-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал в 1879 г. наследнику престола (будущему Александру III), что при посещении Москвы он присутствовал на обеде в Биржевом комитете купеческого общества. Отметив, что его «посадили на почетном месте возле Грейга» (министра финансов), Победоносцев добавляет, что «Долгоруков не был на обеде, чтобы не явиться вторым лицом» среди присутствующих. В следующем году, как рассказывает в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц, на обеде у принца А. П. Ольденбургского В. А. Долгоруков выразил неудовольствие по поводу того, что его посадили по левую руку от хозяйки, тогда как, по его мнению, он раньше был произведен в чин, чем равный ему по классу чина, но посаженный по правую руку от принцессы Евгении Максимилиановны сенатор, действительный тайный советник М. П. Щербинин. Принцессе пришлось оспорить старшинство Долгорукова, сославшись на то, что она «сама назначает места по спискам старшинства». При этом она заметила Перетцу: «Вы считаете это пустяками, а между тем, поверьте, оно не так. Немногие, как Долгоруков, прямо заявляют о своем старшинстве. Но если они не следуют его примеру, то это вовсе не доказывает, чтобы они о старшинстве своем не думали».

Русская литература широко отразила (преимущественно в сатирическом плане) бытование титулов, мундиров и орденов и их общественное значение. Эта триада составляет одну из стержневых линий комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824 г.). Отношение к ней героев позволяет автору выявить их мировоззрение и служит критерием для их оценки. Отказ от «искания» чинов и критическое отношение к ним воспринимаются большинством персонажей как неразумность, как антиобщественные поступки и признак вольнодумства.

Княгиня Тугоуховская с ужасом говорит о своем племяннике Федоре:

Чинов не хочет знать!

Молчалин, пытаясь выяснить причины иронической раздражительности Чацкого, спрашивает его:

Вам не дали чины, по службе успех?

И получает в ответ:

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Фамусов делает Скалозубу комплимент:

Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Тот объясняет свой путь в полковники с наивным цинизмом:

Довольно счастлив я в товарищах моих.
Вакансии как раз открыты,
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Отвечая на вопрос Фамусова, имеет ли его двоюродный брат «в петличке орденок?», Скалозуб объясняет, что брат и он получили ордена вместе:

Ему дан с бантом, мне на шею.

При встрече со старинным приятелем Чацкий задает ему вопрос: «Ты обер или штаб?».

В монологе Чацкого «А судьи кто?» А. С. Грибоедов вкладывает в его уста обличение культа

мундира:

Мундир! один мундир! он в прежнем их быту

Когда-то укрывал, расшитый и красивый,

Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

В другом монологе Чацкий критически отзывается о фасоне мундиров, введенных в начале XIX в., видя в них некоторый символ правительственной политики и самосознания русского общества:

Пускай меня объявят старовером,

Но хуже для меня наш Север во сто крат; и С тех пор, как отдал всё в обмен и, | пошли лад — И нравы, и язык, и старину спитую,

И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу...
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

В салонных разговорах упоминаются золотое шитье мундиров, «выпушки, погончики, петлички» на них, узкие «талы» мундиров.

Важно отметить, что сам Грибоедов придавал фасону одежды (и частной, и форменной) существенное социальное значение. В ходе следствия по делу декабристов он разъяснял: «Русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отеческих нравов».

Напомним, наконец, еще одну реплику Фамусова:

Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить.

Иногда с особенностями титулования связаны литературоведческие загадки. Открыв пушкинского «Дубровского», читатель убеждается в том, что генерал-аншеф К. П. Троекуров называется там то «ваше высокопревосходительство», то просто «ваше превосходительство». Что это: невнимательность А. С. Пушкина, непонятный нам его умысел или существовавшая в действительности возможность разного титулования? Надо учесть, что генерал-аншеф пользовался правом на первый (более высокий) титул, и применение второго было равносильно умалению его достоинства. Поэтому последнее предположение, казалось бы, отпадает. Какое же из первых двух верно, мы не знаем.

В конце XIX—начале XX в. интрига, основывавшаяся на использовании триады «титул—мундир—орден», получила отражение в творчестве А. П. Чехова. Нет нужды напоминать содержание известного рассказа «Анна на шее». В рассказе «Торжество победителя» выводится «его превосходительство» Козулин, который, обойдя чином и должностью своего бывшего начальника Курицына, унизительно мстит ему за прошлые издевательства. В «Толстом и тонком» Чехов рассказывает о более типичной ситуации: о том, как разница в чинах воспринималась младшим по чину, коверкая человеческие отношения.

Что означают все эти понятия и термины: тайный советник, обер-шенк, генерал-адъютант, превосходительство, граф и пр.; белый мундир и мундирное шитье, «белые пуговицы», выпушки, шифр, ключ и т. п.; ленты, алмазные знаки, звезды и т. д.? Если читателю даже и знакомы упомянутые титулы, мундиры, ордена и их аксессуары, то выяснение их реального значения (связанные с каждым из них права и обязанности) наверняка вызовет затруднения. Может быть, не столь опасно прямое, осознаваемое незнание, побуждающее к выяснению, сколько иллюзия знания, т. е. ошибочное или неполное знание.

Точное знание титулов, мундиров и орденов, существовавших в прошлом, особенно важно для тех, кто в силу своих профессиональных обязанностей обращается к историческому исследованию: историков, краеведов, архивистов, историков естествознания, искусствоведов, режиссеров и других деятелей искусств. Очень часто такое знание бывает важно для самого понимания темы исследования и при атрибуции исторических источников: для выяснения их автора или адресата, личности портретируемого, для установления примерной даты документа. Во всех случаях, конечно, историк должен разбираться в соответствующих терминах и понимать, что за ними скрывается, и уметь отличить норму от исключения. Для историка необходимо быть осведомленным о том, какое значение имел тот или иной титул, мундир или орден, какие права и обязанности были с ними связаны, кому они могли быть даны, в какое время они существовали.

В ходе исторических исследований биографического жанра знание титулов, мундиров и орденов обретает, естественно, особую важность.

Между тем в работах даже опытнейших исследователей при их обращении к титулам и мундирам допускаются ошибки и неточности. В книге С. А. Рейсера «Палеография и текстология нового времени» приводится пример того, как по формуле адресования может быть установлено время написания документа. Сохранилось недатированное письмо И. С. Тургенева его хорошему знакомому И. М. Толстому. Содержание письма не дает никаких оснований для датировки. Но указан адрес: «Его превосходительству Ивану Матвеевичу Толстому». Такая форма адресования была возможна лишь до апреля 1860 г., когда Толстой получил придворный чин обер-гофмейстера, требовавший титула *ваше высокопревосходительство*. Право же на титул *превосходительство* было приобретено Толстым в 1844 г. вместе с гражданским чином действительного статского советника (IV класс). На этом основании устанавливается, что письмо было написано между 1844 и 1860 гг. Вообще же в подобных случаях следует принимать в расчет не только чин, но и должность, поскольку класс должности мог превышать класс чина и давать право на более высокую форму обращения. Ошибочно утверждение Рейсера, что до 1844 г. Толстой имел титул *ваше высокоблагородие*. В соответствии с чином V класса он титуловался *ваше высокоблагородие*. Аналогичные неточности содержатся в книге М. О. Чудаковой «Беседы об архивах». Автор пишет о том, как по мундиру опытный историк в состоянии атрибутировать лицо, изображенное на портрете. По мнению Чудаковой, в некотором случае это может быть «генерал-лейтенант свиты его величества, причем по аксельбанту можно увидеть, каким именно императором пожалован он в свиту». Но в этом суждении ошибка — неправомерное совмещение двух разных понятий. Генерал-лейтенант — это военный чин III класса. В случае назначения в свиту генерал-лейтенант получал звание генерал-адъютанта его величества. На окончечниках аксельбантов действительно указывался вензель того императора, который пожаловал свитское звание, но на портрете его не разглядеть. Гораздо заметнее вензеля на эполетах (погонах). Существует уже традиционная путаница в представлениях о том, как выглядел камер-юнкерский мундир А. С. Пушкина, так нелюбимый им. В кинофильмах и телевизионных постановках, посвященных Пушкину, в качестве такого мундира обычно демонстрируется виц-мундир, а не парадный мундир. При этом господствует убеждение, что мундир камер-юнкера отличался от мундиров придворных кавалеров более высоким рангом. Между тем как парадные, так и виц-мундиры у всех придворных были одинаковыми. Это совершенно ясно определено законами 11 марта 1831 г. и 27 февраля 1834 г., опубликованными в Полном собрании законов Российской империи.

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ ВСЕХ ЧИНОВ...»

Начало системе титулов, мундиров и орденов в России было положено в царствование Петра I и связано с его реформаторской деятельностью. Решая задачу создания регулярной армии и действенного аппарата государственного управления, Петр должен был окончательно ликвидировать систему местничества и привлечь дворянское сословие на государственную службу. Не «порода», а служба должна была отныне стать главным мериллом заслуг каждого.

Для придания государственной службе четкой организационной структуры, обеспечивавшей ее подконтрольность верховной власти, Петр, учитывая опыт других стран, признавал необходимым установить строгую иерархию всех ее должностей, число которых в связи с расширением функций государственного управления в начале XVIII в. значительно возросло. Такая иерархия должна была способствовать укреплению дисциплины и субординации, с одной стороны, а с другой — быть стимулом службы, создающим условия для последовательного продвижения по служебной лестнице каждого государственного служащего в соответствии с его способностями и заслугами.

Правовой основой для этого стала «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины...»,* введенная в действие 24 января 1722 г. Подготовка ее началась еще в 1719 г. Были собраны и переведены на русский язык анало-

* В. И. Даль выводит слово «чин» из глаголу «чинить», т. е. «делать». На этом этапе слово «чин» обозначало любую должность, почетное звание и вообще общественное положение лиц. С введением Табели о рангах слово это получило и специальный смысл, о чем мы скажем позже.

гичные акты, существовавшие в Англии, Дании, Пруссии, Франции, Швеции, в Польском королевстве и в Венецианской республике. Наиболее подходящими были сочтены законодательства Дании (1699 и 1717 гг.) и Пруссии (1705 и 1713 гг.). Некоторые из этих актов (английский,

датский, прусский) относили к классам в общей последовательности не только должностных лиц разного типа, но и обладателей родовых титулов (графов, баронов) и просто дворян («которые вотчины в том государстве и землях имеют»), лиц, имевших духовные и ученые звания, кавалеров орденов (орденов Святого Духа, Слона, Черного Орла и др.). Ни обладатели родовых титулов, ни дворяне-помещики в Табелю о рангах не попали. Дворяне оказались вне главной служебной иерархии и для попадания в нее должны были поступать на государственную службу.

Табель предусматривала три основных рода службы: воинскую, штатскую и придворную, деля каждую из них на 14 рангов — классов. Столь дробного деления аналогичные западноевропейские акты не знали. Под чинами гражданской службы* имелись в виду должности, которые были предусмотрены в незадолго перед тем реформированных Петром государственных учреждениях страны,** а также немногочисленные почетные звания, не связанные прямо ни с должностями, ни с определенными обязанностями.*** Названия должностей и званий во многих случаях были немецкого происхождения (в русской транскрипции или в русском переводе). Кроме того, в Табелю были включены кавалеры единственного тогда ордена святого Андрея Первозванного. Это был исключительный случай: когда позже в России появились и другие ордена, их кавалеры не получили определенных рангов по Табели. Для примера укажем, что в III классе военной службы Табели

* В военной службе чины появились еще в конце XVII в.

** В качестве высшего совещательного органа был создан Правительствующий Сенат, центральными учреждениями государственного управления стали 12 коллегий.

*** В частности, звания тайного и действительного тайного советников, которые употреблялись в России с начала XVIII в. Так, после Полтавской победы князь Г. Долгоруков был пожалован в действительные тайные советники, а боярин И. А. Мусин-Пушкин — в тайные советники; эти же звания в 1712—1721 гг. получили граф П. А. Толстой, окольный А. А. Матвеев, ближний стольник князь Б. И. Куракин, князь В. Л. Долгорукий, граф А. Г. Головкин, барон А. И. Остерман.

значились «генерал-лейтенанты; кавалеры св. Андрея, генерал-кригс-комиссар»; в V классе придворной службы — «титularные камергеры; гоф-шталмейстер; надворный интендант»; в VI классе гражданской службы — «прокуроры в коллегиях статских, президенты в надворных судах, канцелярии тайные советники Иностранной коллегии, обер-секретарь Сената, статс-комиссар, обер-рентмейстер в резиденции, советники в коллегиях».

В подготовке Табели активное участие принимал сам Петр I: сохранились его проекты и замечания на текст этого документа. Работа была завершена в начале 1721 г. 1 февраля Петр подписал этот акт, но, придавая ему важное значение, распорядился: «Сие не публиковать и не печатать до сентября месяца, дабы еще осмотреться, ежели что переменить, прибавить или убавить, о чем надлежит в Сенате во время сей отсрочки думать: так ли быть всем чинам или которые переменить и как? И свое мнение к сентябрю изготовить, а особливо о тех чинах, статских и дворовых, которые от ранга генерал-майора и ниже». Мнения о Табели были затребованы не только от Сената, но и от Военной и Адмиралтейской коллегий.

Свое мнение Сенат представил 20 сентября 1721 г. Военные и морские чины не вызвали замечаний. По этому поводу говорилось: «Понеже о воинских сухопутных и морских чинах сочиненный порядок в рангах сходен против рангов других государей, особливо же французского, яко древнего и самодержавного короля, того ради об оных ничего к перемене потребного не рассуждаем показать во мнении своем...». Замечания по другим категориям чинов сводились главным образом к уточнению классов (рангов) некоторых из них, применительно к тому, как это было в других странах. В заключение предлагалось приравнять к рангам Табели ряд исконно существовавших в России «чинов», которыми ко времени составления Табели обладали некоторые лица: «Притом же всеподданнейше доносим, понеже еще остались в древних чинах некоторые персоны, а именно: бояре, кравчие, околь-ничьи, думные дворяне, спальники, стольники и прочие чины, того ради предлагается, не изволит ли его царское величество оных по их ж и нот определить против других рангами, ибо в России и:» п-х чинов ныне определены и впредь определяемы быть имеют в губернаторы, в вице-губернаторы, в воеводы и ежели ранги им будут не определены, то от подчиненных им будет не без противности». * Однако эта рекомендация не была принята.

Закон 22 января 1722 г. состоял из пространной собственно Табели о рангах и разъяснительного текста («пунктов»), «каким образом с оными рангами каждому поступать надлежит».

Преимущественное право на государственную службу предоставлялось дворянам (имелось в виду главным образом потомственное поместное дворянство). Это право проявлялось, во-первых, в льготных условиях самого поступления на службу и, во-вторых, в более быстром продвижении по ее рангам. Ставка на дворян учитывала не только значение дворянства как социальной опоры самодержавия, но также его более высокий в целом образовательный уровень (дворянам легче было получить образование) и имущественную обеспеченность. Последнее было важно ввиду сравнительно низкого материального вознаграждения за государственную службу, которая считалась сословной обязанностью дворянства. Существовало убеждение, что зависимость государственного служащего от получаемого им жалованья лишает его необходимой свободы суждений и поведения.

Табель о рангах предусматривала возможность поступления на государственную службу и представителей других свободных сословий с получением соответствующих классовых чинов. Но такая возможность рассматривалась как исключительная и в значительной мере вынужденная.

Один из главных организационных принципов государственной службы заключался в том, что государственный служащий должен был пройти ее снизу вверх целиком, начиная с выслуги низшего классного чина. Это диктовалось как необходимостью замещения всех должностей, так и получения требуемой опытности (поскольку сама практика службы была главной школой профессиональной подготовки чиновничества).

*Вместе с тем при подготовке Табели был составлен перечень уже существовавших в России к началу века гражданских и придворных чинов — должностей и сословных званий.

В каждом классе необходимо было прослужить известный минимум лет (в низших классах обычно 3—4 года). За особые заслуги по службе этот срок мог быть сокращен. Переход в следующий класс предполагался как занятие открывшейся вакансии. В связи с тем, что гражданских должностей было больше, чем военных, в гражданской службе открывалось больше вакансий, а потому и движение по службе там могло быть более быстрым. Учитывался и общеобразовательный уровень государственного служащего. Законами 1731, 1747 и 1757 гг. предусматривалось, что лица, окончившие курс наук в кадетском шляхетском корпусе и в университете, получали право быть назначенными сразу не только в XIV класс, но и в более высокие обер-офицерские чины. Поскольку число высших должностей всегда было меньше числа низших, продвижение по службе нередко оказывалось слишком медленным и не заинтересовывало в продолжении службы. В связи с этим в гражданской службе минимум лет службы в каждом классе со временем стал рассматриваться как максимум, дающий право назначения на должность более высокого класса, а при отсутствии вакансий — производства в следующий класс с оставлением на прежней должности. Класс как ранг должности превращался в самостоятельный правовой феномен — ранг без должности, получивший название чина или классного чина (для отличия от чина вообще, чина как должности и звания), а за его обладателем утвердилось наименование «чиновник».

Получение чина более высокого класса (на 1—2 ранга), чем класс фактически занимаемой должности, стало в гражданской службе обычным явлением. Возможность этого предусматривалась уже в самой Табели, где говорилось, что если кто-то «выше ранг получил, нежели по чину, который он действительно управляет, то имеет он при всяких случаях ранг высшего его чина». Тот, кто получил следующий класс, становился кандидатом на соответствующую этому классу должность. Из нескольких претендентов старшим считался тот, кто раньше был произведен в этот класс. Старшинству производства придавалось важное значение. Закон 15 февраля 1742 г. подтверждал это с полной определенностью: «... как в военной сухопутной и морской, так и в штатских службах обретающихся впредь производить в чины по старшинству и заслугам, а не по старшинству никого не производить». 13 января 1753 г. такой порядок был вновь подтвержден, но делалось одно исключение для поощрения лиц, имевших «знатные» заслуги по службе: последние могли получать следующий чин в обход старших их по службе, но лишь по «высочайшему» усмотрению. В. А. Евреинов пришел к заключению, что «признание законом самостоятельного значения „табельного“ ранга как чина» произошло при Екатерине II и Павле I. «Сначала в виде частной меры, а потом в 1767 г. как общее правило установлено было отдельное от должности повышение в классах против класса, присвоенного занимаемой чиновником должности».

Возможен был и противный вариант: назначение на должность более высокого класса, чем чин. Необходимость этого обнаружилась сразу же после введения Табели, когда пришлось на гражданские должности высоких классов назначать людей, не успевших выслужить соответствующие чины. Чинопроизводство при этом обычно ускорялось. Служащий, назначенный на должность, класс которого был выше класса его чина, имел право лишь на «почести» по должности, но не получал тех преимуществ, которые были прямо связаны с классом чина (дворянства, например).

Такой чин (не связанный с должностью) сначала пытались обозначать указанием классов (например, коллежский асессор VIII класса, а после получения следующего чина — коллежский асессор VII класса), но это оказалось неудобным прежде всего потому, что каждая должность относилась лишь к одному классу. Поэтому чины гражданской службы стали обозначаться либо наименованиями некоторых должностей (коллежский секретарь), либо званиями, относившимися к классу данного чина (тайный советник), либо специально созданными названиями (статский советник).

В связи с возникновением феномена чина Табель о рангах в середине XVIII в. как бы раздвоилась, превратившись в своем основном качестве в перечень чинов, разнесенных по родам службы и рангам; вместе с тем по-прежнему в соответствии с классами Табели распределялись все должности в штатных расписаниях государственных учреждений.

По мере увеличения числа должностей (особенно в гражданской службе) обнаруживалось, что обойтись без широкого привлечения недворян на государственную службу нереально. Поскольку в условиях сословного строя России исполнение государственными служащими их должностных обязанностей было возможно лишь в том случае, если чиновник будет иметь статус дворянина, Табелю о рангах предусматривалось, что каждый, выслуживший первый (низший) классный чин, получал дворянство. Еще 16 января 1721 г. право на дворянство было установлено в общем порядке для всех офицеров. В законе говорилось: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворян, оные и их дети и их потомки суть дворяне и надлежит им дать патенты на дворянство». Причисление

к дворянству давало ряд льгот (о чем подробнее мы будем говорить далее), что было серьезным стимулом к поступлению на государственную службу. В военной службе уже XIV класс сообщал потомственное дворянство; в гражданской же — лишь VIII, а низшие чины давали только личное дворянство. Статус личного дворянства был создан специально для данного случая и имел целью несколько сдержать и замедлить пополнение рядов потомственного дворянства за счет служилого сословия. Это подтверждалось и указом от 31 января 1724 г., которым предписывалось «в секретари не из шляхетства (дворянства.—Л. Ш.) не определять, дабы потом [не] могли в ассессоры, советники и выше происходить», т. е. производиться в чины, дававшие права потомственного дворянства. Однако здесь же допускалось исключение: разрешалось производить в эти классы тех «из подьяческого чина, кто какое знатное дело покажет и заслужит». В дальнейшем под давлением обстоятельств (недостатка родовых дворян для замещения вакантных должностей государственной службы, с одной стороны, и общего возрастания числа самих этих должностей, особенно в начале XIX в. в связи с введением в России министерской системы управления,— с другой) приток на государственную службу недворян постоянно возрастал. Вследствие этого 11 июня 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство в гражданской службе, был повышен до V; VI—IX классы стали давать личное дворянство, а X—XIV — личное почетное гражданство. На военной же службе потомственное дворянство стал давать VIII класс, а низшие — только личное. 9 декабря 1856 г. право на потомственное дворянство в гражданской службе было передвинуто на один класс выше (вместо V на IV), а в военной — с VIII на VI класс (VII—XIV классы давали личное дворянство). 1880-е гг. предполагалось и в военной, и в гражданской службе повысить класс, дающий дворянство, VI и IV до III, но это намерение не было реализовано. 1 августа 1898 г. в гражданской службе были введены новые ограничения: чин IV класса стал даваться только после пяти лет пребывания в предыдущем чине и нахождения в должности не ниже V класса. 2 августа 1900 г. к этому было добавлено еще одно условие — общий срок службы в классовых чинах не менее 20 лет. Установив четкую иерархию всех чинов, Табель о рангах предписывала строгое соблюдение принципа их старшинства (приоритета старшинства) и связанного с ним чинопочитания.

Помимо старшинства рангов по каждому роду службы, устанавливалось старшинство военной службы над гражданской и придворной (среди чинов одного класса старшим считался военный). Лишь позднее военные утратили право на старшинство в I и II классах. Среди обладателей одного чина старшим являлся тот, кто был раньше пожалован в него. Старшинству чинов и выслуги придавалось очень большое значение во всех случаях, когда реализовывались права, проистекающие из государственной службы, в особенности право на должность. Именно в такой последовательности (по старшинству чинов и выслуги) сообщались сведения о государственных служащих во всех официальных справочных изданиях о них. Соблюдение принципа старшинства и чинопочитания считалось обязательным при всех официальных и торжественных церемониях: при дворе, во время парадных обедов, при бракосочетаниях, крещениях, погребениях и даже в церквях при богослужении.

Принцип старшинства распространялся на жен и дочерей чиновников. «Все замужние жены поступают в рангах по чинам мужей их», — говорилось в «пунктах» к Табели. Незамужние дочери чинов I класса получали «ранг ... над всеми женами, которые в V ранге обретаются»; аналогичным образом «девицы, которых отцы во II ранге, — над женами, которые в VI ранге» и т. д. На сыновей же старшинство их отцов не распространялось, и по достижении совершеннолетия они должны были выслуживать ранги сами.

В «пунктах» же предусматривалось, что, если «кто выше ранга будет себе почести требовать или сам возьмет выше данного ему ранга», тот должен быть подвергнут за каждый случай штрафу — вычету двухмесячного жалованья; равный же штраф следовал и тому, кто кому ниже своего ранга место уступит, «чего надлежало фискалам прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахам и тунеядцам получать».

Почитание лиц по рангам не касалось лишь, как говорилось в «пунктах», тех случаев, «когда некоторые, яко добрые друзья и соседи, съедутся или в публичных ассамблеях».

Екатерина II признавала существование в России правила «чин чина почитай». Позднее А. С. Пушкин считал это правило «общеупотребительным», явно противостоящим другому возможному, «например: ум ума почитай». По наблюдениям Н. В., Шелгунова, чувство личного достоинства в дворянско-чиновной среде в большинстве случаев трансформировалось в «достоинство положения и принадлежности к чему-то, что, собственно, и давало значение человеку... Непомерно высоко ставилась честь мундира, достоинство дворянского звания, достоинство положения начальника... Каждый чувствовал свое достоинство только в первенстве, каждый хотел быть выше другого, иметь власть над ним, чем-нибудь от него отличаться, каждый хотел быть первым и как-то не хотел быть равным. Гвардеец чувствовал себя выше кавалериста, кавалерист выше армейца, армеец выше штатского».

Среди проявлений чинопочитания важное значение приобрели формулы титулования — общий титул по классу чина или должности. Формулы эти не были установлены законом и сложились постепенно на практике, ориентируясь на западноевропейские нормы. В первой трети XVIII в. наиболее устойчиво использовались три общих титула: *ваши превосходительство* (для чинов высших классов), *ваши сиятельство* (для сенаторов — при жизни Петра) и *ваши благородие* (для прочих чинов и дворян). К концу века таких титулов было уже пять (более чем в других европейских странах): I и II классы — *ваши высокопревосходительство*; III—IV классы — *ваши*

превосходительство; V класс — *ваше высококордие*; VI—VIII классы — *ваше высокоблагородие*; IX—XIV классы — *ваше благородие*. Обращает внимание некоторая алогичность такой системы: титул V класса по своим компонентам (высоко-родие) оказался менее «почетным», чем титул II—VIII классов (высоко-благородие). Титул «высокопревосходительство» по европейским меркам оказывался невероятно высок: так обращались только к главам государств и правительств. Вообще нелепым было титулование государственных служащих формулой *благородие*. В Германии, например, аналогичная формула применялась только к собственно дворянам, а титул *высокоблагородие* употреблялся при обращении к графам.

По наблюдениям В. А. Евреинова, указанные общие титулы по чину, «получая особое развитие в конце XVIII столетия ... окончательно возводятся в систему» с начала второй четверти XIX в. В правовом акте эти титулы были впервые зафиксированы только в 1883 г., и то лишь применительно к военной службе.

Пользование общим титулом по чину было обязательно во всех случаях обращения к вышестоящему по службе или по общественному положению.

Применение общего титула в сочетании с частными титулами по чину и должности зависело, во-первых, от того, имелось ли в виду адресование, обращение или именование (упоминание в третьем лице); во-вторых, от ситуации: устное или письменное титулование, служебное или частное; в-третьих, от того, в каких отношениях старшинства и соподчиненности находились корреспонденты — собеседники. Наиболее церемонным было официальное письменное адресование низших должностных лиц и просителей к высшим. До середины XIX в. оно включало как частный, так и общий титулы, причем первый использовался и по должности, и по чину и следовал за вторым. Например: *его превосходительству товарищу министра финансов тайному советнику N*. Во второй половине века частный титул по чину и фамилия стали упускаться. При личном обращении употреблялся только общий титул (чаще всего без имени); при именовании, наоборот, чаще всего только частный (директор Хозяйственного департамента или статский советник). Письменное адресование к нижестоящему лицу содержало только частный титул по должности (фамилия не указывалась). Примерно равные между собой должностные лица обращались друг к другу либо как к высшим, либо по чину, (господин капитан), либо по имени и отчеству (в случае письменного обращения — с указанием общего титула и фамилии на поле документа).

К началу XX в. пятичленная система общих титулов себя изжила. Одно из ведомств полагало, что она «едва ли соответствует современным условиям гражданской службы. На практике имеет значение один титул — превосходительство. Остальные смешиваются и присваиваются всем без различия, состоят ли они на государственной службе или не состоят».

Наглядным выражением принадлежности к государственной службе была форменная одежда, в особенности главный ее элемент — мундир (от франц. *munière* — снаряжение, амуниция). Мундиры должны были быть внешне привлекательны, единообразны (для мундиров каждого рода) и функционально удобны. Совместить эти требования, особенно первое и третье, не всегда удавалось. По мундиру можно было определить род службы, ведомство (или род войск) и класс чина (в военной службе) или должности (в гражданской службе). Первыми в России еще в конце XVII в. появились военные мундиры. Лишь в начале 1780-х гг. были введены губернские мундиры для гражданских чиновников и дворян-помещиков. В конце XVIII в. начинают вводиться гражданские ведомственные мундиры (для чиновников центральных и местных учреждений каждого ведомства), в связи с чем губернские мундиры с начала 1830-х гг. становятся только дворянскими. Наконец, в 1796 г. появились придворные мундиры. С многочисленными изменениями мундиры просуществовали до 1917 г. Форменная одежда могла сопутствовать человеку почти всю жизнь — от гимназии или кадетского корпуса до выхода на пенсию (право ношения мундира могло сохраняться). Мундиры изготавливались за счет их обладателей, что ложилось тяжелым бременем на бюджет государственных служащих.

Далее мы будем подробнее говорить о всех разновидностях мундиров, здесь же отметим, что, во-первых, мундир был обязателен во всех тех случаях, когда в публичных церемониях должно было учитываться старшинство чинов, и, во-вторых, с мундиром было связано отдавание чести как в военной среде, так иногда и в гражданской.

С системой чинов, хотя и не жестко, было связано пожалование разного рода почетных званий. Связь эта была обоюдной: звание могло даваться только обладателям чинов определенных классов (не одного, а нескольких, например, обладателям генеральских чинов); вместе с тем получение звания обычно ускоряло продвижение по классам Табели, о рангах. Все то же относится и к званию кавалера ордена, поскольку ордена обычно жаловались «в порядке постепенности» — от младших к старшим, сообразуясь с рангами чинов награждаемых.

Долгое время господствовало представление, что чин является «особенно почетным званием, великой царской милостью» (В. А. Евреинов). Чин и Табель о рангах стали одним из важных явлений русской общественной жизни XVIII—начала XX в., постоянно привлекавшим внимание и иностранных наблюдателей, и государственных и общественных деятелей внутри страны. Один из западных путешественников, посетивших Россию в царствование Павла I, метко заметил: «Здесь все зависит от чина... Не спрашивают, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин» (Русская старина. 1899, окт. Т. 100. С. 62).

Положение в обществе, измеряемое классами чинов, получило значение главной жизненной ценности. Согласно Уставу о службе гражданской (ст. 788) начальник имел право уволить

подчиненного без объяснения причин; чин же мог быть снят только по суду.

В связи с открытием в начале XIX в. ряда средних и высших учебных заведений число претендентов на государственную службу возросло. К. Ф. Головин отмечал появление в России «умственного пролетариата» — категории людей, которые могли жить главным образом за счет знаний и службы. Признавалось, что «Россия — та страна, где умственному пролетариату государство предоставляет наибольшее число вакансий; в Германии и во Франции доступ к официальной карьере гораздо труднее и голоднее, чем у нас. Но и в России свободных мест не хватает». В этих условиях, с одной стороны, возросли численность и влияние чиновничества, с другой — опасения со стороны самодержавия (особенно под влиянием революций на Западе) относительно социально-политической ориентации чиновничества, его приверженности существующему экономическому и политическому строю. Позднее появилась даже характеристика некоторых крупных чиновников как «красных». Но еще более остро в николаевское царствование (не без влияния сатиры Н. В. Гоголя) встал вопрос о чисто деловой несостоятельности большинства чиновничества, особенно тех, кто не получил серьезного образования. Объектом дискуссии в правительственных верхах стали феномен чинов и Табель о рангах как их правовая основа. Главных обвинений против чинов было три: провоцирование непомерного стремления к получению чинов, возможность получения их простой выслугой лет и опасное увеличение численности нового «служилого» дворянства. Было выдвинуто и настойчиво отстаивалось требование отмены чинов. Приверженцами этой меры были Николай I и его преемники. В записке «О народном воспитании», составленной по поручению Николая I, А. С. Пушкин в ноябре 1826 г. писал: «Чины сделались страстью русского народа... В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником... Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою». Сторонники сохранения чинов полагали, что отрицательные последствия чинов могут быть устранены без отказа от них в принципе. Апологетом чином выступил министр народного просвещения граф С. С. Уваров — автор известной реакционной формулы «православие, самодержавие и народность». В 1870 г. он подал Николаю I записку, в которой докажи нал, что чины есть «орудие столь могущественное, что доколе оно останется в руках властителей, едва ли что-либо может поколебать самодержавную власть в ее основаниях». «В гражданской жизни всех европейских народов, — развивал Уваров свою идею, — отличие определяется и достигается или родом, или богатством, или дарованием. Там ... только три пути к высшим слоям общества». В России иначе. «Известно, что у нас... гражданское значение всех и каждого зависит от степени, которая определяется по усмотрению высшей власти» в зависимости от «службы престолу» и отечеству. «При таком положении потомок Пожарского и потомок Минина должны наравне искать благоволения правительства, заслуживать офицерский чин. Граф Шереметев, вступая во владение обширным поместьем, обязан прежде воздать правительству по мере сил дань личною службой. Карамзин оставался бы скромным писателем, если бы взор монарший не поставил его в общественном мнении на равную степень с вельможами ... Отчего Россия ... так пристрастилась к этому порядку, что изменение его считала бы не приобретением, а ущербом? Россия любит в Табелях о рангах торжественное выражение начала, славянским народам драгоценного, — равенства перед законом, дорожит знаменем мысли, что каждый в свою очередь может проложить себе путь к высшим достоинствам службы». Уваров предсказывал, что уничтожение или даже ограничение «закона о чинах произведет в общем мнении несомненное потрясение, отчасти похожее на смятение». Государственная служба утратит «нравственное могущественное привлечение», дворянство отойдет от нее, и служба «вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего..., похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования». Последнее опасение особенно подчеркивалось: «...быстро образуется новый разряд людей с особенными понятиями, с особенными предрассудками и мечтами, менее привязанных к правительству, а более занятых собственными выгодами». Как видим, записка Уварова представляла собой манифест реакционного курса внутренней политики, в котором чинам придавалось поразительно большое значение.

Ознакомившись с запиской С. С. Уварова, Николай I написал на ней: «Много весьма справедливых мыслей». Однако современники, которым содержание записки стало известно, отнеслись к ней критически. Так, упоминавшийся уже В. Я. Стоюнин высмеял рассуждения Уварова о «равенстве перед законом» граждан России. Он же указал на одну из главных причин, вызвавших уваровскую записку: «Русский вельможа испугался, что с уничтожением Табеля о рангах пропадет сила высшего сословия, потому что людям со связями и протекцией чины добывать было легко».

Хотя на протяжении второй половины XIX в. вопрос об отмене чинов (или о реорганизации системы чинопроизводства) неоднократно рассматривался в правительственных верхах, они все же просуществовали до 1917 г. без сколько-нибудь существенных изменений. Решающее значение при этом имели соображения, подобные выдвинутым Уваровым, и сопротивление этой мере самого чиновничества.

ДВОРЯНСКИЕ ТИТУЛЫ, ГЕРБЫ И МУНДИРЫ

ДВОРЯНСТВО

Свод законов Российской империи определял дворянство как сословие, принадлежность к которому «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобретали потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы». Неясность этого определения вполне соответствовала неясности самого понятия «дворянство» в представлении современников. Один из дворянских публицистов конца XIX в., задавшись вопросом «Что такое дворянин?», должен был признать, что «общее понятие, скорее чувствуемое, чем осознаваемое, слова „дворянин" является в виде неясного представления чего-то избранного, привилегированного, неодинакового со всеми остальными людьми». Некоторая растерянность цитированного автора объясняется действительно сложным, разнородным составом дворянства к концу XIX в.

Как было зафиксировано в «пунктах» к Табели о рангах, ко времени ее введения «множественно оказалось, что некоторые себя дворянами называют, а подлинно не суть дворяне, иные же своевольно герб приняли, которого предки их не имели». Поэтому Петр I подтверждал, что «никому, кроме нас и других коронованных глав, [не] принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать».

Делая попытку объяснить читателю в общем виде, что же такое дворянство, следует прежде всего определить его как сословие, т.е. особый в правовом отношении слой феодального общества, исторически сложившийся в России к началу XVIII в. и окончательно юридически оформленный Жалованной грамотой дворянству 1785 г. В идеальном случае дворянин — это помещик, т.е. владелец земель и крепостных — основной производитель силы феодального общества. Именно в таком качестве дворянин-помещик являлся главной социальной опорой царизма. В своем имении он выступал отчасти как агент верховной власти, ответственный за поступление налогов с крестьян, исполнение рекрутской повинности, благосостояние населения, за сохранение общественного спокойствия и т.п. Право владения населенными землями и получения с них доходов неразрывно связывалось с обязанностью дворян служить царю и отечеству. Еще указом 1701 г. было категорически определено, что «все служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет». Здесь под землями имелись в виду поместья. Но затем указом 1714 г. к ним были приравнены в правовом отношении и вотчины. Богатство рассматривалось прежде всего как условие независимости и возможность целиком посвятить себя саморазвитию, государственной службе и ведению рационального хозяйства. Однако далеко не все дворяне-помещики были действительно богаты. Министр народного просвещения николаевского царствования князь К. А. Ливен писал, что «линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется». Случаи, когда дворяне, даже титулованные, не имея других средств к существованию, занимались хлебопашеством, действительно имели место в России.

В результате отмены крепостного права в 1861 г. дворяне лишились права владения крестьянами. Их хозяйства стали, хоть и медленно, эволюционировать по капиталистическому пути. Усилился процесс обезземеливания дворянства. Вместе с тем возросли притязания дворянства на участие в политической власти, в частности на власть на местах.

Служба сообщала дворянину приоритет. В 1712 г. было предписано, «чтобы каждый дворянин почесть и первое место давал каждому обер-офицеру», т.е. служащему дворянину. С введением Табели о рангах это преимущество было фактически распространено и на гражданских чиновников, во всяком случае с VIII класса и выше.

Еще в петровское время дворяне обязаны были служить пожизненно. Первое облегчение было сделано Анной Иоанновной, установившей, что дворяне должны служить с 20- до 45-летнего возраста, после чего могли оставлять службу; одному дворянину из каждого семейства дозволялось вовсе не являться на службу, а заниматься хозяйством в имении. Петр III в 1762 г. освободил дворян от обязательной службы; Екатерина II подтвердила это — право Жалованной грамотой дворянству 1785 г. Одновременно принимались меры для того, чтобы привлечь дворян на государственную службу посредством чинов, орденов и т.п. При Николае I был принят даже ряд узаконений, ограничивавших сословные права дворян (и их потомков), не состоявших на государственной службе.

В реальной жизни дворянин предстает как человек, лишь имеющий право на владение населенными землями, но не обязательно действительно ими обладающий. С тех пор как

открылась возможность получения дворянства службой, беспоместный дворянин стал распространенным «явлением». Выступая основателями нового дворянского рода и пользуясь всеми правами благородного сословия, такие дворяне на деле целиком зависели от службы и жалования. Во многих случаях их стремлением было использовать дворянство для выгодной в материальном отношении женитьбы. Дворянство, полученное за государственную службу (по чину или ордену), — как только его получение приобрело массовый характер, — стало рассматриваться в обществе как второсортное. Современный нам исследователь истории дворянства (А. П. Корелин) справедливо отмечает, что «приобретение дворянства службой отчасти было в интересах самодержавия, так как увеличивало в составе высшего сословия бюрократическую прослойку, целиком находившуюся в зависимости от верховной власти». Вместе с тем существовало опасение, что чрезмерное увеличение численности беспоместных дворян приведет к изменению социальной природы дворянства как сословия. В 1827 г. в правительственных верхах впервые был поставлен вопрос о необходимости отмены приобретения дворянства чином. В 1840 — 1850-х гг. получение дворянства по чину и ордену было ограничено. В 1880-х гг. предполагалось установить, что потомственное дворянство мог давать лишь III класс Табели о рангах.

Потомственные дворяне получали ряд важных личных прав: они освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, от телесных наказаний; могли принимать участие в сословной организации дворянства; обязанность служить являлась для них также преимущественным правом на государственную службу; дети дворян пользовались льготами при получении образования. Лишь после 1861 г., а особенно после 1905 г. некоторые из названных прав утратили свое значение.

И поместное, и служилое дворянство было потомственным, т.е. передавалось жене, детям и дальним потомкам по мужской линии (дочери, вышедшие замуж, получали сословный статус мужа). В «пунктах» к Табели о рангах специально оговаривалось, что «законные дети и потомки» тех, кто выслужил потомственное дворянство, должны быть «в вечные времена лучшему старшему дворянству во всех достоинствах и преимуществах равно почтены быть». Большим был вопрос о статусе законных детей потомственного дворянина, рожденных до получения дворянства. Из них мог получить потомственное дворянство «только один сын, о котором отец будет просить». Прочие дети получали особый правовой статус «обер-офицерских детей», которые в 1832 г. были причислены к сословию почетных граждан. Лишь с 1874 г. в потомственное дворянство стали возводиться все дети чиновников, получивших статус потомственного дворянина.

Наследование дворянства порождало внимание к истории рода во многих поколениях — к его происхождению, роли в истории страны, заслугам его выдающихся представителей. Это знание, оформленное обычно в форме родословия, родового герба, портретов предков, преданий и т.п., вызывало чувство личного достоинства и гордости за своих предков, напоминало о единстве всех живущих представителей рода и побуждало к заботе о сохранении его доброго имени. Честь дворянина воспринималась и им самим, и окружающими как некая важная реальность, вызывающая доверие к нему. Наоборот, нарушение правил чести рассматривалось в дворянской среде как случай чрезвычайный.

Особую группу составляли личные (не потомственные) дворяне. Престиж личного дворянства, впервые появившегося вместе с Табелью о рангах, был минимален (его даже не считали «настоящим» дворянством). За малым исключением личные дворяне не имели права владения крепостными. Помимо обычной выслуги потомственного дворянства, личные дворяне могли (до 28 мая 1900 г.) ходатайствовать о его получении в случае, если их отцы и деды прослужили по 20 лет в обер-офицерских чинах. Личное дворянство распространялось только на жену. Дети личных дворян пользовались статусом «обер-офицерских детей», а с 1832 г. — потомственных почетных граждан.

Введение манифестом 10 апреля 1832 г. нового сословия почетных граждан (потомственных и личных) преследовало две цели: во-первых, сократить возрастание численности личных дворян за счет замены в ряде случаев звания личного дворянина званием почетного гражданина; во-вторых, предоставить хотя бы минимум прав (главные из них — освобождение от рекрутской повинности, подушного оклада и телесных наказаний) таким категориям населения, как купцы 1-й гильдии (после 10 лет, а с 1863 г. — 20 лет пребывания в гильдии), коммерции и мануфактур-советники, лица, получившие ученые степени, художники, выпускники университетов и ряда других высших учебных заведений, дети личных дворян и православных церковнослужителей и др. С 1892 г. звание почетного гражданина стало возможным испрашивать за общественно полезную деятельность: за первые 10 лет в этом случае давалось личное почетное гражданство, а за 20 лет — потомственное. На 1858 г. в России числилось более 21 тыс. почетных граждан.

Общая численность дворянского сословия и классовых чиновников (с членами семей) составляла на 1858 г. примерно миллион человек (без Польши, Финляндии и Средней Азии), в том числе потомственных дворян — 612 тыс. На 1861 г. число потомственно-дворянских семей достигало 150 тыс., в том числе 128 тыс. поместно-дворянских. Число потомственно-дворянских родов было, следовательно, еще меньше. На 1897 г. потомственные дворяне (по происхождению, в том числе дети чиновников) составляли среди военных 52 %, а среди гражданских государственных служащих — 31 % (в целом 37 %).

А. П. Корелин пришел к обоснованному заключению, что «высшее сословие, с одной стороны, как наиболее образованное и обеспеченное, дало немало видных деятелей в области науки,

литературы и искусства, а с другой — вобрало в себя довольно значительную часть талантливых выходцев из других сословий».

Жалованной грамотой дворянству 1785 г. официально вводилась корпоративная организация благородного сословия с правами самоуправления. Совершеннолетние потомственные дворяне каждой губернии (мужского пола) образовывали дворянское общество, члены которого (внесенные в губернские родословные книги и обладавшие определенным имущественным цензом) пользовались правом участия в собраниях (обычно раз в три года) для обсуждения нужд общества (с правом обращения к правительству с ходатайствами о местных нуждах) и выборов предводителей губернского дворянства. Аналогичная организация создавалась и в уездах. Губернские предводители дворянства вместе с представителями от рядовых дворян губерний образовывали депутатские собрания — высший орган дворянства между губернскими собраниями. Чтобы усилить привлекательность и авторитетность должности предводителя, а вместе с тем иметь основания для влияния на занимавших ее лиц, должность эта в 1831 г. была отнесена к IV и V классам государственной службы с присвоением предводителям соответствующих прав.

При создании дворянской корпоративной организации царское правительство преследовало три цели. Во-первых, усилить влияние дворянства на местах как «первой опоры престола» и «одного из надежнейших орудий правительства» (так дворянство квалифицировалось законом). Во-вторых, создать условия для привлечения дворянства к участию в местном государственном управлении, сформированном на основании Учреждения о губерниях 1775 г. Уездные учреждения оказывались полностью в руках поместного дворянства, а губернские — в значительной мере. После отмены крепостного права участие дворян в местной администрации видоизменилось, но не уменьшилось. И, в-третьих, поставить дворян под контроль их же выборных органов. В частности, на предводителей дворянства возлагалось наблюдение за «нравственностью» дворян, осуществление по отношению к ним дисциплинарных мер (например, участие в наложении опеки на имения), выдача дворянам характеристик, необходимых при поступлении на государственную службу и в некоторых других случаях.

При всем том царское правительство никогда не утрачивало внимательно-настороженного отношения к дворянской корпоративной организации: сознательно сохранялась разобщенность внутри нее (уездные организации не подчинялись губернским, до 1905 г. правительство препятствовало созданию общероссийской дворянской организации), осуществление наиболее важных функций организации контролировалось и даже санкционировалось губернаторами и Министерством внутренних дел. После отмены крепостного права усилились претензии дворянства на более активное участие в политической власти в стране.

Хотя по закону личные дворяне входили в состав дворянских обществ, права участия в дворянских собраниях они были лишены. Сословие почетных граждан фактически не имело корпоративной организации.

Благородное происхождение потомственного дворянина — его принадлежность к благородному роду, т.е. к роду, чьи заслуги перед отечеством официально признаны (*благо-род*), выражалось общим титулом всех дворян — *ваше благородие*. Частным титулом *дворянин* пользоваться не было принято (так не представлялись и не называли кого-либо при обращении). Первоначально (в петровское царствование) в официальной переписке употреблялась несколько иная, как представляется более совершенная, форма общего титула, а именно *благородный господин*. Но затем, возможно по аналогии с формулой *ваше величество*, появилась как обязательная формула *ваше благородие*, которая в системе русского языка грамматически нелепа. Включенное в нее местоимение второго лица употреблялось из почтительности во множественном числе (*ваше благородие* и *их благородию*), постепенно трансформировавшись в вежливую форму второго лица единственного числа (*ваше благородие*, но *его благородию*). В 1832 г. тот же общий титул (*ваше благородие*) получили и почетные граждане. Но это отнюдь не означало признания их благородства; скорее, наоборот, свидетельствовало об утрате этим титулом его исконного значения. Не получили почетные граждане и вещественного выражения благородства — права ношения шапки, которое имели дворяне.

Титул *благородие* в далеком прошлом употреблялся среди прочих при величании царя. В XVIII и XIX вв. он сохранялся в одной из церковных служб, когда после большого выхода при дворе архиерей обращался к присутствующему императору со словами: «Благородие твое да помянет господь Бог во царствии своем».

При обращении к дворянину заменой частного титула был предикат *господин* (*госпожа*). Существуют разные версии происхождения этого слова. Согласно одной из них, оно происходило от слова «господь» — глава семьи, владыка, бог и означало «хозяин, владелец». В России дворяне пользовались преимущественным правом называться этим предикатом, но он же мог применяться (и со временем все более) к любому другому свободному (не крепостному) человеку. В среде крепостных и слуг предикат *господин* обычно заменялся словом *барин*, происходившим от слова *баярин*, по одной из версий означавшее в древности «воин» (участник битвы, боя). В неофициальной ситуации предикат *господин* часто заменялся предикатом *государь* (*государыня*), но только в словосочетаниях *милостивый государь* или *государь мой NN*, либо использовался в сокращенной форме *сударь* (*сударыня*). Форма эта долгое время считалась бытовой, не употреблялась в документах и с трудом проникала в «высший свет». В «Горе от ума» предикат *сударь* (*сударыня*) высмеивается: «Ну как перевести мадам и мадмуазель? Ужли сударыня!..

Сударыня!.. Ужасно!». Остаточным элементом употребления предиката *сударь* в мещанской среде было добавление звука «с» (начала слова «сударь») в конец некоторых слов (например: точно так-с, пожалуйста-с и т.д.). Предикат *господин* обычно не употреблялся без фамилии (это было возможно лишь во множественном числе); формула *милостивый государь* могла быть и безымянной; предикат *сударь* применялся только как безымянный.

Необходимо отметить, что наряду с официальными общими титулами в дореволюционной России в комплементарных целях в быту употреблялись и некоторые произвольные, законом не установленные титулы вроде *ваше степенство*, *ваша милость*, *ваша честь* и т.п. Чаще всего так обращались к представителям купеческого сословия, если они не имели официальных титулов.

ИМЕННАЯ ФОРМУЛА И РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Пользоваться частным титулом *дворянин* в России не было принято. Не существовало и никаких особых частиц-приставок к фамилиям, которые бы заменяли этот титул и указывали на принадлежность к дворянству (типа *фон* при немецких фамилиях, *дон* при испанских или *де* при французских). И все же русская именная формула в некоторые периоды развития содержала в себе признаки дворянской принадлежности, знание которых важно для атрибуции исторических персонажей. Эта формула к началу XVIII в. в ее полном виде сложилась из имени, отчества и фамилии.* Такая трехчленная формула не была единственно возможной и отличалась от именных формул некоторых других европейских народов. Наибольшее распространение в Европе имела двухчленная формула «имя — фамилия» или «имя — отчество». В первом случае довольно часто применение двойного или тройного имени, одним из которых могло быть имя отца или матери. Второй случай свойствен численно небольшим народам, например исландцам. Используется и многочленная именная формула. Так, в Испании к фамилии отца прибавляется еще фамилия матери, а иногда и бабки (двойная фамилия детей образуется из первых фамилий отца и матери). Каждая из именных формул имеет свои достоинства и недостатки. Несомненно удобнее краткая формула. Однако подробная (трехчленная и более) дает более полное представление о предках.

* До XVIII в. существовала тенденция дополнения этой формулы еще одним элементом — дедичеством (вместо фамилии или одновременно с ней), но она не реализовалась.

Элементы русской именной формулы появились в разное время.* К началу XVIII в. уже господствуют канонические христианские имена, полностью вытеснившие имена-прозвища, существовавшие до того параллельно с основным именем. Правильному именованию придавалось большое значение. Неправильное или в уничижительной форме написание «чьего-либо имени или прозвища» могло повлечь обвинение в нанесении «бесчестья». В 1675 г. царским указом было разъяснено, что ошибка в правописании имен по незнанию «природы тех народов, в которых кто родился», не является преступлением, а потому «судов в том не давать и не разыскивать». Имена в зависимости от их социальной принадлежности употреблялись в трех видах: в полной форме (Василий), в качестве так называемого полуимени (Васюк) и уничижительной форме (Васька). Пользование полным именем было прерогативой дворян; полуименя в повседневной жизни было признаком принадлежности к неблагородным сословиям. Но в сношениях с центральной властью и дворяне называли себя полуименами или даже в уничижительной форме (правда, в этом случае из контекста всегда было ясно, что речь идет о дворянине). Любопытно, что последнее было усвоено и иностранцами, находившимися на русской службе. В письмах к Петру I конца 1690-х гг. есть подписи Юшки Фаменрина, Ивашки Инехова и Адам-ки Вейде; генерал А. А. Вейде одно из писем подписал: Aclatoc Meycle. С 1 января 1702 г. Петр запретил употребление полуимен в официальных документах не только для дворян, но и для крестьян. Это запрещение вошло в практику не сразу, но тенденция была такова, что всё менее высокие социальные слои стали пользоваться полным именем.

* Историческая наука еще не располагает достаточными наблюдениями за практикой применения формулы именовании и отдельных ее элементов к разным сословиям, периодам и ситуациям (в быту и в официальных случаях, устно и письменно). В 1886 г. Е. П. Карнович опубликовал книгу «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими». Это не только единственное исследование по истории персональных титулов, но и по истории русских имен, отчеств и фамилий. Карнович первый обратил внимание на связь титулов с именной формулой и провел огромную работу по наблюдению за практикой пожалования титулов и пользования прозваниями. К сожалению, книга не содержит точных ссылок на источники..

Обычно имя давалось при крещении в соответствии со святыми, содержащими поденный перечень православных святых. Однако такой порядок не был безусловно обязательным для дворян. Это подтверждается, в частности, тем, что в разное время и на разных территориях преобладало преимущественное употребление определенного перечня предпочтительны- имен (отметим, что номенклатура русских имен была очень широка, причем мужских имен было на практике примерно в два раза больше, чем женских). Предпочтительность имен в дворянской среде обуславливалась не столько их благозвучием или модой, сколько традиционностью для рода и их смысловым значением. Отступление от святцев практиковалось и при наименовании членов императорской семьи. Так, выбор имени «Павел» для сына Екатерины II — наследника престола — определялся стремлением связать его имя с именем Петра!. Само имя «Петр» было к этому времени скомпрометировано (Петр II и

Петр III). «Свежее» имя Павел в сознании современников вызывало желаемую ассоциацию благодаря тому, что Петр и Павел считались, так сказать, парными святыми (главный собор/голицы назывался их именами — Петропавловский). Политический умысел был и при выборе имен внуков Екатерины — сыновей Павла. Когда у государственного секретаря А. А. Половцова родилась внучка Бобринская, ей было дано имя Екатерина. Сделано это было для того, чтобы напомнить, что новорожденная являлась праправнучкой Екатерины II, побочный сын которой от графа Г. Г. Орлова получил фамилию Бобринский с титулом графа. Один из мемуаристов рассказывает, что министр юстиции граф В. Н. Панин, «пожелав младшую дочь назвать Марией ... поручил ... начальнику канцелярии составить для него биографии всех угодниц и преподобных, носивших имя Марии». С огорчением «граф узнал, что все святые этого имени вели в молодые годы довольно предосудительную жизнь».

Отчество в составе именной формулы выполняло тройную функцию: дополняло имя, отличая его обладателя (в дополнение к фамилии) от тезки, проясняло родство в кругу семьи (отец — сын) и выражало почтение (формула вежливости).

Отчество могло иметь две формы: Петр Иванов сын и Петр Иванович.

Первая форма отчества (получившая название полуотчества) надолго стала основной, официально употребляемой для лиц всех сословий. Так, в конце XIX в. В. И. Ленин в своем прошении в Петербургский университет называет себя «Владимир Ильин сын Ульянов». Отсюда, кстати сказать, возник и один из его позднейших псевдонимов — В. Ильин. При обращении к недворянам слово «сын» в обиходе обычно опускалось. Правилами, принятыми в 1826 г. для военного ведомства, предусматривалось, что рекруты чаще именовались именем и прозвищем. В том случае, если последние были «непристойными», полагалось их заменять «во всех списках и перекличках отчеством» (имелось в виду полуотчество), например Петр Лукин (без добавления слова *сын*).

Вторая форма отчества (со старославянским окончанием *-вич*) со времени ее возникновения на исходе XVI в. употреблялась как элемент особо почетной формы обращения (имя и отчество). Право пользоваться ею рассматривалось как милость, и «сам государь указывал, кого следует писать с *-вичем*». Сохранялась эта традиция и первое время при Петре I: в 1697 г. он разрешил «писать с *-вичем*» князю Якову Федоровичу Долгорукову, а в 1700 г. — «именитому человеку» Григорию Дмитриевичу Строганову. В царствование Екатерины I был составлен список немногих лиц, которых в правительственных документах полагалось именовать отчеством с *-вичем*. После введения Табели о рангах употребление отчества стало согласовываться и с классом чина. При напечатании «чиновной росписи» той же Екатериной было повелено особ первых пяти классов писать с *-вичем*, чинов VI—VIII классов — полуотчествами, а всех остальных — только по имени, без отчества. Именование с *-вичем* на этом этапе было несомненным признаком дворянской принадлежности. Затем эта форма отчества стала получать все более широкое распространение в сфере частных отношений дворянства и чиновничества, а с середины XIX в. — и других сословий.

Е. П. Карпович рассказывает в своем исследовании, что накануне отмены крепостного права в крестьянской среде было принято именование друг друга только по отчеству с *-вичем* (Иванович, Васильевич). А после реформы 1861 г. бывшие крепостные нарочито называли друг друга по имени и отчеству с *-вичем*, а бывших помещиков — именем и полуотчеством без слова *сын*.

Третий элемент русской именной формулы — фамилия. Этот термин даже в начале XIX в. официально толковался как «семья» и «род», а не как название рода, для чего использовался термин «родовое прозвание». Мы все-таки предпочтем ему принятое теперь понимание слова «фамилия» как общего наименования рода — нисходящих поколений родственников по мужской линии. Фамилия, несомненно, являлась главной составляющей именной формулы, поскольку служила, в частности, более четкому осознанию родовой принадлежности, ее выражением. Как правило, русские фамилии были одинарными и передавались только по мужской линии (об исключениях мы скажем далее). Родовая фамилия матери как бы терялась, что затрудняет генеалогические разыскания (хотя девичья фамилия иногда указывалась на визитных карточках).

Первыми в России появились княжеские фамилии (XIV — первая половина XV в.) К началу XVIII в. фамилии имели уже все дворяне-помещики. Их фамилии большей частью образовались от отчеств (имени отца) и определили названия владений (деревень). Жалованная грамота дворянству 1785 г. разрешала представителям этого сословия именоваться по названиям имений (как это было распространено, в частности, у польской шляхты), но это право не было использовано. С введением при Петре паспортов и более строгого учета населения все горожане и государственные крестьяне получили фамилии. Духовенство стало приобретать фамилии лишь с середины XVIII в., обычно образуемые от названий приходов (Преображенский, Никольский, Покровский и т. п.). В середине XIX в., особенно после отмены крепостного права в 1861 г., формируются фамилии крестьян (от фамилий помещиков, названий населенных пунктов, прозвищ, отчеств).

Способы образования дворянских фамилий (фамилий древних дворянских родов и родов, выслуживших дворянство чинами после введения Табели о рангах) были многообразными. Небольшую группу составляли фамилии древних княжеских родов, происходивших от названий их княжений. До конца XIX в. из числа таких родов, ведших свое происхождение от Рюрика, сохранилось пять: Мосальские, Елецкие, Звенигородские, Ростовские (последние обычно имели двойные фамилии) и Вяземские. От названия вотчин произошли фамилии Барятинских, Белосельских, Волконских, Оболенских, Прозоровских, Ухтомских и некоторых других. Чаще

фамилии в своем основании имели кличку или отчество какого-либо члена рода, чем-нибудь отличившегося, переехавшего в другую местность, ставшего владельцем имения или главой особенно большого семейства.

Надо иметь в виду, что фамилии не вводились каким-либо правовым актом, а устанавливались произвольно или по традиции и даже более или менее случайно (например в связи с определением на царскую службу). При этом были и определенные колебания, в результате чего фамилии либо менялись, либо удваивались. Примером такого рода является фамилия известных бояр Романовых: дед патриарха Филарета из этого рода именовался Захарьиным-Юрьевым по именам своего деда и отца. Среди сохранившихся в потомстве двойных фамилии — Бобришвы-Пушкины, Мусины-Пушкины, Вельяминовы-Зерновы. Воронцовы-Вельяминовы, Голенищевы-Кутузовы, Квашнины-Самарины, Сухово-Кобылины и др. Относительная немногочисленность двойных фамилий объяснялась тем, что в России «не было заведено передачи их по женскому колену», т. е. при породнении двух родов (даже в случае пресечения одного из них по мужской линии). При Петре I был первый случай передачи князю Друцкому-Соколинскому фамилии его тестя Гурко-Ромейко, в результате чего образовалась фамилия Друцкие-Соколинские-Гурко-Ромейко, пресекавшая лишь в конце XIX в. Затем только при Павле I получила распространение практика передачи угасших в мужском колене дворянских фамилий другому роду по женской линии. Так, в 1801 г. фамилия генерал-фельдмаршала князя Н. В. Репнина была передана его внуку — сыну дочери, вышедшей замуж за одного из князей Волконских. Вдове генерал-аншефа Ф. И. Глебова, урожденной Стрешневой, в 1803 г. разрешили (вместе с детьми) пользоваться фамилией этого боярского рода, родственной царскому дому. В связи с отсутствием мужских потомков у детей Глебовой-Стрешневой фамилия по женской линии должна была перейти к дворянам фон Бреверн. Но так как единственная дочь Бреверна вышла замуж за князя, Шаховского, то фамилия Глебовых-Стрешневых сразу перешла к нему. В 1854 г. фамилия князей Прозоровских (еще до ее пресечения в 1870 г.) перешла в род князей Волконских. Фамилия Нелединских-Мелецких была передана князю Оболенскому; князей Дашковых — графу Воронцову (без княжеского титула); внук М. И. Голенищева-Кутузова П. М. Толстой получил фамилию деда (тоже без титулов).

Были и другие причины и поводы к удвоению фамилий. В 1697 г. дворяне Дмитриевы просили для отличия их «от многих разных чинов малородных» с той же фамилией разрешить им присоединить фамилию «сродника» Мамонова и называться Дмитриевыми-Мамоновыми, «чтобы ... от других Дмитриевых бесчестными не быть».

Многие дворянские фамилии в России имели нерусское происхождение.

Первую их группу составляли фамилии дворян, ведших свое происхождение от татарских родов: Юсуповы, Урусовы, Карамзины, Мухановы, Бибиковы. Вторую группу — имевшие западное происхождение, которые со временем приобрели вполне русский вид. По данным Е. П. Карновича, фамилия приехавшего в Россию англичанина Гамильтона сначала стала писаться Гамантов, потом Гаматов и, наконец, Хомутов. Немецкая фамилия Левенштейн через Левштейна и Левтшина превратилась в Левшина. Немец Гаррах стал именоваться Гороховым. Кос фон Дален переименован в Козодавлева. Один из маркграфов Мейссенских стал в России Мышницким, а потом князем Мышецким. Потомки византийских императоров из фамилии Комнинов обратились в России к концу XV столетия в Комриных, а затем в Ховриных.

Любопытна история фамилии Барановых, род которых имел татарское происхождение (мурза Ждан имел прозвище Баран). Во времена Ивана Грозного один из представителей рода Барановых выехал из России в Эстляндию, находившуюся под властью, Швеции, где принял лютеранство. Его фамилия трансформировалась в Барангоф с добавлением частицы *фон*. В первой половине XIX в. вдова Трофима Иогана Барангофа Ю. Ф. Барангоф (урожденная Адлерберг) становится воспитательницей будущего Александра II и получает графский титул с возвращением прежней фамилии Баранова. Ее сын Э. Т. Баранов одно время занимал должность председателя Департамента экономии Государственного совета.

Переводить иностранные фамилии на русский язык в России не было принято, как это нередко делалось в других странах. Например, многочисленные представители немецкого рода Остен-Сакенов (букв. «восточный мешок») так и именовались в России, тогда как чистокровный немец известный русский филолог А. Х. Востоков в исключение из традиции перевел свою фамилию с немецкого.

Вообще система дворянских фамилий в России не дает возможности с определенностью судить о национальности их обладателей, поскольку ассимиляция иностранцев проявлялась обычно во втором поколении, а в третьем — наверняка. Как видим, «Востоков» мог быть немцем, а севастопольский городской голова Рот-гольц был (сошлемся на свидетельство К. П. Победоносцева) «лишь по фамилии немец» и даже православного вероисповедания. Вспомним и доктора Вернера в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

При получении дворянства по службе фамилия нового дворянина, как правило, не подвергалась никаким изменениям, как это практиковалось, например, в Швеции. Поэтому представители рода до и после получения дворянства имели одну и ту же фамилию.

По закону внебрачные дети дворян не имели права ни на дворянство, ни на фамилию отца. Причем по особым ходатайствам дворянство для них оказывалось получить легче, чем фамилию (поскольку последнее могло вести к ущемлению интересов других представителей рода). Возникала необходимость создавать новые фамилии, которые в мужском потомстве становились фамилиями

новых дворянских родов. Фамилии эти иногда «выкраивались» из родовых прозваний отцов. Так, сын князя Репнина получил фамилию Пнин (в будущем известный литератор), а сын князя И. Трубецкого и шведской графини Вреде — Бецкой (будущий президент Академии художеств). Побочный сын вице-канцлера князя А. М. Голицына стал именоваться А. А. Де-Лицын. Внебрачные дети графа П. Б., Шереметева носили фамилию Реметевых. Дочери Екатерины II от князя Г. А. Потемкина была дана фамилия Темкина. Сын же Екатерины и графа Г. Г. Орлова получил фамилию Бобринский с титулом графа (давшую несколько государственных деятелей). Побочной дочери Павла I была дана фамилия Юрьева, бывшая в прошлом одним из родовых прозваний бояр Романовых. Когда в 1880 г. Александр II вступил вmorganатический брак с княжной Е. М. Долгоруковой, она и ее дети получили фамилию Юрьевских.

Употребление именной формулы в армии (и во флоте) имело ту особенность, что для краткости в официальных документах имя и отчество (и даже инициалы), а также чин не назывались, а к фамилии добавлялся номер. Номер этот отличал данного офицера от его однофамильцев в общих списках по армии. Известны герои Бородинского сражения генералы Тучковы 1-й, 2-й, 4-й. В марте 1863 г. П. А. Валуев записал в своем дневнике: «Вчера открыто здешнее очередное губернское собрание. Князь Суворов произнес речь в современном вкусе, вероятно, писанную Ивановым 30-м». Речь идет об А. Е. Иванове — адъютанте по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе А. А. Суворове.

При чтении литературы и исторических источников нередко возникают затруднения с произношением некоторых фамилий: где, например, ставить ударение в фамилиях, часто упоминаемых в конце XIX— начале XX в. государственных и общественных деятелей Авдакова, Гурко, Керенского, Коковцова, Обухова, Половцова, Ухтомского, Шипова? Ответ на этот вопрос можно найти не во всех случаях. Прежде всего следует обратить внимание на окончание *-ов* в фамилиях типа Коковцов и Половцов, определенно указывающее на то, что ударение должно быть на последнем слоге. Иногда ударение подсказывается изменением фамилии по падежам. Так, в письмах К. П. Победоносцева Александру III говорится, что автор был «занят у Гурки» и «послал бумагу Гурке». Отсюда следует как будто, что фамилия эта произносилась как Гурко. Ударение может быть установлено и путем выяснения происхождения фамилии. Князья Ухтомские, например, имели вотчину на реке Ухтоме. Но и общепринятые до революции ударения в некоторых фамилиях могли быть уже искаженными. Так, потомки Голицыных и Прозоровских уверяют, что их фамилии должны были произноситься как Голицыны (род вел начало от некоего Голицы) и Прозоровские.

Итак, в XVIII— начале XX в. происходят важные изменения в функционировании русской именной формулы. Отмеченные особенности ее использования дают возможность по имени (менее всего), отчеству и фамилии во многих случаях определить социальную принадлежность их обладателя, и в особенности принадлежность к дворянству.

Некоторые известные дворянские фамилии (Нарышкины, Одоевские и др.) сами по себе являлись как бы титулом.

Существовали и специальные почетные фамилии — титулы, пожалование которых чаще всего сопровождалось награждением родовым титулом. Заимствовав древнеримский обычай давать военачальникам почетные прозвания по названиям тех мест, где ими были одержаны выдающиеся победы, в России практиковали в подобных случаях награждать победителей добавлением к их родовым фамилиям почетных наименований в виде добавочных фамилий с титулом или без него.* Еще в начале XVIII в. первым подобное наименование получил А. Д. Меншиков — титул светлейшего князя Ижорского. При Екатерине II графу А. Г. Орлову за победу над турецким флотом при Чесме было дано наименование Чесменский. Князь В. М. Долгоруков за присоединение Крыма к России был награжден шпагой с алмазами и алмазными знаками к ордену Андрея Первозванного, а также фамилией Крымский, хотя претендовал на чин фельдмаршала. Граф П. А. Румянцев за переход через р. Дунай получил титул Задунайского. Генерал-аншеф И. И. Меллер за взятие Очакова был награжден орденами Андрея Первозванного и Георгия 2-й степени, возведен в баронское достоинство и получил наименование Закомельского (по названию пожалованных ему земель за р. Комелью). А. В. Суворов за победу на р. Рымнике получил титул графа с добавлением к фамилии наименования Рым-никский, а затем при Павле I за швейцарско-итальянский поход еще титул князя Итальянского. В 1813 г. за победы над французами в пределах Смоленской губернии в ходе войны 1812 г. князь М. И. Голенищев-Кутузов получил наименование Смоленский. За рас-

* Напомним, что российские князья получали почетные имена такого же рода: Александр Невский, Дмитрий Донской.

крытие заговора декабристов офицеру русской армии И. В. Шервуду было дано наименование Верный. В 1827 г. титул графа Эриванского получил И. Ф. Паскевич; позднее за подавление польского восстания он получил дополнительно наименование светлейшего князя Варшавского. В 1829 г. И. И. Дибичу было пожаловано графское достоинство и наименование Забалканский (за переход через Балканы). За взятие турецкой крепости Каре (1855 г.) генерал Н. Н. Муравьев получил фамилию Муравьев-Карский. Наконец, последним из военных в 1858 г. дополнительной почетной фамилией Амурский был награжден генерал-губернатор Восточной Сибири (1847—1861 гг.) генерал-адъютант граф Н. Н. Муравьев в память присоединения Амурского края к России.

Во всех отмеченных случаях почетные фамилии давались военным, хотя не только за воинские подвиги. Но аналогичная практика имела место и в гражданской сфере. В 1866 г. за спасение Александра II от выстрела Д. А. Каракозова крестьянин О. И. Комиссаров получил дворянское звание и добавление к фамилии — Костромской. Несколько раньше Казанское литературное общество, занимавшееся исследованиями Средней Азии, наградило немецкого путешественника Г., Шлягенвейта за переход через горный хребет Кююлюнь званием Закююлюнский. Это звание было утверждено за Шлягенвейтом в виде родовой фамилии баварским правительством. В 1906 г. почетное добавление к фамилии за научные исследования получил выдающийся русский географ член Государственного совета П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Практика награждения почетными фамилиями вызвала в обществе стремление давать печально-известным личностям аналогичные сатирические фамилии-прозвища. Так, когда за перестройку Зимнего дворца после пожара 1837 г. П. А. Клейнмихель в числе других наград получил графский титул, граф К. Ф. Толь предложил присвоить ему фамилию Клейнмихель-Дворецкий. Графа М. Н. Муравьева после участия его в подавлении польского восстания 1863 г. и управления Виленским генерал-губернаторством стали называть Муравьевым-Виленским (в отличие от брата Муравьева-Карского и однофамильца Муравьева-Амурского), хотя официально он этого наименования не получал. В демократических же кругах ему была дана кличка Муравьев-Вешатель. Наконец, когда С. Ю. Витте после заключения Портсмутского мира с Японией получил титул графа, его противники стали называть его графом Полусахалинским (поскольку половина о-ва Сахалин была уступлена Японии).

* * *

В XVIII и XIX вв. в дворянской среде сохранялось очень большое внимание к родственным, свойским (через брак) и кумовским (связи по обряду крещения) отношениям, в особенности же, конечно, к первым, что и получило отражение в исторических источниках и литературе. Это было обусловлено несколькими причинами. Прежде всего бытовыми традициями и догматами церкви. Обычно человек воспринимался не только с учетом его индивидуальных качеств, но и как принадлежащий к определенному роду и семье, доверие к которым распространялось и на их представителей (как говорили, «по отцу и сыну честь»). Хотя и было известно, что «в семье не без урода», существовала убежденность в передаче моральных качеств чуть ли не генетически. Убежденность эта основывалась (может быть, и не вполне справедливо) на очевидной общности внешних особенностей представителей отдельных родов. Так, отмечалось, что дети княгини М. А. Долгорукой «все до единого отличались породистой красотой. Красивые до того, что нельзя было бы себе представить кого-нибудь из Долгоруких с заурядным лицом». «Замечательно красивой» считалась и одна из ветвей рода князей Трубецких. Наоборот, род принцев Ольденбургских был известен своим уродством.

Под родом имелась в виду совокупность людей разных поколений, происходивших от одного предка. Счет велся по мужской линии, и родоначальником также являлся мужчина. В генетическом отношении с равными основаниями можно было бы вести родоисчисление от женского предка и по женской линии. Выбор мужской линии есть правовая условность. Личность родоначальника тоже условна, поскольку любой родоначальник имеет предков и начало рода может быть отодвинуто в глубь времен. Обычно родоначальником считается самый ранний предок, о котором сохранились известия. Чаще всего это предок, с именем которого связывались определенные заслуги перед отечеством, или тот, кто перешел на российскую службу «из чужих краев». Нередко представители одного и того же древнего рода имели разные фамилии, поскольку последние возникли позже начала родоисчисления. Потомки, находившиеся на равном удалении от общего предка, составляют одно родовое поколение. Уже в четвертом поколении родственники (праправнуки предка) слабо ощущали свое родство. Потомство братьев образовывало особые *ветви* рода. Потомки лиц, получивших дворянство, а тем более родовые титулы, образовывали особую *линию* рода (дворянскую, графскую и т. п.). В этом случае можно наблюдать ситуацию, когда, например, один из братьев — дворянин, а другой — нет.

Осознание своей принадлежности к роду, чья история связана с историей отечества, чья общественная репутация ничем не запятнана и является общим достоянием рода, ответственность перед потомками за ее сохранение — все эти соображения и мотивы являлись источником и основой высокого развития чувства чести. Ясное представление о собственном родстве и внимание к чужому обычно считались несомненными достоинствами личности. Так, один из мемуаристов отмечал, что княгиня Д. П. Оболенская «любила службы, твердо помнила родню каждого и говорила охотнее всего по-русски».

Значение родственных отношений во многом определялось тем, что дворянские семьи в большинстве случаев были многочисленными (6—12 детей было нередким явлением), а это означало, что дворянская семья должна была в каждом поколении породниться с несколькими другими родами. При сравнительной немногочисленности дворянства родственные связи между родами уже через 3—4 поколения оказывались сложно переплетенными. Внимание к родственным связям побуждалось, в частности, и запрещением церковью браков между близкими родственниками. Браки разрешались лишь, грубо говоря, за пределами троюродного родства. Кроме того, должны были учитываться и брачные связи родственников брачующихся.

Другой важной причиной внимания к родству было его значение в осуществлении

имущественных прав, особенно права наследования. Иногда за отсутствием близких родственников громадные состояния переходили к другим родам по женской линии. Так, в середине XIX в. в род графов Рибопьер перешло «огромное потемкинское наследство, что вполне давало возможность блеснуть самой широкой роскошью». Хотя в данном случае, по наблюдениям одного из современников (К. Ф. Головин), «роскоши, как чего-то совсем ненужного и даже неизящного, не чувствовалось вовсе». В 1888 г. майоратное имение светлейших князей Воронцовых по женской линии перешло к графу М. А., Шувалову вместе с титулом, гербом и фамилией. Когда в 1904 г. пресекался и род Воронцовых-Шуваловых, имущество его последнего представителя (400 тыс. руб. ежегодного дохода) перешло в род графов Воронцовых-Дашковых.

Оказание помощи родственнику (и свойственнику) и даже прямая протекция по службе считались обязательными. Вспомним Фамусова из «Горя от ума», который окружил себя на службе «детками» сестры и свояченицы и объяснял, что не может «не порадовать родному человечку» в назначении на должность и представлении к ордену.

Наконец, родственные отношения давали правовую основу для наследования дворянства, дворянских фамилий и родовых титулов, что для нас в данном случае особенно важно. Иногда дело было даже не в наследовании родового титула, а в выяснении близости по родству или свойству данного лица к известным в русской истории деятелям или титулованным особам.

Различалось родство в пределах рода и вне его (потомки дочерей и сестер), а также по прямой (дед — отец — сын и т.д.) и по боковой (брат, дядя, племянник и т.д.) линиям. Круг «живых», действительно функционирующих родственных и свойских отношений обычно получает отражение в бытующей терминологии, обозначающей эти отношения. В России XVIII—начала XX в. эта терминология была следующей (напомним ее, рассуждая от первого лица мужского рода и называя родство преимущественно по мужской линии, имея в виду, что женская его линия аналогична). Вверх, к предкам: отец, дед, Прадед, прапрадед, пращур (всякий дальний предок). Вниз, к потомкам: сын (дочь), внук, правнук, праправнук. Сын брата — племянник, сын племянника (внук брата) — внучатый племянник. Дочь брата — племянница и т. д. Брат отца — дядя (его жена — тетка), сын дяди — двоюродный брат, его сын — двоюродный племянник. Двоюродный брат отца — двоюродный дядя, его сын — троюродный брат, сын же троюродного брата — троюродный племянник. Двоюродные брат и сестра могли называться короче (на французский манер) — кузен и кузина. Троюродный брат иногда именовался «внучатым братом».

В общем плане свойственниками считаются лица, не являющиеся родственниками друг другу, но имеющие общих родственников. Свойство появляется в результате браков, поэтому и свойственники — это родственники жены (соответственно — мужа), жен сыновей и братьев, а также мужей сестер и дочерей (не по нисходящей линии).

Отец и мать жены — тесть и теща (а отец и мать мужа — свекор и свекровь). Брат жены и его жена — шурин и невестка; сестра жены и ее муж — свояченица и свояк. Для жены брат мужа — деверь, а жена деверя и сестра мужа — золовки. Муж сестры — зять.

Жена сына — сноха или невестка; муж дочери — зять. Родители жены сына и мужа дочери — сват и сватья. Жена брата — свояченица.

Отношения с родственниками свойственников также принимались во внимание и назывались полусвойством. Так, К. Ф. Головин считал Ф. М. Толстого (музыкального критика и композитора) своим «полусвойственником», поскольку тот приходился братом его дяде — мужу сестры матери (в этом случае дядя являлся свойственником Головина).

Особого рода отношения проистекали из повторного супружества с усыновлением детей от первого брака супруги. Эти дети являются для второго супруга *приемными* (пасынок и падчерица), а для его детей от первого брака — *сводными* братьями и сестрами. Дети мужа от его первого брака становятся *сводными* детьми его новой жены в силу заключения нового брака. Дети одной матери от разных мужей называются *единоутробными*, а дети одного отца от разных матерей — *единокровными*. При отсутствии потомков и сродников мужского пола можно было с разрешения императора усыновить своих законнорожденных родственников в младшем колене для передачи им при жизни своей фамилии и герба.

Обнаружить свойство обычно гораздо сложнее, чем установить родство, поскольку в первом случае чаще всего меняется фамилия. Приведем такой пример: своей удачной карьерой министр финансов М. Х. Рейтерн был во многом обязан покровительству поэта В. А. Жуковского, который был женат на его двоюродной сестре (первый — двоюродный шурин, второй — двоюродный зять). Это обстоятельство легко могло ускользнуть от внимания исследователя, если бы не указания сына родной сестры Рейтерна барона В. Г. Нолькена в написанной им биографии министра.

В формировании родственных отношений решающее значение имели прежде всего супружеские связи в разных их вариациях и на разных общественных уровнях.

В России довольно долго допускались браки монархов (и членов царствующего дома) с подданными. В допетровский период незадолго до брака невеста объявлялась «благоверной царевной», а царский тесть менял свое прежнее крестное имя. Вследствие таких браков родственники царицы оказывались в свойстве с царствующей фамилией, что, разумеется, сказывалось на их карьере. Так, действительным камергером был внучатый брат царицы Натальи Кирилловны С. Г. Нарышкин, гофмаршалом и графом — А. М. Ефи-мовский, камергером и графом — Ю. С. Гендриков, ее двоюродные братья. Камер-юнкером состоял родной племянник царицы Евдокии Федоровны Ф. А. Лопухин. Статс-дама графиня Е. И. Разумовская (урожденная Нарышкина), была внучатой сестрой императрицы Елизаветы Петровны.

В послепетровское время жены для членов российского императорского дома стали избираться из членов владетельных домов Западной Европы. Но вместе с тем большое влияние приобрели царские фавориты Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин и др. Ясно, что никакой правовой основы явление фаворитизма не имело.

В XIX в. супружеские отношения членов императорской фамилии с лицами, не принадлежавшими к другим владетельным домам, стали оформляться морганатическими браками. В церковном и гражданском отношениях эти браки не отличались от обычных законных браков. Но одна из сторон вместе с потомством была ограничена в правах. Если к императорской фамилии принадлежал муж, то жена и дети, рожденные в морганатическом браке, не носили фамилии мужа и отца и не пользовались его титулом, фактически начиная род матери. В императорской фамилии первый морганатический брак был заключен между цесаревичем Константином Павловичем и польской графиней Иоанной Грудзинской, получившей с потомством фамилию и титул светлейшей княгини Лович. Дочь Николая I великая княгиня Мария Николаевна в первом браке была за герцогом Максимилианом Лейхтен-бергским. Их детям (российским подданным православного вероисповедания), т.е. внукам Николая I, были даны фамилия и титул князей Романовских. Морганатическая жена одного из отпрысков этого рода Зинаида Дмитриевна Скобелева (сестра известного генерала) получила родовую фамилию мужа де Богарне с графским титулом (взамен титула маркиза, не употреблявшегося в России). Дочь А. С. Пушкина Наталья Александровна в морганатическом браке с герцогом Нас-сауским именовалась графиней Меренберг. Наконец, как уже отмечалось, в 1880 г. Александр II вступил в морганатический брак с княжной Е. М. Долгоруковой, которая получила титул светлейшей княгини Юрьевской. В данном случае смысл морганатического брака заключался в отстранении супруги и детей от всяких прав на престолонаследие.

Вследствие традиционных браков членов российской императорской фамилии с немецкими владетельными домами петербургская аристократия воспринимала императорскую фамилию как преимущественно немецкую. По свидетельству А. А. Половцова, когда в 1886 г. права дальних потомков императора были несколько ограничены, один из великих князей сетовал на то, что петербургская аристократия «радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-гольш-тинцы, в коих и романовской крови не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул?».

Родственные связи рассматривались как достаточное основание для пожалования родовых титулов, чинов и даже орденов. Так, действительный камергер граф А. А. Бестужев-Рюмин в 1762 г. за заслуги отца (канцлера) был награжден чином действительного тайного советника; мать государственного канцлера светлейшего князя А. А. Безбородко в 1797 г. была пожалована в статс-дамы и награждена орденом святой Екатерины; в следующем году графское достоинство было дано трем сыновьям К. Е. Сиверса (графа Священной Римской империи с 1760 г.) за заслуги старшего из них.

В результате обряда крещения крестник приобретал крестного отца (крестного) и крестную мать (последние не должны были быть близкими родственниками ни крестнику, ни между собой). Крестный отец родителям крестника и крестной матери доводится кумом (крестная мать — кумой). Складывавшиеся между всеми этими лицами отношения считались очень серьезными и взаимобязывающими, сохраняющимися в течение всей жизни. Очень лестным считалось, когда крестным отцом был сам царь или другие представители императорской фамилии. Такие случаи бывали нередки. Правда, чаще всего при крестинах царя замещали другие лица по его избранию. Например, Александр I считался крестным отцом М. В. Петрашевского — сына известного врача, а представителем его при крещении был граф М. А. Милорадович — петербургский генерал-губернатор. Великий князь Константин Павлович крестил сына другого видного врача Г. И. Белинского — Виссариона.

С. Ю. Витте рассказывает о ситуации, возникшей в его семье. Рассказ этот хорошо иллюстрирует внимание к связям между родами. Приемная дочь Витте вышла замуж за К. В. Нарышкина, фамилия которого, как мы уже отмечали, была в дальнем родстве с Романовыми. За брата Нарышкина вышла замуж старшая дочь принца К. П. Ольденбургского после развода со своим первым мужем штабс-ротмистром князем Г. А. Юрьевским, сыном императора Александра II от морганатического брака. Таким образом, брат зятя Витте оказывался мужем бывшей жены сводного брата Александра III. Или: золовка приемной дочери Витте была в первом браке снохой Александра II и свояченицей Александра III. Понятно, что линия свойства между Витте и Александром III тут была прервана, но вся эта комбинация казалась Витте заслуживавшей внимания, тем более что в своих рассуждениях он еще дважды выходит на свойство с людьми, близкими к императорской фамилии (Нарышкины и Ольденбургские).

Родовые титулы

Верхний слой благородного сословия составляло титулованное дворянство, т.е. дворянские роды, имевшие баронские, графские, княжеские и другие родовые титулы. Последние в период феодализма в Западной Европе обозначали разные степени вассальной зависимости дворян (как феодалов) от сюзерена и в конечном счете от верховного сюзерена — короля. В России до начала XVIII в. существовал только княжеский титул, исключительно как наследственный, обозначающий принад-

лежность к роду, который в древности пользовался правом княжения (государственного управления) на определенной территории страны. В связи с созданием русского централизованного государства и обеднением многих из княжеских родов престиж титула упал. Этому способствовало и разрешение пользоваться княжеским титулом главам татарских *a* мордовских родов при принятии ими православия. Е. П. Карнович пришел к заключению, что наследственные князья «не только не представляли собой русской аристократии ... но даже не составляли безусловно высшей служилой знати, за исключением немногих родов»; и «остаются в безызвестности и убожестве». По указу 1675 г. называние кого-либо князем (без имени) стало расцениваться как бесчестье. При Петре I впервые российские подданные стали получать родовые титулы западных государств, главным образом Священной Римской империи (объединявшей в это время немецкоязычные государственные образования); в Россию приехали иностранцы, обладавшие такими титулами; в состав страны вошли территории, где некоторые из этих титулов были распространены. В одном из «пунктов» к Табели о рангах уже определенно указывалось на существование «российского государства князей, графов, баронов». Пожалование родовых титулов нередко сопровождалось пожалованием земель и крепостных. Но формально обладание родовым титулом не было связано с определенным имущественным статусом и во многих случаях бароны, графы и князья не были богаты.

Князья и графы Священной Римской империи могли быть владельческими (действительными) или титулярными. Последние обладали лишь титулом графа или князя; первые же должны были иметь в пределах империи земельные владения. Титул графа Римской империи из числа русских подданных раньше других получили Ф. А. Головин (1701 г.), А. Д. Меншиков (1702 г.) и Г. И. Головкин (1707 г.). Княжеский титул еще в 1705 г. был пожалован А. Д. Меншикову. Затем лишь при Екатерине II его получили Г. Г. Орлов (1772 г.), Г. А. Потемкин (1776 г.), А. А. Безбородко (1784 г.), П. А. Зубов (1796 г.). Пожалования эти производились по просьбам российских императоров (императриц) и за заслуги перед Россией. Например, в январе 1776 г. Екатерина II просила «римского императора», «чтоб его величество удостоил генерала графа Григория Потемкина, много мне и государству служившего, дать Римской империи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту».

Пожалование российских подданных титулами Римской империи продолжалось до воцарения Павла I (1796 г.). В ряде случаев получение этих титулов предшествовало получению российских. Так, А. С. Строганов стал российским графом через 37 лет после того, как был пожалован в графы Римской империи (1761 и 1798 гг.).

В древней Европе баронский титул был самым важным и почетным. Это было общее обозначение как высших государственных чинов, так и феодальных владельцев, непосредственно подчиненных верховному сюзерену. В Древней Руси этот термин переводился с немецкого как «вольный господин». По мере распространения этого титула и увеличения числа его носителей (во многих случаях не имевших никаких имений) он «потерял в общественном мнении всякое уважение». Фактически титул *барон* стал просто указывать на дворянскую принадлежность.

Первым баронский титул в России в 1710 г. получил подканцлер П. П. Шафиров (внук крещеного еврея Шапиро). В 1721 г. этот титул был дан тайному советнику Остерману (сыну немецкого пастора) за заключение Ништадтского мира. В следующем году баронство было пожаловано трем братьям Строгановым (носившим до того звание именитых людей). Возможно, такой состав первых баронов был случаен, но и затем пожалование баронского титула, в частности купцам (обычно в связи со 100-летием деятельности торгового дома), иностранцам и крещеным евреям стало традиционным. Во многих случаях пожалование баронства означало вместе с тем и пожалование дворянства. Но титул барона давался и дворянам. Так, в 1797 г. его получил А. А. Аракчеев. Всего в конце XIX в. в России было официально учтено около 240 баронских родов (в том числе тех, которые к этому времени пресеклись в мужском поколении). Вновь было выдано грамот на баронское достоинство с 1881 по 1895 г. — 45 и с 1895 по 1907 г. — 171. Из наследственных баронских родов большинство было прибалтийского и иностранного происхождения.

В отличие от рядовых дворян, не пользовавшихся своим частным титулом, бароны именовались этим титулом: *господин барон* и *госпожа баронесса*. Общий же их титул не отличался от дворянского (*ваше благородие*). Лишь однажды при пожаловании баронского титула тайному советнику И. А. Черкасову он был назван *высокородным*, причем этот общий титул перешел и к его потомкам. Формула обращения была единственным отличием российских баронов от рядовых дворян.

Первым собственно российским графом стал фельдмаршал Б. П. Шереметев, получивший этот титул в 1706 г. за усмирение стрелецкого бунта в Астрахани. В 1709 г. графский титул был пожалован Г. И. Головкину (и он стал «дважды графом»), а в следующем году И. А. Мусину-Пушкину, генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, П. М. Апраксину и бывшему учителю царя Н. М. Зотову (по смерти Зотова в 1717 г. его наследникам запрещено было пользоваться графским титулом). Затем титулы графа были даны генерал-фельдцейхмейстеру Я. В. Брюсу (1721 г.), обер-шенку А. М. Апраксину и П. А. Толстому (1722 г.).

При преемниках Петра I графскими титулами были удостоены «сравнительно весьма немногие» (главным образом фавориты Екатерины II). Зато Павел I за четыре года царствования проявил необычайную щедрость, пожаловав этот титул 26 лицам. По крайней мере в четырех случаях графский титул был пожалован дамам (вдовам) с их потомством: статс-даме баронессе Ш. К. Ливен, вдове действительного тайного советника Н. Д. Протасовой, статс-даме Ю. Ф.

Барановой и вдове генерал-адъютанта В. Н. Ростовцевой.

В XVIII в. графский титул расценивался как не менее, а иногда и более почетный, чем княжеский. Этому способствовало то обстоятельство, что российские графы стали пользоваться общим титулом *ваши высокоблагородие* (князья же общего титула еще не имели), а затем и *ваши сиятельство* (при Петре I этим титулом пользовались только сенаторы).

Графских родов к 1894 г. было учтено 310 (в том числе около 70 пресекшихся в мужском поколении). С 1856 по 1908 г. состоялось 88 новых пожалований графского титула. В XIX и в начале XX в. графский титул часто давался как награда за деятельность на посту министра. По наблюдениям Е. П. Карновича, в XIX в. титул графа жаловался «в большей части» тем, кто уже имел орден Андрея Первозванного, т.е. как более высокая награда. Вплоть до свержения царизма лиц, обладавших титулом графа, было «гораздо менее, чем князей».

К началу XVIII в. в стране существовало 47 русских княжеских родов; некоторые из них насчитывали до 30 представителей (князья Волконские и Гагарины). Еще до того часть княжеских родов пресеклась в мужском колене или утратила свои титулы, поскольку последние не давали никаких особых прав, а многие роды обнищали. В XVI столетии князья Вяземские, например, служили в нескольких поколениях попами и дьячками в селах у помещиков средней руки, а князья Белосельские были приживалами у каких-то Травинных. Среди обедневших родов были и такие, которые вели свое происхождение от Рюрика.

Из этих 47 родов к 1880-м гг. пресеклись в мужском колене 11. Известно, что в 1840-е гг. в числе жителей г. Боровска Калужской губернии была последняя представительница бывших вотчинников края князей Боровских, которая вышла замуж за одного из боровских мещан и утратила свой титул. Узнав об этом браке, Николай I распорядился выдать молодым на обзаведение 10 тыс. р.

До 1797 г. новых княжеских фамилий в России не возникало, за одним, впрочем, исключением: в 1707 г. титул князя Ижорского был пожалован А. Д. Меншикову.

При Павле I титул российского князя с титулом *светлость* впервые был пожалован вице-канцлеру графу А. А. Безбородко; в начале 1799 г. титул *светлейший князь* получил генерал-прокурор П. В. Лопухин; в августе 1799 г. титул российского князя с титулом *Италийский* был дан генерал-фельдмаршалу графу А. В. Суворову-Рымникскому (с правом передачи его потомкам «мужского и женского родов») в связи с пожалованием ему сардинским королем Виктором-Эммануилом «достоинства князя с титулом его двоюродного брата»; наконец, княжеский титул был дан армянскому патриарху Иосифу Аргутинскому. Пожалование титулом светлейшего князя наследственных князей стало практиковаться только во второй четверти XIX в. — при Николае I.

Светлейшие князья имели общий титул *ваша светлость*; в отличие от них наследственные князья с конца XVIII в. стали именоваться (как и графы) «сиятельными» с общим титулом *ваши сиятельство*.

Александр I пожаловал княжеским достоинством с титулом светлости генерала от инфантерии графа М. И. Голенищева-Кутузова, председателя Государственного совета фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова и русского посла на Венском конгрессе графа А. К. Разумовского. Кроме того, княжеский титул (без светлости) был дан фельдмаршалу графу М. Б. Барклаю-де-Толли.

При Николае I число пожалований княжеского титула увеличилось. Первой его получила (л затем и титул светлости) статс-дама графиня Ш. К- Ливен. Титул светлейшего князя Варшавского получил фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский. Затем княжеский титул (без светлости) был дан фельдмаршалу графу Ф. В. Остен-Сакену, председателю Государственного совета графу В. П. Кочубею, графу И. В. Васильчикову, военному министру графу А. И. Чернышеву и заместителю на Кавказе графу М. С. Воронцову (двое последних впоследствии получили титул светлости). Титул светлейшего получили наследственные князья: фельдмаршал и министр императорского двора П. М. Волконский (1834 г.), а затем московский генерал-губернатор Д. В. Голицын.

* Давая разрешение Суворову на принятие такого титула. Павел I разъяснил, что «через это» Суворов «и ему войдет в родство ... потому что владетельные особы между собою все почитаются родней».

Множество ходатайств о пожаловании княжеских титулов поступало от грузинского дворянства. Особые комиссии в Тифлисе и Кутаиси, учрежденные для разбора относящихся к этому дел, в 1850 г. признали княжеский титул за 69 фамилиями — претендентами, «кроме множества тех фамилий, которым и прежде еще придано было название князей».

В царствование Александра II было лишь одно пожалование княжеского титула (без светлости) — председателю Государственного совета графу А. Ф. Орлову и одно пожалование титула светлейшего князя государственному канцлеру наследному князю А. М. Горчакову (это было последнее пожалование титула светлейшего князя).

Примерно из 250 учтенных к концу XIX в. княжеских родов около 40 вели свою родословную от потомков Рюрика и Гедимины. 56% всех княжеских фамилий составляли грузинские. Княжеских родов, получивших этот титул по пожалованию, было немного — около 20. Всего же с 1856 по 1908 г. было 32 таких пожалования. Во многих случаях старые и новые княжеские роды пресекались (Безбородко, Лопухины, Голенищевы-Кутузовы, Разумовские, Барклай-де-Толли, Остен-Сакены и Воронцовы, а роды князей Меншиковых, Суворовых-Италийских и Чернышевых имели только по одному мужскому представителю). К началу XX в. около 30 татарских (точнее, мусульманских), калмыкских и мордовских фамилий имели свой национальный княжеский титул, который считался по достоинству ниже баронского (они не

пользовались правом на общий титул, который принадлежал великороссийскому княжескому титулу).

Чаще всего пожалование родовыми титулами производилось в порядке постепенности: сначала младшими, затем более высокими, которые заменяли прежние. В частности, княжеские титулы жаловались лицам, уже имевшим графский титул, а титулы светлейших князей — тем, кто имел княжеский. Лишь в исключительных случаях можно было иметь два родовых титула одновременно — при условии удвоения фамилии за счет пожалованной почетной или полученной по наследству фамилии другого рода. Известно, что А. В. Суворов за победы был награжден титулами графа Рымникского и князя Италийского. Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич получил титул графа с добавлением к фамилии «Эриванский», а затем еще был пожалован титулом князя Варшавского. В 1856 г. графский титул получил генерал от артиллерии генерал-адъютант С. П. Сумароков. Наследников в мужском поколении он не имел, поэтому для того, чтобы фамилия и графский род не прекратились после его смерти, в 1875 г. мужу его дочери Ф. Н. Эльстону было разрешено именоваться графом Сумароковым-Эльстоном. Сын последнего гвардии поручик Ф. Ф. Сумароков-Эльстон женился на дочери князя Н. Б. Юсупова, которая после смерти отца (в 1891 г.) осталась единственной представительницей рода. Поэтому Александр III разрешил ее мужу и ей именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстон с условием, чтобы титул князей Юсуповых переходил только к старшим в роде из их потомков. Барон В. Г. Нолькен получил право именоваться графом Рейтерном бароном Нолькеном после кончины бездетного министра финансов, а затем председателя Комитета министров М. Х. Рейтерна, пожалованного графским титулом. Право это он получил, поскольку был племянником Рейтерна. Смысл этой акции заключался в увековечении памяти М. Х. Рейтерна.

Случайность и неосновательность возникновения титулованных родов иллюстрирует история светлейших князей Ливен. В 1783 г. Екатерина II воспитание своих внуков (будущего Николая I и великого князя Михаила Павловича) поручила сорокалетней вдове генерал-майора барона О. Г. Ливена — Ш. К. Ливен. Последняя прославилась «ревностным служением при дворе в продолжение 45 лет» (умерла в 1828 г.): в 1794 г. Ливен получила звание статс-дамы; в 1799 г. Павел I возвел ее с потомством в графское достоинство; в день коронации Николая I в 1826 г. графиня Ливен была возведена со всем семейством в княжеское достоинство с титулом светлости. Высшей (третьей) степенью княжеского титула был титул *великий князь*, который мог принадлежать лишь членам царской (императорской) фамилии. Титул великого князя (т. е. старшего в ряду других) издревле был известен в России. С XV в. в связи с падением Византийской империи глава Российского государства стал именоваться *царем и великим князем*. Слово «царь» происходит от имени (фамилии) древнеримского императора Гая Юлия Цезаря, которое было воспринято и его преемниками, став элементом их титула. Затем этот титул перешел в Византийскую империю, где *кесарем* (т. е. цезарем же) назывались ближайшие родственники императора. Титул *царь* в России дополнялся титулом *самодержец*, который исторически означал независимость царской власти от золотоордынских ханов. Позже он стал отождествляться с термином «абсолютный» — независимый ни от какой другой светской или духовной власти, ни от собственного народа. В октябре 1721 г. Петр I принял императорский титул. Этот акт должен был еще раз подтвердить преемственность власти от глав Римской и Византийской империй и поднять политический статус России. В Западной Европе императорский титул обычно принадлежал главе крупнейшей и могущественнейшей монархии, а его получение санкционировалось папской властью. К началу XVIII в. им пользовался только глава Священной Римской империи германской нации. С принятием императорского титула русские монархи (этот термин, который может быть переведен как *единоправец*, пришел в Россию с Запада в XVIII в.) не совсем отказались от титулов *царь* и *великий князь* — оба они стали употребляться в составе так называемого большого титула для обозначения их политических («владельческих») прав на отдельные части империи (например, российский император считался царем казанским, астраханским и сибирским и великим князем смоленским, тверским, вятским «и иных» земель).

В декабре 1721 г. было принято решение, что супруга императора должна именоваться *цесаревино величество*, а дочери — *цесаревны*. В некоторых особо торжественных случаях сам император — *цесарское величество*. Однако при ближайших преемниках Петра от этих наименований постепенно отказались.

В XVIII в. формируется состав величаний — хвалебных эпитетов, сопровождавших употребление царского титула. Вошедшее в обиход во второй половине XVII в. величание *тшайший*, являвшееся неудачным переводом с латыни, было заменено на *всемилостивейший*. Ранее применявшееся величание *благочестивейший* было передано детям императора, а применительно к нему самому заменено на *благочестивейший*. Вошло в употребление величание *августейший*.

Специальное законоположение об императорской фамилии было разработано и принято лишь в 1797 г. Согласно ему, императорскую фамилию составляли император, императрица (жена), вдовствующая императрица (мать) и великие князья: сыновья, дочери, внуки, правнуки и праправнуки здравствующего или умершего императора. Великий князь — наследник престола (обычно старший сын императора) имел, кроме того, титул *цесаревич*. В отступление от правил в октябре 1799 г. этот титул был дан, кроме наследника Александра Павловича, еще и Константину Павловичу (в награду за участие в итало-швейцарском походе), который сохранял его до самой

смерти (1831 г.). Родственники императоров ниже праправнуков, а после 1885 г. — ниже внуков (практически появление этих поколений родства стало возможно лишь в конце XIX в.) получали по закону титул *князь императорской крови*.

Император, обе императрицы и все великие князья (включая наследника) с их женами обладали исключительным правом официально именоваться частным титулом с предикатом *государь* или *государыня* (например, *государь император*). Слово «государь» являлось фонетическим преобразованием общеславянского «господарь», восходящего к слову «господь» — глава семьи, владыка, бог («господь» восходит к греческому «деспот»). При назывании великих князей (т. е. когда о них шла речь в третьем лице), кроме титула, указывалось имя и отчество. По наблюдениям В. И. Даля, в XIX в. существовала определенная система в устном и письменном использовании предиката *государь* с «величаниями»: к императору обращались *всемилостивейший государь*, к великим князьям — *милостивейший государь*, а ко всем прочим лицам — *милостивый государь*.

Император и обе императрицы имели общий титул — *ваше императорское величество*, наследник и другие великие князья — титул *ваше императорское высочество* (слово «императорское» при устном обращении могло опускаться), а князья императорской крови — титул *ваше высочество* (с 1886 г. младшие сыновья праправнуков императора — титул *ваша светлость*). Известны случаи пожалования титула *императорское высочество* дальним родственникам императора. Так, в 1845 г. этот титул был пожалован внуку императора Павла I по женской линии и племяннику Николая I принцу Петру Ольденбургскому.

В середине XIX в. (к концу царствования Николая I) императорская фамилия насчитывала 28 человек, в 1881 г. — 43, в 1894 г. — 46, в начале XX в. — 53 и в 1914 г. — более 60 человек.

Из всех родовых титулов лишь титулы великого князя и князя императорской крови по закону сообщали их обладателям существенные права. В первом же пояснительном пункте к Табели о рангах говорилось: «Принцы, которые от нашей крови происходят, и те, которые с нашими принцессами сочтаны, имеют при всяких случаях председательство и ранг над всеми князьями и высокими служителями Российского государства». В соответствии с законом 5 апреля 1797 г. великие князья при крещении, а князья императорской крови по достижении совершеннолетия получали орден Андрея Первозванного и тем самым чин III класса (хотя реально они начинали службу с нижних чинов). Кроме того, они получали значительные капиталы за счет так называемых удельных имуществ, принадлежавших императорской фамилии.

Принадлежность же к прочим титулованным дворянским родам сама по себе не давала никаких особых прав (кроме права на частный и общий родовые титулы, которые употреблялись взамен титулов по должности, чину и званию).^{*} Идея этого также была заложена в Табели о рангах, которая не только не включала родовые титулы в классы, но и поясняла от имени законодателя: «Сыновьям российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства, также служителей знатнейшего ранга ... мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной ассамблее, где Двор находится, свободный доступ перед другими нижнего чина и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались; однакож мы для того никому какого ранга не позволяем, пока нам и отечеству никаких услуг не покажут». Вследствие довольно частых и не

^{*} На практике же принадлежность к знатному роду все же способствовала карьере. Так, во второй половине XIX в. у генералов и адмиралов, имевших родовые титулы, сроки выслуги высших чинов оказывались на 3—4 года короче.

всегда оправданных пожалований и нередко материальной необеспеченности титулованных родов сами эти титулы не пользовались авторитетом в обществе, особенно во второй половине XIX — начале XX в. Более титула по происхождению ценились сама родовитость и заслуги рода. Известны случаи, когда знатнейшие дворянские роды вообще не имели титулов по достоинству и считали излишним принимать их. Так, например, род Нарышкиных был в родстве с династией Романовых (поскольку Н. К. Нарышкина была матерью Петра I, а А. Л. Нарышкина — его двоюродной сестрой по отцу), но не имел ни княжеского, ни графского титулов. Тем не менее, по наблюдениям Е. П. Карновича, они «считались как бы членами царского дома и во всех торжественных случаях занимали первенствующее место среди всех вельмож и царедворцев, несмотря даже иной раз на их невысокую чиновность». Со времен Елизаветы Петровны представители этого рода всегда занимали высшие придворные должности. Существует предание, что герои Отечественной войны 1812 г. генералы Н. Н. Раевский и А. П. Ермолов (затем «покоритель Кавказа») отказались от предложенных им графских и княжеских титулов, ссылаясь на достаточную известность заслуг и достоинств своих фамилий.

Правовой основой для беспорной передачи потомкам как родовых титулов, так и почетных фамилий было прямое нисходящее родство по мужской линии. В тех случаях, когда такие потомки отсутствовали, титулы (вместе с родовыми фамилиями) и почетные фамилии могли передаваться по другим линиям родства и даже свойства, каждый раз на основании особого разрешения императора. При этом принимались во внимание, с одной стороны, желательность сохранить в русской истории старинную или прославившуюся титулованную фамилию, а с другой — наличие достойных преемников.

Передача титулов пресекавшихся родов по женской линии стала практиковаться только в

павловское царствование. Собственно, передавался не титул, а титулованная фамилия. Так, титул князей Ромодановских вместе с их фамилией перешел к роду Ладыженских, которые стали именоваться Ладыженскими князьями Ромодановскими. А в 1878 г. княжеский титул вместе с фамилией князей Одоевских (старейшей в роду Рюри-ковичей) был передан некоему Н. Н. Маслову, мать которого была урожденной Одоевской.

Графские титулы Бенкендорфа, Киселева и Риди-гера были переданы их племянникам-однофамильцам. Графский же титул и почетная фамилия Н. Н. Муравьева-Амурского перешли к одному из его племянников — В. В. Муравьеву. Титул и фамилия графа М. Х. Рейтерна перешли к мужу дочери его сестры барону В. Г. Нольке-ну. А графский титул известного участника кавказских войн генерала Н. И. Евдокимова вместе с его фамилией был передан мужу племянницы его жены некоему Доли-во-Добровольскому, т. е. но только по женской линии, но и по свойству..

При передаче родового титула и фамилии в другой род иногда делались ограничения относительно того, что этим титулом и фамилией будет пользоваться только одно лицо по праву первородства. Так было при передаче княжеского титула и фамилии Одоевских в род Н. Н. Маслова, а также княжеского титула и фамилии Юсуповых в род графа Сумарокова-Эльстона.

В некоторых случаях, когда кандидат в восприемники угасшей фамилии казался неподходящим для этого, разрешение на передачу титула и фамилии не давалось. С. Ю. Витте рассказывает в своих мемуарах, что, поскольку мужская линия графов Паниных пресеклась, Александр II обещал передать «имя графа Панина» его дочери при выходе замуж, «чтобы эта фамилия не пропала». Однако, когда графиня вышла замуж за одного из сыновей А. А. Половцова, Александр III отказался выполнить обещание своего отца.

РОДОВЫЕ ГЕРБЫ

Одним из важных прав, которые давались исключительно дворянам, было право иметь родовой герб. Такой герб можно определить как ""композицию символов (эмблем), поясняющих происхождение, заслуги и современный статус рода. Герб как бы закреплял право на потомственное дворянское достоинство и родовые титулы и делал их видимыми.

Первые родовые гербы появились в России только в последние десятилетия XVII в. В 1686—1687 гг. был составлен сборник таких гербов. Внимание к родовым гербам усилилось и их составление активизировалось в связи с утверждением Табели о рангах, установившей в общем порядке возможность выслуги потомственного дворянства.

Чтобы родовой герб возымел законную силу, необходимо было соблюсти такие условия: 1) легенда происхождения и заслуг рода должна была быть доказана или по крайней мере официально признана; 2) герб должен был быть составлен с соблюдением строгих правил геральдической науки; 3) герб должен был быть утвержден властями и формально зарегистрирован. В соответствии с этим обычно подготавливались и представлялись для утверждения красочный рисунок герба, его описание с истолкованием и справка по истории рода. Для организации всей деятельности по разработке гербов и их утверждению в 1722 г. была создана Герольдмейстерская контора при Сенате.

Сам феномен родовых гербов воспринимался не изолированно, а с учетом практики западноевропейских стран, где родовые гербы имели широкое распространение еще со времен средневековья, а также того, что одновременно в России начали создаваться гербы губерний и городов. Древние дворянские роды, еще не обзаведшиеся гербом, стремились не отстать от других и зафиксировать свою историю и заслуги. Новые же роды были заинтересованы прежде всего утвердиться и упрочить свое положение среди других. По при этом для них возникала существенная трудность в конструировании герба, особенно в выборе значимых символов. В самом деле, не помещать же в гербе изображение чернильницы и пера, а именно они для большинства новых родов были средством достижения дворянства.

Поскольку формальное утверждение родовых гербов было делом хлопотным и требовало немалых средств, получило распространение пользование самодельными гербами, не санкционированными властями. Многие же роды из числа менее богатых вообще обходились без гербов, поскольку поводов к их использованию в быту было не так уж много. Традиционно герб мог изображаться на фронте особняка, на воротах ограды, на надгробиях, на дверцах кареты, на посуде и столовом серебре, писчей бумаге, на книгах, в печатках и т. п. Таким образом, лишь богатые дворянские роды имели и повод, и возможность практически использовать гербы.

В конце XVIII в. возрастанию количества родовых гербов способствовало сначала издание Жалованной грамоты дворянству в 1785 г., а затем начавшаяся в 1797 г. подготовка Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. Гербовник включал красочные рисунки гербов и их описания. В первую часть его вошли гербы титулованных и стародворянских фамилий; во вторую — гербы лиц, особо пожалованных дворянством; в третью — гербы родов, вновь выслуживших дворянство. При составлении Общего гербовника Павел I приказал «для означения тех дворянских фамилий, кои действительно происходят от родов княжеских, хотя сего титула и не имеют, оставлять в гербах их корону и мантию». К таким родам принадлежали Ржевские, Всеволожские, Татищевы и многие другие. Уже в 1798 г. был издан первый том Гербовника, а до 1917 г. — еще девять. Всего же до революции было подготовлено 20 томов.* В них

зафиксировано около 5 тыс. гербов. Примерно 3—4 тыс. гербов, использовавшихся в России, в Гербовник не попали: большая часть их не была утверждена. Всего не более пятой части дворянских родов страны располагало гербами.

По правилам геральдики родовой герб состоял из боевого щита, шлема, короны, мантии, намета (цветные украшения, образующие фон герба), щитодержателей, девиза (указывался не во всех гербах) и других, менее существенных элементов. При их изображении могли употребляться восемь красок: золотая, серебряная, красная, голубая (лазоревая), зеленая, пурпурная, черная и белая (при изображении человека разрешалось использовать телесный цвет). Первые две обозначали металлы, остальные — эмаль (финифть). Одно из правил геральдики запрещало накладывать металл на металл и финифть на финифть. Это означало, что на металлическом поле могли быть изображения только из финифти (и наоборот). Горностаевый и беличий меха изображались особыми черными и голубыми значками по белому полю (цвета поля и изображений

* Оригиналы всех томов Гербовника хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде.

на нем могли меняться местами). В черно-белом изображении или при гравировке золото изображалось черными точками по белому полю, серебро — чистым белым полем, красный цвет — вертикальной штриховкой, голубой — горизонтальной, зеленый — диагональной штриховкой справа (от щита) вверх налево, пурпуровый — диагональной же слева вверх направо и черный — двойной вертикальной и горизонтальной штриховкой.

Щит, являвшийся главной частью герба, мог иметь несколько форм: четырехугольный с заострением внизу (французский); такой же с закруглением внизу (испанский); треугольный с дугообразными боковыми сторонами (варяжский); овальный (итальянский); треугольный с фигурными вырезами по сторонам (германский) и др. В России чаще употребляли французский щит. Щит в гербе мог делиться пополам по вертикали (рассеченный), по горизонтали (пересеченный), по диагонали (скошенный) и иным более сложным образом с различной окраской частей. Распространено было изображение на щите крестов — прямого и скошенного (андреевского). В центре щита или на его выделенных сечениями частях могли помещаться разного рода изображения.

Важную роль в гербе играли корона (обычно помещалась над щитом) и мантия. В зависимости от числа зубцов различались короны княжеские, графские, баронские и дворянские. Мантия (выходящая из-под короны) была признаком либо княжеского герба, либо происхождения рода от удельных князей.

Девиз—краткое изречение (иногда по-латыни), характеризующее жизненные принципы и цели представителей рода, — обычно помещался на ленте под щитом.

Любопытно, что, хотя герб должен был дать возможно точное представление о дворянском роде, фамилия этого рода не указывалась.

Примером гербовой символики может служить герб рода Сиверсов: поскольку графский титул был пожалован сразу трем братьям, то герб включал изображение трех шлемов под тремя графскими коронами.

Однажды утвержденный, родовой герб мог затем частично изменяться и дополняться в связи, например, с пожалованием родового титула или второй фамилии пресекшегося рода. Иногда эти изменения и дополнения делались по инициативе верховной власти. Так, А. А. Аракчеев получил от Павла I девиз «Без лести предан», а П. А. Клейнмихелю вместе с графским титулом был пожалован девиз «Усердие все превозмогает». Статутами орденов разрешалось вносить в родовой герб орденские знаки, пожалованные представителям рода. Реальный смысл этого не вполне ясен. Можно предположить, что это делалось лишь на время жизни награжденных.

Приведем полное описание герба дворянского рода Танеевых, о некоторых из них нам придется не раз упоминать.

«Щит разделен перпендикулярно на три части, из коих в первой в голубом поле изображена выходящая из облака в золотых латах рука с саблею. Во второй — в золотом поле Минерва со щитом и с копьём. В третьей части в красном поле крестообразно положены золотой лук, сабля и золотая стрела, остроконечиями к левым углам обращенные. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой видны два черных орлиных крыла и между их три страусовых пера. Намет на щите красного и голубого цвета, подложенный золотом. Щит держат с правой стороны лев, а с левой — воин с открытою головою в польской одежде, вооруженный саблею, и в руке держит золотой лук».

Вслед за описанием герба сообщаются основные сведения о роде Танеевых.

Родовой герб интересен для нас главным образом как знак на разном роде вещественных памятниках, указывающий на их владельца, а в некоторых случаях и помогающий датировать эти памятники. Собственно о владельце (роде) герб рассказывает мало (существуют другие, более полные и удобные для использования источники по истории дворянских фамилий).

Первое известное нам общее законоположение о дворянских мундирах относится к 23 октября 1782 г. О нем упоминает именной указ Сенату 9 апреля 1784 г.: «Позволив указом ... 23 октября 1782 г. ... присвоить в каждом наместничестве особые цвета для платья в пользу находящихся там у дел дворянства и гражданства...» (имелись в виду чиновники гражданских учреждений).* Указ этот не сохранился, и о том, какой фасон «платья» имелся в виду, какие именно цвета получило каждое наместничество, полагалась ли какая-нибудь отделка воротников, обшлагов и т. п., мы ничего не знаем. Но 24 октября 1782 г. генерал-прокурор сообщил всем генерал-губернаторам, что поскольку «с ведома ... государыни присвоены для каждой губернии одинаковые цвета для платья, то и дозволяется носить таких цветов платья не только при должностях находящихся, но и всему дворянству той губернии обоего пола, с тем что могут они в таковом одинаковом платье иметь проезд и в столицах во все публичные места и ко двору ее величества». И на этот раз ни фасон платья, ни губернские цвета не назывались. Высказывалась надежда, что мера эта послужит «к сбережению ... достатка ... и к отвращению разорительной роскоши» в одежде дворянства и чиновничества.

Хотя в основных своих частях упомянутые законы говорят как будто о первоначальном установлении форменного «платья» в губерниях, фактически в некоторых губерниях мундиры существовали и ранее.

Общий мундир как бы уравнивал дворян-помещиков с государственными служащими. Для тех и других мундир был единственным внешним выражением не только управленческой функции, но и их сословно-чиновных прав.

Главное содержание упомянутого закона 9 апреля 1784 г. заключалось в том, что через полтора года после установления особых цветов для «платья» каждой губернии — опять-таки в целях «сокращения роскоши» — устанавливались лишь три цвета такого «платья» применительно «к трем полосам Империи»: северным губерниям (включая Петербургскую) был дан светло-синий цвет, губерниям средней полосы (включая Московскую) — красный и южным губерниям (включая Киевскую) — темно-вишневый. На этот раз определялся состав форменного платья: суконный кафтан с отложным воротником и длинными лацканами или без них, камзол (длинный жилет), штаны до колен,

* По-видимому, «платье» Петербургской губернии носили и чиновники центральных учреждений столицы, но четких документальных подтверждений этому до 1797 г. нет.

чулки, башмаки и черная треугольная (в горизонтальной проекции) шляпа. Текстом закона покрой платья не устанавливался, поскольку имелся в виду принятый в то время в быту фасон. Предписанные законом три цвета определяли внешний вид кафтанов; их отделка (воротник, лацканы, обшлага, пуговицы и подкладка), а также камзол и штаны получали особые (в их комбинации) для каждой губернии цвета. Форменное платье дополнялось шпагой.

Как этим первым обстоятельным актом о губернских мундирах, так и всеми последующими (до 1831 г.) не предусматривалось никаких различий ни по ведомствам, ни по чинам или должностям. О старшинстве гражданских чиновников на практике можно было судить лишь по качеству материала и портновской работы, да по орденским знакам на мундирах.

В том же 1784 г. рисунки губернского форменного платья были опубликованы в особой книге-альбоме. На каждом листе давалось изображение фигуры в мундире, а внизу — губернского герба. Помимо справочного назначения, изображения гербов имели целью обратить внимание на некоторую общность цветов герба и мундира каждой губернии (не столько цветов собственно кафтанов, сколько их отделки). Фасон мундиров для разных губерний несколько различался главным образом за счет наличия или отсутствия длинных лацканов, а также количества и расположения пуговиц.

Спустя месяц после издания указа «О новом разделении государства на губернии» и в связи с введением в местных учреждениях новых штатов законом от 15 февраля 1797 г. устанавливалась система «губернских статских мундиров» с единым покроем и цветом кафтанов: темно-зеленого сукна, однобортных, с отложным воротником, без лацканов. Для отличия губерний теперь служили лишь воротник и обшлага, которые, как это специально разъяснялось, должны были быть «тех цветов, какие заключаются в губернских гербах» (имелся в виду цвет гербового щита). Таких цветов было пять: красный, белый, голубой, палевый и светло-зеленый. Штаны, как и прежде, полагались одного цвета с камзолом. На желтых или белых пуговицах изображался губернский герб. Были утверждены «образцы таковых мундиров», разосланные затем «ко введению в употребление как служащим в губернских штатах, так и имеющим свои поместья». В 1798 г. их рисунки (фигуры в мундирах, белых и цветных камзолах и штанах до колен, с треугольными шляпами), как и в 1784 г., были опубликованы в книге-альбоме.

В последующие годы (с 1801 г.) мундиры отдельных губерний подвергались частным изменениям (более всего цветов воротника и обшлагов) с одновременной заменой прежнего фасона мундира на новый, с вырезом юбки спереди (позже он стал называться французским). Мундир был однобортным со стоячим воротником и горизонтальными карманными клапанами сзади. Такое изменение фасона мундира потребовало замены длинного камзола на жилет до пояса.

Эти изменения губернских мундиров первых лет XIX в. были закреплены и приведены в систему указом от 3 августа 1809 г. Кафтан (суконный) сохранял единый темно-зеленый цвет с зеленой же подкладкой (для Петербургской губернии — красная). «Камзол и исподница» должны были быть белыми. «Прочие же между губерниями различия, — разъяснялось в указе, — состоят в воротниках, обшлагах, выпусках или опушках» (т. е. в их цвете и материале — сукно или бархат).

В зависимости от цвета воротника и обшлагов устанавливалось восемь «разборов» (групп) мундиров: красный, голубой, светло- и темно-зеленый, черный, темно-синий, фиолетовый, малиновый и оранжевый. Цвет опущек (т. е. кантов), если они были, в тексте указа не пояснялся.

Еще в 1808 г. были установлены мундиры для генерал-губернаторов, гражданских губернаторов и вице-губернаторов «по цветам, каждой губернии присвоенным». А в мае 1811 г. они получили золотое или серебряное шитье одного узора в зависимости от цвета губернских пуговиц, причем генерал-губернаторы имели его по воротнику, обшлагам, карманным клапанам и по борту. В том же году получили особое шитье на губернские мундиры прокуроры. Эта форма и шитье сохранились до 1834 г., когда подверглись некоторым изменениям.

В 1824 г. цветовые различия губернских мундиров (воротников и обшлагов) были изменены с таким расчетом, чтобы сделать их схожими для губерний, входящих в каждое из генерал-губернаторств. Красные воротники и обшлага получили лишь мундиры Петербургской и Московской губерний. Мундиры некоторых губерний имели воротник и обшлага разных цветов. Широкое распространение получили цветные канты по воротнику, обшлагам и бортам мундиров. Пуговицы могли быть белого или желтого металла с изображением губернского герба.

Различие между мундирами разных губерний по цвету воротников и обшлагов было ликвидировано 1 января 1831 г.: отныне воротники и обшлага должны были быть из красного сукна; отличие теперь заключалось лишь в пуговицах (все они были желтого металла), на которых чеканились герб и наименование губернии.

Еще в ноябре 1824 г. право ношения губернских мундиров (со шпагой) было предоставлено купцам 1-й гильдии, которые признавались «особым классом почетных людей в государстве». В середине 1854 г. воротники и обшлага купеческих губернских мундиров получили темно-зеленый цвет, но стали обшиваться красным кантом.

В связи с началом работ по подготовке общего положения о системе гражданских мундиров законом 1 мая 1832 г. дворянские мундиры были как бы выделены из всей массы губернских мундиров и реформированы. Прежние мундиры становились парадными. Губернские предводители дворянства получили золотое «шитье по общему для всего дворянства вновь установленному рисунку ... на воротнике, обшлагах и карманных клапанах»; уездные предводители имели то же шитье на воротнике и обшлагах (те и другие сохраняли это шитье и после окончания службы по выборам дворянства). Наконец, дворяне, ранее служившие на казенной службе, получали особое шитье на воротнике. Вместе с тем форменная одежда была дополнена повседневной — темно-зелеными мундирным фраком и однобортным сюртуком (не имевшим выреза юбки спереди) с темно-зелеными же суконными воротниками и обшлагами. Сюртук предназначался для надевания как на мундир (в качестве наружного платья), так и вместо него. К парадным кафтанам полагались белые штаны до колен или длинные брюки под цвет кафтана; такие же брюки должны были надеваться с сюртуком и фраком. Черная треугольная шляпа, носившаяся с дворянским мундиром, была дополнена черной круглой шляпой с полями и темно-зеленой суконной фуражкой с красным околышем, которые должны были носиться соответственно с мундирным фраком и сюртуком. Фуражка со временем получила широкое распространение в быту как простейший знак дворянского достоинства.

Все эти новшества были подтверждены законом 27 февраля 1834 г., установившим общую систему всех гражданских мундиров в империи.

В 1855 г. вместе с изменением фасона гражданского мундира был изменен и фасон дворянского губернского форменного платья. Парадный мундир приобрел полную юбку длиной 13 см выше колен и стал называться полукафтаном. Карманные клапаны сзади стали располагаться вертикально. Фрак и сюртук сохранялись, причем последний становился двубортным и получил отложной воротник. Белые короткие штаны упразднились. В таком виде дворянская форменная одежда просуществовала до Февральской революции 1917 г. Наиболее существенное ее дополнение относится к апрелю 1913 г., когда дворянам в летнее время было разрешено «вместо установленных полукафтанов при треугольной шляпе носить в виде парадной и праздничной формы белый летний двубортный сюртук с золотыми пуговицами с гербом империи под императорской короной, а фуражку с красным околышем при белом чехле».

Обратим внимание на ту особенность дворянских мундиров, что они ни до 1832 г., ни после никак не отражали знатность дворянских родов, в частности наличие у некоторых из них баронских, графских и княжеских родовых титулов. Единственным средством внешнего (изобразительного) отображения этих титулов оставался дворянский герб. Однако и он не был использован в оформлении дворянского мундира.

ВОЕННЫЕ И СВИТСКИЕ ТИТУЛЫ И МУНДИРЫ

ВОЕННЫЕ ЧИНЫ *

Важной особенностью военного чинопроизводства было то, что численность *всех* офицерских чинов лимитировалась штатными расписаниями, а потому производство в следующий чин (в армии — начиная с чина капитана) осуществлялось не только по выслуге определенного числа лет, но и лишь при наличии вакансий. Вследствие этого для достижения высших чинов в армии, например в конце XIX в., требовалось больше времени, чем на гражданской службе.

Военные чины тех наименований, которые были зафиксированы Табелью о рангах, появились в России раньше других, причем задолго до введения Табели. Частично они принадлежали военным, приглашенным на службу в Россию из стран Западной Европы. Вместе с тем в последней трети XVII в. чины эти по примеру армий западных стран стали даваться командирам подразделений русской армии. На 1672 г. были известны уже следующие чины, общие для всех родов войск: полковник, подполковник (помощник полковника), капитан (командир роты), поручик (офицер для поручений, помощник капитана), прапорщик (знаменосец) и подпрапорщик (помощник прапорщика, не офицер). Чин генерала впервые был присвоен русскому в 1667 г.: его получил командир Московского выборного полка А. А. Шепелев. С введением в 1698 г. постоянного разделения полков на батальоны (в составе нескольких рот) для командиров новых подразделений вводится чин майора. Окончательно этот чин закрепился в русской армии в 1711 г.

В подготовке этого раздела принимал участие Б. В. Галенко.

Впервые попытка упорядочить систему военных чинов была сделана в 1698 г. генералом А. А. Вейде. На основе изучения «цесарских» (австрийских) военных уставов он представил Петру I проект «Воинского устава». Согласно ему все «начальные люди» делились на «вышних» и «нижних» (позже получивших наименование унтер-офицеров).

В состав «вышних» входили генеральские, а также полковые и ротные офицерские чины. Генералитет составляли строевые командные чины и чины нестроевого управления. К первым относились генералиссимус или полный воевода, генерал над пехотой, генерал над конницей, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-майор и бригадир. К высшим нестроевым чинам относились генерал-комиссариус (в его ведении находилась вся финансовая часть в войске), его помощники — верховный комиссариус в чине полковника и два-три «простых комиссариуса», генерал-квартирмейстер (прообраз начальника генерального штаба), генерал-адъютант при генералиссимусе, генерал-аудитор (высший военно-судебный чиновник), генерал-инженер.

В Уставе Вейде нет разъяснения, кто именно мог быть генералиссимусом. Этот чин в России впервые был пожалован воеводе А. С. Шеину в 1696 г. за успешные действия под Азовом. Определенный как чин, соединенный с должностью главнокомандующего, он изменил свое значение в уставе 1716 г. Вероятно, по этой причине в справочниках в числе русских генералиссимусов Шеин не упоминается.

Между чинами генерал-майора и бригадира еще не устанавливалось четкого различия: в обязанности обоих чинов входило командование бригадой (из двух-четырех полков).

К полковым и ротным чинам были отнесены уже существовавшие к 1698 г. и упоминавшиеся нами строевые чины от полковника до прапорщика.

Система чинов, предусмотренная Уставом Вейде, возможно, не была вполне реализована, но она отразила уже наметившуюся тенденцию развития военных чинов и оказала влияние на то, в каком составе эти чины были зафиксированы в Табели о рангах.

Уже в 1699 г. вместо чина генералиссимуса и должности «главного воеводы Большого полка» вошел в употребление чин генерал-фельдмаршала. Устанавливалось, что «генерал-фельдмаршал, или аншеф, есть командующий главный генерал в войске... Вся армия и настоящее намерение от государя ему поручены». Первым в России этот чин в 1700 г. получил Ф. А. Головин; в последующем его получили еще 63 лица, в том числе в 1898 г. последним из русских — Д. А. Милютин.

Соответствие чинов должностям вскоре нарушилось добавлением чинов, не сопряженных с определенными должностями: так, с 1703 г. был введен чин секунд-поручика или подпоручика (вставший в системе служебной иерархии между чинами поручика и прапорщика), а несколько позднее в Преображенском и Семеновском полках был установлен чин капитан-поручика (между чинами капитана и поручика). В артиллерии, где не было знаменосцев, а следовательно, и чина прапорщика, по штату 1712 г. был введен чин штык-юнкера, который, хотя и был соотнесен с чином прапорщика других родов войск, первоначально офицерским чином не считался.

В новом Воинском уставе 1716 г., составленном при непосредственном участии Петра I, предусматривались сразу три высших чина: генералиссимус, генерал-фельдмаршал и генерал-фельдмаршал-лейтенант. О генералиссимусе в этом уставе сказано: «Сей чин коронованным главам и великим владеющим принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско. В небытии же своем оный команду сдает над всем войском своему генерал-фельдмаршалу». Таким образом, чин генералиссимуса устанавливался как исключительный, дававшийся в особых случаях. Заметим, что А. В. Суворов имел его по праву, так как был пожалован сардинским королем в

«гранды и принцы королевской крови» и к тому же командовал соединенной армией нескольких государств, что стало вторым главным условием получения звания генералиссимуса. Вследствие крайне редкого пожалования в генералиссимусы «главным командующим генералом в войске» по уставу являлся генерал-фельдмаршал. «Генерал-фельдмаршал-лейтенант есть при армии по генерал-фельдмаршале второй главный командир». Этот чин нашел отражение в Уставе по причине вступления в русскую службу иностранцев Огильви и Гольца, которые имели его в австрийской армии. Генерал-фельдмаршал-лейтенант получил старшинство над полными генералами по родам войск. В дальнейшем никто в России этого чина не имел. Для командиров вновь вводимых дивизий, состоявших обычно из двух бригад, устанавливался чин генерал-лейтенанта.

Устав 1716 г. подразделял воинские чины на четыре группы: генералов, штаб-офицеров, обер-офицеров и унтер-офицеров. В генералитет входили чины от генералиссимуса до бригадира, к штаб-офицерам (чинам «полкового штаба») относились чины от полковника до майора (причем чин майора делился на две степени: премьер- и секунд-майор), к обер-офицерам (т. е. к старшим офицерам) — чины от капитана до прапорщика. К числу унтер-офицеров (т. е. младших офицеров, на самом деле офицерами не являвшихся) или урядников принадлежали сержант (в кавалерии — вахмистр), фурьер (квартирмейстер), каптенармус, подпрапорщик, капрал (ефрейтор унтер-офицером не считался).

Окончательно система военно-сухопутных чинов была закреплена в Табели о рангах 1722 г. (табл. 1). Предусматривались три линии чинопроизводства: 1—армейская пехота и кавалерия; 2—армейская артиллерия и инженерные войска; 3— гвардия.

Некоторые из установленных Табелью о рангах наименований генеральских и других чинов не привились или привились не сразу и были на практике заменены наименованиями, более к этому времени известными в России. Чин генерала от инфантерии (и от кавалерии) в XVIII в. именовался генерал-аншефом, вместо генерал-лейтенанта употреблялся чин генерал-поручика, а вместо капитан-лейтенанта — капитан-поручика (этот чин существовал только в гвардии); наименования чинов *лейтенант* было заменено на *поручик*, *унтер-лейтенант* — на *подпоручик*, *фендрик* — на *прапорщик*. Значившаяся во II классе должность генерал-фельдцейхмейстера (начальника всей артиллерии) так и осталась должностью, а не стала чином. В 1735—1745 гг., например, в этой должности числился генерал-фельдмаршал (I класс) принц Гессен-Гомбургский. Звание генералиссимуса не вошло в Табель о рангах, а было поставлено выше нее, став экстраординарным высшим почетным воинским званием.

Таблица 1

Основные военные чины по Табели о рангах

Классы	Армейская пехота и кавалерия	Артиллерия и инженерные войска	Гвардия
I	Генерал-фельдмаршал		
II	Генерал от инфантерии Генерал от кавалерии	Генерал-фельдцейхмейстер	—
III	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	—
IV	Генерал-майор	Генерал-майор Генерал-майор от фортификации	Полковник
V	Бригадир	Полковник от артиллерии	Подполковник
VI	Полковник	Подполковник от артиллерии Полковник-инженер	Майор
VII	Подполковник	Майор Подполковник-инженер	Капитан
VIII	Майор	Майор-инженер	Капитан-лейтенант
IX	Капитан	Капитан-лейтенант Капитан-инженер	Лейтенант
X	Капитан-лейтенант	Лейтенант Капитан-лейтенант-инженер	Унтер-лейтенант
XI	—	—	—
XII	Лейтенант	Унтер-лейтенант Лейтенант-инженер	Фендрик
XIII	Унтер-лейтенант	Штык-юнкер Унтер-лейтенант-инженер	—
XIV	Фендрик	Фендрик-инженер	

Еще в 1714 г. Петр I подписал указ «о производстве в офицеры дворян, не служивших в гвардии солдатами». Однако после смерти Петра сложилась практика обхода этого законоположения. Дворянские дети с малолетства зачислялись в гвардию. Хотя такие «гвардейцы» оставались дома для воспитания и начального военного обучения, с этого времени им начислялись и стаж службы, и унтер-офицерские чины. Когда наступал срок производства в первый обер-офицерский чин, молодой дворянин отправлялся на службу (подобно Петруше Гриневу из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина). Известно, например, что светлейший князь П.

В. Лопухин (в первой трети XIX в. председатель Государственного совета и Комитета министров) начал свою карьеру шести лет от роду. «Продолжая еще учение в доме отца своего», он в 1759 г. был записан в Преображенский полк, а затем девять лет числился в списках полка, получая чины капрала (1760 г.), фурыера (1763 г.), каптенармуса (1764 г.), сержанта (1765 г.). Только в 1769 г., когда Лопухин был пожалован прапорщиком, он (16 лет) вступил в действительную службу.

По Табели о рангах офицеры гвардии получали преимущество в два чина перед армейскими офицерами, т.е. значились в Табели на два класса выше армейских. Вследствие недостатка в гвардии вакансий для штаб-офицеров гвардейские офицеры, дослужившись до чина капитана, в большинстве переходили в армию с чином на один или два класса выше, т.е. полковниками и даже бригадирами (фонвизинский «от армии бригадир» был, кстати сказать, именно таким бригадиром). При этом гвардейские офицеры могли сохранять и свои прежние чины (например, полковник армии и лейб-гвардии капитан). Продолжая службу в армии и получив генеральские чины, некоторые из них могли вновь получить назначение в гвардию майорами или подполковниками. Поскольку командиром всех гвардейских полков числилась императрица, такое назначение считалось очень почетным. В этом случае снова возникало удвоение военных чинов (армейский+гвардейский). Замещение штаб-офицерских должностей в гвардии генералами просуществовало до конца XVIII в.

Преимущество в один класс перед прочими армейскими войсками получили офицеры артиллерии. Это было вызвано тем, что служба в артиллерии требовала грамотных и знающих математику офицеров, а образованность среди офицеров была редкостью. Так как инженерные войска в тот период не были отделены от артиллерии, то в 1724 г. и инженерные чины были приравнены в рангах к артиллерийским. Выделение инженерных частей в отдельный род войск с оставлением указанных преимуществ произошло в 1728 г.

В 1730—1731 гг. с созданием тяжелой кавалерии по немецкому образцу (кирасир) появились новые названия чинов: ротмистр (IX класс), корнет (XIV класс) и гефрейт-капрал (равный подпрапорщику). К гвардии, не имевшей до этого в своем составе кавалерии, в 1730 г. был причислен сформированный по кирасирскому образцу лейб-гвардии конный полк, в котором наряду с вышеперечисленными существовал чин секунд-ротмистра, равный капитан-поручику гвардейской пехоты.

После отмеченных преобразований система военных чинов к 1731 г. приняла следующий вид:

Классы	Армейская пехота и кавалерия	Артиллерия и инженерные войска	Гвардия
I	Генерал-фельдмаршал	—	—
II	Генерал-аншеф	—	—
III	Генерал-поручик	Генерал-поручик	—
IV	Генерал-майор	Генерал-майор	Полковник
V	Бригадир	Полковник	Подполковник
VI	Полковник	Подполковник	Майор
VII	Подполковник	Майор	Капитан Ротмистр
VIII	Майор	Капитан	Капитан-поручик Секунд-ротмистр
IX	Капитан Ротмистр	—	Поручик
X	—	Поручик	Подпоручик
XI	—	—	—
XII	Поручик	Подпоручик	Прапорщик Корнет
XIII	Подпоручик	Штык-юнкер Прапорщик	—
XIV	Прапорщик Корнет	—	—

В ряду прочих чинов гвардии чины капитан-поручика и секунд-ротмистра, стоявшие в VIII классе, были как бы лишними, поскольку им не соответствовало строевой должности. Существование же их объясняется тем, что все штаб-офицеры гвардии номинально числились шефами в назначенных им гвардейских ротах и эскадронах. Такие роты и эскадроны назывались штабскими, а командование ими поручалось капитан-поручикам и секунд-ротмистрам. Прочими же ротами командовали «настоящие капитаны» (VII класс). В 1732 г. для сокращения числа чинов в гвардии была сделана попытка упразднить чин капитан-поручика, выписав всех офицеров этого чина в армию майорами, но она встретила сильное противодействие офицерства. В 1731 г. чин майора армии (кроме артиллерии и инженерных войск) также был разделен на две степени — премьер-майор и секунд-майор. Осталось, однако, неясным, относились ли они к разным классам Табели о рангах или к одному, являясь как бы двумя его ступенями. Для первой возможности

имелся прецедент (чины капитана и капитан-поручика), но для секунд-майора не было свободного класса. Согласно указу 1748 г., чин майора должен был быть разделен на два и в гвардии. В связи с этим в законе говорилось: «Поскольку в Табели о рангах 1722 г. секунд-майора не положено, то в гвардии класс штаб-офицеров переменить и считать: полковника — с генерал-поручиком, подполковника — с генерал-майором, премьер-майора — с бригадиром, секунд-майора — с полковником». Как видно, не только для майорских чинов отводились два класса, но и все штаб-офицерские чины гвардии получали преимущество по сравнению с армией в три класса. Однако нет никаких данных, подтверждающих, что этот указ был проведен в жизнь. Закон же 1767 г. указывал (в частном случае) на один класс для двух майорских чинов: «Премьер-и секунд-майорам Сухопутного шляхетского корпуса быть как инженерные майоры в ранге подполковника». В 1751 г. в артиллерии и инженерных войсках был введен чин капитан-поручика. В 1786 г. в кирасирских и карабинерных (созданных в 1765 г.) полках был упразднен чин подпоручика. В 1796 г. чин подпоручика был упразднен и в гусарских полках, а прапорщики стали именоваться корнетами. У драгун чин подпоручика остался, но отсутствовал чин майора.

К павловскому царствованию относится ряд изменений в системе военных чинов, имевших целью, в частности, достичь большего соответствия в этом отношении между отдельными родами войск. Существовавшие в инженерных войсках и артиллерии чины прапорщика и штык-юнкера в 1796 г. были упразднены, и первым офицерским чином стал чин подпоручика. В 1797 г. во всех войсках членение на премьер- и секунд-майоров было ликвидировано и снова установлен один майорский чин. В том же году в гвардейской пехоте и кавалерии капитан-поручики и секунд-ротмистры были переименованы в штабс-капитанов и штабс-ротмистров; тогда же этот чин был введен во всех армейских войсках (X класс), где прежде его не было. В 1798 г. артиллерийские капитан-поручики также были переименованы в штабс-капитаны. В 1797—1798 гг. кадетские корпуса, артиллерия и инженерные войска теряют преимущество одного чина перед армией, но это право им было возвращено в царствование Александра I. В конце XVIII в. постепенно перестал употребляться чин бригадира и в V классе военных чинов не стало. Вводятся предусмотренные Табелью о рангах наименования высших военных чинов: чин генерал-поручика заменен чином генерал-лейтенанта, а генерал-аншефы начинают именоваться генералами от инфантерии и от кавалерии, а также инженер-генералами. Должность генерал-фельдцейх-мейстера, значившаяся во II классе Табели о рангах, в 1796 г. была упразднена; как бы взамен нее появился чин генерала от артиллерии (II класс), до этого в русской армии не существовавший. Но уже в 1798 г., в день рождения великого князя Михаила Павловича, младшего сына Павла I, эта должность была восстановлена, а звание генерал-фельдцейхмейстера пожаловано младенцу пожизненно. После смерти Михаила Павловича (1849 г.) эта должность была некоторое время незамещенной, но в 1852 г. генерал-фельдцейхмейстером назначается великий князь Михаил Николаевич (младший сын Николая I), вступивший в исправление должности в 1856 г. и занимавший ее до своей смерти (1909 г.). С 1909 г. должность генерал-фельдцейхмейстера не замещалась.

Существовавшие в казачьих войсках особые наименования офицерских чинов в 1798—1799 гг. были приравнены в рангах к офицерам армейских гусарских полков, сохранив свои прежние названия: войсковые старшины — к майорам (VIII класс), есаулы — к ротмистрам (IX класс), сотники — к поручикам (XII класс) и хорунжие — к корнетам (XIV класс). В гвардейских казачьих полках до 1891 г. чины именовались общекавалерийскими названиями.

Таблица 2

Штаб- и обер-офицерские чины на 1798 г.

Классы	Армейская пехота	Армейская кавалерия	Драгуны	Казачи	Артиллерия и инженерные войска	Гвардейская пехота	Гвардейская кавалерия
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Капитан	Ротмистр
VIII	Майор	Майор	—	Войсковой старшина	Майор	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр
IX	Капитан	Ротмистр	Капитан	Есаул	Капитан	Поручик	Поручик
X	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Штабс-капитан	—	Штабс-капитан	Подпоручик	—
XI	—	—	—	—	—	—	—
XII	Поручик	поручик	Поручик	Сотник	Поручик	Прапорщик	Корнет
XIII	Подпоручик	—	Подпоручик	—	Поручик	Прапорщик	Корнет
XIV	Прапорщик	Корнет	Прапорщик	Хорунжий	—	—	—

С 1798 г. командирами гвардейских полков стали назначаться генерал-майоры, а батальонов и эскадронов — полковники. В связи с этим чин полковника гвардии был уравнен с полковниками прочих войск и переведен из IV в VI класс, что повлекло упразднение чинов подполковника и майора.

В результате преобразований конца XVIII в. система военных штаб- и обер-офицерских чинов стала выглядеть так, как это показано в табл. 2.

В 1798 г. для повышения по службе унтер-офицеров и подпрапорщиков из дворян были установлены особые чины (звания) эстан-дарт-юнкера (в полках тяжелой кавалерии), фанен-юнкера (в драгунских полках), портупей-юнкера (в легкой кавалерии и артиллерии) и портупей-прапорщика (в пехоте). Все они считались ниже XIV класса и в состав обер-офицерских чинов не входили. С 1800 г. и до середины XIX в. всех вообще унтер-офицеров пехоты из дворян стали именовать подпрапорщиками, а с 1802 г. кавалерийских, артиллерийских и егерских унтер-офицеров из дворян — юнкерами.

В 1802 г. в состав гвардии вошла артиллерия, и ее офицеры были поставлены в рангах наравне с прочими гвардейскими офицерами. После 1810 г. офицеры военно-учебных заведений получили старшинство в один класс против армейских офицеров (до чина подполковника). В 1811 г. преимущество в один класс было дано офицерам квартирмейстерской части, армейской артиллерии и инженерных войск. В 1813 г. за заслуги в войне против Наполеона Лейб-гренадерскому и Павловскому гренадерскому полкам был присвоен статус «молодой гвардии». Их личный состав стали неофициально именовать гвардионцами, упоминание о чем мы встречаем, в частности, в «Горе от ума»; офицеры же этих полков получили то же старшинство в один класс по сравнению с армейскими офицерами. С тех пор воинские части, имевшие такое преимущество, стали называться «специальными частями» или «специальными родами войск».

Законоположениями 1811 г. в артиллерии и инженерных войсках был уничтожен чин майора, но введен чин прапорщика (XIII класс); у драгун для уравнивания с прочей кавалерией был упразднен чин подпоручика и введен чин майора (VIII класс).

Обратим внимание читателя на особенность терминологии и логику построения системы военных чинов, которые вполне сознавались более образованными современниками. Вот значение (смысл) основных чинов: генерал — начальник; майор — старший; капитан — главный. Было по меньшей мере семь способов для обозначения младшей степени чина: под (подпрапорщик), секунд (секунд-ротмистр), штабе (штабс-капитан), вице (вице-адмирал), лейтенант (капитан-лейтенант), поручик (генерал-поручик), унтер (унтер-лейтенант). Шесть названий существовало в разных родах войск для обозначения чинов и званий, имевших общий смысл *знаменосец*: прапорщик, хорунжий, корнет, фендрик, эстандарт-юнкер и фанен-юнкер.

Заслуживает пояснения происхождение слова *штабе* в наименовании чина *штабс-капитан* (*штабс-ротмистр*). Тогда как слово *штаб* (штаб-офицерские чины) означало более высокий ранг чинов, слово *штабс*, наоборот, — более низкий. Официально употребляться оно стало с 1797 г. вместо слов *поручик* и *секунд* при обозначении младших степеней чинов (капитана и ротмистра). Но еще раньше оно бытовало для обозначения капитан-поручиков и секунд-ротмистров, командовавших «штабскими», номинально подшефными штаб-офицерам, ротами и эскадронами. Иначе говоря, еще до 1797 г. капитан-поручиков и секунд-ротмистров именовали в быту штабс-капитанами и штабс-ротмистрами.

Лишенной логики ныне кажется система наименований генеральских чинов, отразившая систему, принятую на Западе. Почему чин генерал-лейтенанта (III класс) значитсЯ выше чина генерал-майора (IV класс), тогда как чин майора выше чина лейтенанта? Здесь мы должны иметь в виду, что наименование чина *лейтенант* (т.е. заместитель) подразумевает привязку его прежде всего к чину капитана: капитан-лейтенант (т.е. заместитель капитана). Наименование же *майор* означает «старший»: чин старше капитана. Таким образом, *генерал-лейтенант* (т.е. заместитель генерала) есть логически правильное обозначение чина ниже полного генерала. Чин же генерал-майора возник с учетом существования чина бригадира (V класс) и обозначал генерала, старшего относительно бригадного генерала. Есть и другое объяснение. Система генеральских чинов формировалась на Западе, в частности во Франции, по образцу ранее сформировавшейся системы полковых чинов: колонель (полковник), колонель-лейтенант (заместитель полковника), майор (старший относительно капитана).

Мемуарная литература XIX в. полна рассказов не только о службе многих замечательных генералов и офицеров того времени, но также и о разного рода казусах, связанных с военным чинопроизводством, и об анекдотических карьерах ничтожных личностей. Приведем некоторые из них как штрихи эпохи.

Барон М. А. Корф рассказывает в своих «Записках» о биографии генерала от инфантерии графа П. И. Эссена. «Послужной список этого ... старца представлял такие блестящие страницы, что, перейди в потомство одни эти страницы, история должна была бы поставить Эссена в ряд самых примечательных людей его века. Изумительно быстрая карьера, важные назначения, самые щедрые милости, изливавшиеся на него во все продолжение его службы, — все это намекало на необыкновенные дарования и доблести, на испытанные опытом искусство и знание дела, даже

почти на некоторую гениальность. А между тем мы, современники, которым вполне известна была степень его умственной высоты, искали и находили причину этой необыкновенной карьеры единственно в счастливом стечении обстоятельств и в своевольной игре фортуны... Эссен в сущности был самою злою карикатурою на письменный его формуляр». В 1830-х гг. карьера Эссена «была блистательно увенчана назначением его петербургским военным генерал-губернатором и ... членом Государственного совета... Между тем этот человек без знания, без энергии, почти без смысла, упрямый лишь по внушениям, состоял неограниченно в руках ... правителя канцелярии Оводова, человека не без ума и не без образования, но холодного мошенника, у которого все было на откуп и которого дурная слава гремела по целому Петербургу».

Вот сообщение инженер-генерала А. И. Дельвига (племянника поэта) о нескольких эпизодах карьеры М. Н. Муравьева, рисующих чиновную жизнь николаевской эпохи с разных точек зрения. Будучи назначен в 1838 г. курским военным губернатором, он лично представил Николаю I отчет о состоянии губернии. Отчет понравился, и Муравьев был произведен из генерал-майоров в генерал-лейтенанты. Однако возвратился он домой с прежними двумя звездочками на эполетах. Оказалось, военный министр граф А. Н. Чернышев доложил царю, что Муравьев «по списку генерал-майоров стоит очень низко и что его производством будут обижены многие старше его, весьма достойные», и «производство Муравьева было отменено». Подобная история повторилась с ним в 1842 г., когда он состоял директором Департамента податей и сборов. По представлению министра финансов графа Е. Ф. Канкрин Муравьев был «произведен в генерал-лейтенанты с назначением сенатором и получил уже уведомление об этом и поздравление» от управляющего тогда Военным министерством графа П. А. Клейнмихеля. Но одновременно последний «доложил государю насчет производства» Муравьева «то же, что докладывал несколько лет назад Чернышев», и Муравьев был произведен не в генерал-лейтенанты, а «в соответствующий гражданский чин тайного советника». В 1849 г. он, наконец, был «переименован ... в генерал-лейтенанты по весьма странному случаю». Во время посещения Москвы Николай I «обычно» осматривал кадетские корпуса. Проезжая по Старой Басманной улице, царь заметил на парадном крыльце Константиновского Межевого института швейцара — «старого гвардейского унтер-офицера с разукрашенной медалями грудью». Узнав его, Николай вышел из коляски и осмотрел Институт. Поскольку «обычай» императора были известны, там «было все готово для принятия высокого посетителя». Виденным он остался доволен, но «нашел, что воспитанники не имеют надлежащей выправки, не получая фронтového образования, которое, по его мнению, им необходимо». Был вызван Муравьев — в то время главный директор Межевого корпуса, — которому Николай объявил о преобразовании Института, а вместе с тем и Межевого корпуса в военизированные учреждения (наподобие корпусов инженеров путей сообщения, горных инженеров и лесничих) с «переименованием Муравьева в генерал-лейтенанты». В 1867 г., уже после смерти Муравьева, Межевой корпус вместе с другими был «преобразован в гражданское ведомство».

Заметим, что использование военных для замещения должностей гражданской службы, как и милитаризация некоторых гражданских ведомств (в приведенном случае — межевого), были в дореволюционной России делом обыкновенным.

Тот же А. И. Дельвиг приводит такой получивший огласку случай. В 1832 г. один из известных участников Отечественной войны 1812 г. генерал К. Ф. Толь после подавления польского восстания рассорился с главнокомандующим русской армией генерал-фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем и, «кажется, без дозволения государя» возвратился в Петербург. Через несколько месяцев он был приглашен во дворец, где военный министр граф А. И. Чернышев объявил ему о приказании Николая I назначить Толя членом Военного совета. Дельвиг пишет далее: «Толь очень резко отвечал, что он этого звания не примет, так как военный министр председательствует в означенном совете, а между тем Чернышев моложе его в чине, что он находит это не только оскорбительным для себя, но и вредным для служебного порядка. Вслед затем он вышел из дворца и уехал в свое небольшое эстляндское имение». Это не помешало назначению Толя в следующем году главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями.

И еще: при увольнении в 1869 г. с поста министра путей сообщения П. П. Мельников был произведен в инженер-генералы путей сообщения — в чин, за год перед тем отмененный.

В середине XIX в. было предпринято несколько попыток упорядочить военное чиновничество главным образом для сокращения числа чинов и установления их соответствия должностям. Как выяснено Н. П. Глиноецким, в 1847 г. предполагалось введение чина *старший полковник* с отнесением его к V классу Табели о рангах на место ранее упраздненного чина бригадира. Имелось в виду, что этот чин будет присваиваться командирам полков, а также лицам, занимавшим равные нестроевые должности. Прежний же чин полковника должен был соответствовать должности помощника командира полка. Одновременно был возбужден вопрос об уничтожении тех военных чинов, которые не имели ни строевого, ни административного значения. В этой связи Николай I высказался за упразднение чинов штабс-капитана (штабс-ротмистра) и подпоручика. Все соображения по этим вопросам были разработаны в Военном министерстве, но не реализованы. В 1869—1871 гг. под руководством военного министра Д. А. Милютина работала особая комиссия для пересмотра правил военного чиновничества. Ознакомившись с результатами ее деятельности, Александр II 4 августа 1870 г. выразил «согласие на предположение об ... упразднении прапорщиков и штабс-капитанов», но счел «нужным сохранить майора и при том удержать преимущество гвардии в чинах перед другими войсками, для чего или иметь по-прежнему в

гвардии только один штаб-офицерский чин полковника, в специальных родах войск два чина — полковника и подполковника, или же, согласно предположению ... великого князя Николая Николаевича, ввести и в гвардии чин подполковника, но в таком случае и в специальных родах войск ввести чин майора, дабы все-таки сохранить гвардии преимущество в чине над специальными родами войск». Ввиду разногласий, возникших в комиссии, и эти предложения осуществлены не были.

Завершение упорядочения системы военных чинов было проведено в 1880-х гг.

В 1882 г. гусарские и уланские полки были реорганизованы в драгунские, а для установления во всей кавалерии единообразия в чинах драгунские капитаны переименованы в ротмистры, штабс-капитаны — в штабс-ротмистры, а прапорщики — в корнеты.

В 1884 г. была проведена давно подготовлявшаяся общая реформа военного чиновпроизводства. Приказом по военному ведомству от 6 мая «за неизменную преданность армии долгу и доблестные заслуги ее в боях» офицеры армейских войск приравнивались в преимуществах к офицерам специальных частей. В связи с этим из разряда штаб-офицерских чинов армии исключался чин майора, а находившиеся на службе в армии майоры производились в подполковники. Вместе с тем все обер-офицерские чины армии повышались на один класс (чины XII класса были перемещены сразу в X, так как в XI классе военные чины отсутствовали; XIII и XIV классы освобождались от военных чинов). Чин капитана (и равные ему) оказался в VIII классе наряду с коллежским асессором, при этом он продолжал считаться обер-офицерским чином, но получил право на штаб-офицерский общий титул *ваше высокоблагородие*. Отныне различие между обер-офицерами старой гвардии и прочих родов войск составляло лишь один класс. 30 августа того же года «в видах установления большего единства и правильности в системе младших обер-офицерских чинов» и по примеру иностранных армий был исключен из ряда чинов постоянной службы чин прапорщика с оставлением впредь этого чина только в запасе армейских войск всех родов оружия (не исключая и кавалерию) и на военное время; чин корнета в кавалерии приравнивался к чину подпоручика прочих войск (повышался на один класс). Состоявшим в армии прапорщикам предоставлялся выбор: уйти в запас или сдать экзамен на чин подпоручика. Тогда же в казачьих войсках был введен чин подьесаула, соответствовавший чину штабс-ротмистра (IX класс), и упразднен чин подполковника.

В результате указанных преобразований номенклатура и система военных чинов в VI—XIII классах получили тот вид, который сохранился до 1917 г. (табл. 3).

Таблица 3

Военные чины после 1884 г.

Классы	Армейская пехота, артиллерия и инженерные войска	Армейская кавалерия	Казачьи войска	Гвардейская пехота, артиллерия, инженерные войска	Гвардейская кавалерия
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Подполковник	Подполковник	Войсковой старшина	Капитан	Ротмистр
VIII	Капитан	Ротмистр	Есаул	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр
IX	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Подьесаул	Поручик	Поручик
X	Поручик	Поручик	Сотник	Подпоручик	Корнет
XI					
XII	Подпоручик	Корнет	Хорунжий	—	—
XIII	Прапорщик запаса	—	—	—	—

При чиновпроизводстве по выслуге лет в XIX— начале XX в. офицеры должны были прослужить в каждом чине не менее четырех лет. Исключением был лишь срок службы в гвардейских капитанах — 6 лет (вследствие отсутствия в гвардии чина подполковника). Продвижение по службе выше VI класса формально не было связано с определенной выслугой лет и зависело исключительно от образования, заслуг и усмотрения начальства. С середины XIX в. основная масса офицеров имела специальное военное образование; окончание военных академий создавало предпочтительные условия для производства в высшие офицерские и генеральские чины.

Существовала возможность выслуги в офицеры нижних чинов с дальнейшим производством вплоть до генералов. В законе говорилось: «Право на производство в офицеры действительной службы предоставляется всем вообще строевым нижним чинам унтер-офицерского звания... Для производства в офицеры требуется: а) выслуга определенного срока в нижнем звании; б) удостоверение начальства; в) выполнение представляемым к производству определенных условий по научным и служебным занятиям». Еще в 1818 г. такой предварительный срок беспорочной службы в нижних чинах был сокращен с 12 до 10 лет (впоследствии этот срок равнялся сроку обязательной действительной службы). Выдержав установленный экзамен (знание уставов, грамоты, счета), нижние чины становились кандидатами на офицерские должности: в зависимости от рода войск — подпрапорщиком, эстандарт-юнкером или подхорунжим. В этом качестве они подчинялись непосредственно ротным и эскадронным командирам. На них возлагалось исполнение обязанностей младших офицеров. (С 1906 г. значение «чина» подпрапорщика изменилось: в него стали производить исключительно сверхсрочных унтер-

офицеров, успешно окончивших войсковую школу). С открытием вакансий кандидаты производились в первый офицерский чин. Затем такой офицер мог продвигаться по службе за счет выслуги лет до чина капитана. Дальнейшее производство могло быть осуществлено лишь за особые заслуги. Среди полных генералов, выслужившихся из нижних чинов, назовем участника войн с Наполеоном И. Н. Скобелева — отца генерал-лейтенанта Д. И. Скобелева и деда талантливого полководца генерала М. Д. Скобелева, а также участника кавказских войн графа Н. И. Евдокимова. Сыновьями нижних чинов сверхсрочной службы начинали свою военную карьеру начальник штаба верховного главнокомандующего в первую мировую войну М. В. Алексеев и командующий Юго-Западным фронтом в ту же войну Н. И. Иванов (оба получили полное военное образование). Чаще в генералы выслуживались сыновья нижних чинов, получивших обер-офицерские чины (сыном капитана из нижних чинов был один из вождей контрреволюции А. И. Деникин). По официальным данным, накануне первой мировой войны в России среди генералов было 14 % выходцев из «податных сословий», т.е. крестьян, мещан и т.п.

Несмотря на предпринимавшиеся меры по сокращению численности офицерского корпуса (в частности, в начале 1880-х гг.), количество генералов и офицеров с 1881 по 1904 г. возросло с 30,7 до 41,1 тыс. человек, т.е. примерно на треть. Соотношение генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров было близко к пропорции 1:5:30. На 1897 г., например, числилось 1212 генералов, 6282 штаб-офицера и 35 283 обер-офицера.

Кроме офицеров, на службе в военном ведомстве находились чиновники, имевшие гражданские чины. Официально они назывались военными чиновниками или классными чинами военного ведомства. Во второй половине XIX в. их насчитывалось более 9 тыс.

Наоборот, с начала XIX в. и до 1867 г. военные чины имели также чиновники некоторых гражданских ведомств, получившие специальное образование и объединенные в военизированные корпуса горных инженеров, инженеров путей сообщения, лесной, межевой, а также телеграфное ведомство. Официально это объяснялось тем, что «служба по всем этим ведомствам в дореформенное время была весьма непривлекательна и для привлечения в нее молодых людей привилегированных сословий им даны были военные чины и военные мундиры». С начала 1760-х гг. горные чиновники разделялись на генералов, штаб- и обер-офицеров (хотя формально военными не были). Для отличия от чинов прочих гражданских ведомств они имели особые наименования чинов: обер-берг-гауптман IV класса, обер-берг-гауптман V класса, берг-гауптман, обер-берг-мейстер, обер-гиттенфервалтер, маркшейдер, гиттенфервалтер, берг-гешворен, бергмейстер XII класса, обер-берг-пробирер и шихтмейстер XIII класса, берг-пробирер и шихтмейстер XIV класса. Некоторые из них мы находим в Табели о рангах. Затем горные чины приводятся в «Своде законов» вплоть до 1857 г., хотя в действительности с 1834 г. не употреблялись, так как были заменены общевоинскими наименованиями.

Заметим здесь же, что вообще военные чины первых четырех классов широко использовались для замещения высших гражданских должностей в самых разных ведомствах и учреждениях. Генералов и адмиралов можно было видеть министрами финансов и народного образования, сенаторами и губернаторами. Например, министрами финансов были генералы от инфантерии Е. Ф. Канкрин и адмирал С. А. Грейг, а генерал от кавалерии князь А. М. Дондуков-Корсаков занимал пост главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

МУНДИРЫ

Военные мундиры в России (как и в других странах) возникли ранее всех прочих. Главными требованиями, которым они должны были удовлетворять, являлись функциональное удобство, единообразие по родам и видам войск, ясное отличие от армий других стран. Отношение к военному мундиру в России всегда было очень заинтересованным и даже любовным. Мундир служил напоминанием о боевой доблести, чести и высоком чувстве воинского товарищества. Считалось, что военная форма была самой нарядной и привлекательной мужской одеждой. Все сказанное относится прежде всего к парадному мундиру, надевавшемуся в торжественных случаях и именно для этого предназначавшемуся.

Военные мундиры составляли специальный объект внимания и даже пристрастия императоров, в частности потому, что в XIX—начале XX в. только в них они сами были одеты. Еще в детском возрасте мальчики из царской семьи в виде игрушек получали красочные фигурки оловянных солдатиков и картинки, изображавшие мундиры разных полков. Для них шились мундирчики, точно соответствовавшие настоящим.

Всякие изменения в военных мундирах осуществлялись лишь с санкции императоров, часто по их инициативе, а иногда и по их собственноручным рисункам. Все это вызывало внимание к военной форме всего «высшего общества». В дневнике П. А. Валуев 6 января 1874 г. отмечает, например: «Сегодня скончался фельдмаршал граф Берг. Его трудно заменить... Военные [же] говорят о другом событии: государь на выходе [в Зимнем дворце] был в шарфе» (этот генеральский парадный пояс — серебряный с черно-оранжевыми прошивками и кистями — был отменен еще в 1855 г.).

За соблюдением правил ношения военной форменной одежды как в строю, так и вне его существовал строгий надзор, и виновный в нарушении этих правил мог поплатиться гауптвахтой.

Пристрастие к военной форме было так велико, что право носить ее стало рассматриваться как награда, и прямое пожалование мундирами получило распространение. В одних случаях такое пожалование было связано с назначением в шефы — почетные командиры воинских частей. Особенно это касалось членов императорской фамилии. Изготавливались даже особые военные мундиры для императриц — шефов полков. В других случаях мундиром награждались в память прежней службы в данной воинской части. Наконец, высшим военным чинам могли жаловаться мундиры подчиненных им воинских частей.

Обычай назначать шефами воинских частей представителей правящих династий дружественных стран (на взаимной основе) был распространен в Европе в XIX в. как жест миролюбия. Пожалование мундира соответствующего рода войск как одно из внешних проявлений шефства было делом обычным. Мы уже упоминали о получении Вильгельмом II русского адмиральского мундира. Николай II тоже получил такой же германский мундир. Еще в середине века многие члены царской семьи имели прусские военные мундиры, которые надевались, в частности, во время визитов представителей прусского королевского дома в Россию. В январе 1869 г. П. А. Валуев записал в дневнике: «Большой обед во дворце в Концертном зале в честь кронпринца прусского. Государь и все великие князья в прусских мундирах».

В 1886 г. бывший начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов, а затем посол в Англии генерал-адъютант граф П. А. Шувалов был пожалован шегольским «белым мундиром» — мундиром лейб-гвардии Конного полка — потому, что он начинал в нем свою службу. В ноябре того же года, Шувалов «в полной парадной конногвардейской форме» присутствовал на полковом празднике Семеновского полка.

У некоторых военных (особенно из царской семьи) было по несколько мундиров, надевавшихся по разным случаям. Вот что рассказывает П. А. Валуев в дневниковой записи от 2 января 1876 г. о фельдмаршале князе А. И. Барятинском, в 1856—1862 гг. наместнике императора на Кавказе: «После блистательного и счастливого военного поприща князь Барятинский обратился ... в баловня фортуны и дворцовых ласк. В государстве он — нуль. Во дворце он — нечто вроде наезжего друга... Он рассказывает анекдоты, шутит и любезничает надеваемыми им разными мундирами. Намедни он обедал у их императорских величеств в кирасирском в честь императрицы, вчера он опять обедал, вероятно, в гусарском в честь государя, сегодня он в генерал-адъютантском по случаю дня рождения великого князя Алексея Александровича, 6-го числа он будет в кабардинском по случаю полкового праздника...».

При всей внешней привлекательности парадная военная форма при ношении вызывала большие неудобства: стесняла движения, в ней было трудно или даже невозможно сидеть, была маркой. Особенно много неудобств вызывали штаны. В кавалергардском полку, например, белые рейтузы из лосиной кожи надевали влажными, чтобы они идеально обтягивали фигуру. Любивший шегольски одеваться Николай I по несколько дней должен был оставаться во внутренних помещениях дворца из-за болезненных потертостей на теле от форменной одежды.

Поэтому вне строя даже в среде самых высших военных чинов проявлялись две тенденции: с одной стороны, комично-мелочные страсти вокруг мундирного этикета, а с другой — стремление по возможности сократить пребывание в парадном мундире. Вот два эпизода, отмеченные А. А. Половцовым (1884 г.). Как показательный, «отличающийся чрезвычайно мелкотою», мемуарист записал следующий рассказ ему генерал-фельдмаршала и генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича (дяди Александра III), который только что вернулся из Германии: «В Гатчине я поехал к государю, разумеется, в полной форме. А он меня спрашивает, зачем я это делаю. Я отвечаю: „Потому что в твоей телеграмме, разрешавшей мне приехать, ты ничего не сказал о форме.“ При этом... великий князь тонко улыбнулся и сказал: „Урок: пусть в другой раз не забудет.“ О делах, разумеется, ни слова...”. Другой разговор Половцева с тем же Михаилом Николаевичем: «По обыкновению его заботят и интересуют „высшие и важные“ вопросы, например: „Был я вчера у митрополита для поздравления по случаю юбилея. Тут же был и великий князь Константин Николаевич с Александрю Иосифовной, и оба выговаривали Владимиру* за то,

* Владимир Александрович — брат Александра III, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа-

что он уже неделю в Петербурге, а до сих пор у них не был. Что же Вы думаете? Владимир от митрополита поехал домой, снял парадную форму и к дяде-то поехал явиться в сюртуке!.. То же самое и Сергей Александрович приехал меня поздравлять 8 ноября тоже в сюртуке...».

Военные мундиры отличались большим разнообразием фасонов, цветов и оформления. Фасоны не только менялись со временем (что было свойственно всем мундирам), но и приспособлялись к потребностям каждого рода и вида войск. Особенно разнообразными были мундиры в кавалерии: вместо обычных кафтанов кирасиры имели особого рода короткие мундиры-колеты; гусары — доломаны; уланы — куртки; казаки — чекмени или черкески; различным был у них покрой штанов, особую форму имели головные уборы. Цвет мундира указывал либо на род войск (пехота, артиллерия и т. п.), либо на воинскую часть (полк). Оформление мундира обычно называлось прибором (от прибирать, украшать). Прибор различался на суконный (цветные воротники, обшлага, клапаны, выпушки, лацканы, отвороты фалд, околыши фуражек и т. д.) и металлический — золотое или серебряное шитье на мундире, галуны, пуговицы, погоны, эполеты, аксельбанты и т.

п. Прибор нес основную информацию о принадлежности офицера (и генерала) к роду войск и воинской части, а главное — указывал на его чин. Обычно металлический прибор был признаком гвардейских мундиров и офицерских в армии.

Отметим лишь основные моменты истории армейского офицерского (и генеральского) мундира, как наиболее распространенного и более отчетливо отразившего главные особенности военных мундиров вообще.

Первые сведения о военных мундирах в России относятся к 1661 г., когда каждый из стрелецких полков получил кафтаны, шапки и сапоги особого цвета. С появлением полков иноземного строя военный мундир был модернизирован и приближен к западноевропейским (в основном немецким) образцам. В 1720 г. впервые вводятся широкие кафтаны однообразного цвета для разных родов войск: в пехоте они были темно-зелеными с красными отложными воротниками и обшлагами, с красными же камзолами и штанами до колен; у драгун (кавалерия, сражающаяся как в конном, так и в пешем строю) — синими (с 1775 г. — зелеными) с белыми воротниками и обшлагами (с 1732 г. — красными), с белыми лосиными камзолами и штанами (с 1764 г. — красными); у артиллеристов и инженеров форма была вся красная с синими воротниками и обшлагами (в 1740 г. воротники и обшлага стали черными бархатными, а камзолы и штаны с 1764 г. — белыми). По бокам кафтаны имели карманы. Полы кафтанов для удобства движения заворачивались сначала только на марше, а с 1732 г. — постоянно. Форма обмундирования дополнялась цветными епанчами (плащами) и треугольными шляпами.

Эти цвета по родам войск существовали почти весь XVIII в. Однако отступления от них были довольно часты, что было связано либо с нехваткой сукон нужного цвета, либо с желанием выделить отдельные воинские части, особенно гвардейские.

В 1763 г. форма военного обмундирования подверглась некоторым изменениям: кафтаны стали более узкими, отложные воротники и обшлага заменяются накладными, борта на груди отворачиваются и образуют цветные лацканы. В 1786 г. по инициативе Г. А. Потемкина проводится новая реформа армейских мундиров, сделавшая их более простыми и удобными: полы кафтанов укорачиваются (почему мундир получает название полукафтана), воротник снова становится отложным (при сохранении лацканов), карманы переносятся назад (вертикальные, внутренние), полы отвернуты только спереди. В 1797 г. Павел I вновь вернул мундиры образца 1763 г. В последующем в их фасон были внесены три изменения: поднята стойка воротника, на обшлага добавлен фальшивый клапанец, мундиры гвардейских офицеров и чинов свиты получили золотое или серебряное шитье на груди, воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Однако уже в 1802 г. военные мундиры были заменены новыми, соответственно моде времени, существенно отличавшимися по фасону от всех прежних.

И в XVIII в., и позже офицерские (и генеральские) мундиры отличались от солдатских лишь качеством сукна и портновской работы. Знаками отличия офицеров до 1760-х гг. и при Павле I служили протазаны и эспантоны — особого рода пики, а также некоторые дополнявшие мундиры аксессуары: нагрудные щитки, шарфы, погоны (эполеты), аксельбанты и особое шитье (или галуны). Нагрудные щитки (висели на шее) имели форму утолщенного полумесяца: серебряного — у обер-офицеров и золоченого — у штаб-офицеров (в 1808—1827 гг. они различались по чинам). Плетеные шарфы, состоявшие из красных, синих и серебряных полос, первоначально носились через правое плечо и завязывались на левом бедре. У младших офицеров они заканчивались кистями из серебряных нитей, а у старших — из золотых. С 1742 г. шарфы стали носиться, как кушаки, на талии, а с 1760-х гг. получили черно-оранжевую расцветку. Погоны (от погонять, направлять) или эполеты (наплечники) появились еще в 1732 г. в виде жгутов, сплетенных из металлических нитей, иногда с кистью на конце. Носились они в XVIII в. лишь на левом плече. Одно время по их полю можно было определить чин офицера. Прямым назначением погон (эполет) было придерживание на плече перевязи патронных сум. В середине века появляются аксельбанты — шнуры из серебряных или золотых нитей, которые в виде двух больших петель и концов с наконечниками свисали с правого плеча. Первоначально аксельбант был как бы продолжением плетеного эполета. Позднее петли аксельбанта стали охватывать рукав и вместе с концами подтягиваться к пуговицам на груди мундира. В конце века аксельбанты превратились в обязательную принадлежность мундиров адъютантов и офицеров Генерального штаба. Существует несколько версий происхождения аксельбантов. Согласно одной из них, аксельбант — это шнур для измерения, а наконечники — карандаши. Согласно другой, аксельбанты появились в ходе борьбы Нидерландов против Испании за независимость и означали готовность восставших погибнуть — быть повешенными на носимых ими в знак презрения к поработителям веревках. Особым знаком фельдмаршала в XVIII в. стал маршальский жезл, напоминавший по форме подзорную трубу или футляр для карт.

Есть свидетельства того, что уже в первой четверти XVIII в. офицерские и генеральские мундиры (во всяком случае в гвардии) обшивались золотым галуном. 1764 г. такое отличие устанавливается в общем порядке и дифференцируется по чинам. Мундиры обер-офицеров стали обшиваться по бортам, воротникам, обшлагам и карманным клапанам узким золотым или серебряным галуном, мундиры майоров и подполковников — широким, а мундиры полковников — широким и узким галуном. Кафтаны и камзолы генералов аналогичным образом стали украшаться шитьем в виде гирлянд из лавровых листьев: у бригадиров — половиной ширины гирлянды, у генерал-майоров —

полной гирляндой, у генерал-поручиков — двумя гирляндами, а у генерал-аншефов и генерал-фельдмаршалов — двумя с половиной гирляндами, причем последние имели дополнительно узкое шитье по швам рукавов и спины. Галуны и шитье полагались также на шляпах. Такие же мундиры без галунов и шитья составляли повседневную форму. В 1796 г. галуны и шитье были отменены, в результате чего мундиры офицеров и генералов утратили заметное различие. Знаком генеральского чина стал витой эполет на правом плече, переходящий в аксельбант из золотых нитей.

С воцарением Александра I военные мундиры были модернизированы: в 1802 г. они получили высокий стоячий, не сходящийся спереди воротник (в 1812 г. он был сделан ниже и стал застегиваться на крючки), юбка мундира спереди была вырезана, фалды имели обкладку из цветного сукна и сзади находили друг на друга, горизонтальные карманы перенесены назад. До 1826 г. мундиры были двубортными, затем стали однобортными и получили цветные выпушки по борту и на талии. Камзолы укорачиваются и превращаются в жилеты. Мундиры дополнялись белыми панталонами (затем они неоднократно меняли цвет), надевавшимися в сапоги. Вводятся сюртуки (1809 г.) и шинели с пелеринами. Передний угол треугольных шляп был поднят (шляпы остались треугольными, но в вертикальном плане). В 1807—1844 гг. получают распространение кивера.

В качестве основного знака офицерского отличия в 1802 г. были введены цветные суконные погоны, обшитые по краям галуном. В 1807 г. они были заменены эполетами, представлявшими собой суконную, галунную или металлическую продолговатую пластину, завершающуюся к краю плеча круглым утолщенным полем. У генералов это поле было обрамлено золотой или серебряной бахромой, у штаб-офицеров бахрома была тонкой, а у обер-офицеров отсутствовала.

При образовании в 1809 г. Корпуса инженеров путей сообщения генеральский и офицерский состав его получил звездочки на эполеты, точно указывавшие на чин. Инженер-генералу полагались три звездочки, генерал-лейтенанту — две и генерал-майору — одна; полковнику — три звездочки, подполковнику — две и майору — одна; капитану — три звездочки, поручику — две, подпоручику — одна; прапорщику звездочек не полагалось. В 1827 г. звездочки на эполетах были восстановлены в армии в общем порядке, но система обозначения ими чинов была иная: у прапорщика — одна, у подпоручика — две, у поручика — три, у штаб-капитана — четыре, капитану звездочек не полагалось; у майора — две, у подполковника — три, у полковника эполеты были без звездочек; у генерал-майора — две звездочки, у генерал-лейтенанта — три, у полного генерала звездочек не было. На эполетах фельдмаршалов изображались два скрещенных маршальских жезла. Наличие двух звездочек на эполетах генерал-майоров объяснялось существованием ранее бригадирского чина. Две звездочки на майорских эполетах были установлены для аналогии с генерал-майорскими, а может быть, «напоминали» о существовании в XVIII в. чина секунд-майора. В 1854 г. генералы и офицеры получили дополнительно к эполетам галунные погоны на цветной суконной подложке для ношения на шинелях (а затем и на сюртуках), на которых чины обозначались продольными просветами в галуне и звездочками. У обер-офицеров был один просвет, у штаб-офицеров — два просвета, у генералов поле погон просветов не имело (а галун имел зигзагообразный рисунок). Система звездочек была той же, что и на эполетах. Цвета просветов и выпушки по краям указывали на род войск и войсковую часть.

Другим важным знаком отличия офицеров и генералов с начала XIX в. стало золотое или серебряное шитье на воротниках, обшлагах и карманных клапанах мундиров (нагрудного шитья в военном ведомстве с этого времени не было). Собственно шитье могло заменяться галуном или петлицами (имитация обшивки петель; иногда такие петлицы назывались катушками). Объем шитья у генералов, штаб- и обер-офицеров был одинаков, а его цвет и рисунок различались по видам войск и войсковым частям. В 1808 г. для генералов было установлено особое шитье в виде золотых или серебряных дубовых листьев; в начале 1880-х гг. это шитье было заменено галуном, но в 1908 г. восстановлено.

В 1855 г. фасон военных мундиров был снова изменен: они получили полную юбку, стали двубортными, карманы их остались сзади, но превратились в вертикальные (по сторонам заднего разреза юбки). Еще в 1848 г. такой же фасон был введен в частях кавказской армии. В 1860-х гг. воротники стали одного цвета с мундирами; вместе с тем на них появились широкие клапаны (до заднего края погон), по цвету которых можно было судить о принадлежности офицера к одному из четырех полков дивизии. Еще с 1840-х гг. основным военным головным убором становится каска. В 1862 г. она заменяется на кепи французского образца со скошенной вперед тульей и цветным или галунным околышем с кокардой, просуществовавшие до начала 1880-х гг. В 1872 г. все мундиры, к которым не полагалось лацканов, были заменены однобортными. В 1881—1882 гг. мундиры утратили пуговицы и стали застегиваться на крючки. Левый борт мундиров незадолго перед тем был расширен; карманы были перенесены на бока (прорезные с клапанами); выпушки были уничтожены, кроме воротниковых (а в гвардии и бортовых). Вместо кепи вошли в употребление фуражки с цветными тульями и околышами, а для зимнего времени — мерлушковые папахи (те и другие с кокардами). В 1907 г. мундиры образца 1855 г. были восстановлены (в укороченном виде). Тогда же в составе форменной одежды появились кители с карманами на груди и боках. В 1913 г. была введена комбинированная походно-парадная форма для армии (кроме кавалерии): на китель настегивался шитый золотом или серебром (инженерные войска) воротник, погоны заменялись эполетами, а на грудь пристегивался цветной лацкан с двумя рядами пуговиц. Начавшаяся вскоре первая мировая война заставила генералов и офицеров совершенно отказаться от парадной формы

одежды и перейти на кители и гимнастерки с полевыми погонами, защитного цвета фуражки и солдатские шинели.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ЧИНЫ И МУНДИРЫ

Табель о рангах устанавливала следующие чины адмиралов и офицеров флота:

Класс	Чин	Класс	Чин
I	Генерал-адмирал	VII	Капитан 2-го ранга
II	Адмирал	VIII	Капитан 3-го ранга
III	Вице-адмирал	IX	Капитан-лейтенант
IV	Шаутбенахт (контр-адмирал)	X	Лейтенант
V	Капитан-командор	XI	Корабельный секретарь
VI	Капитан 1-го ранга	XII	Унтер-лейтенант

Как видим, эти чины отличались от общеармейских. Чин генерал-адмирала появился в России еще в 1708 г. Первым обладателем его был Ф. М. Апраксин. До 1917 г. этот чин имело всего 6 лиц, причем в XIX в. он давался исключительно членам императорского дома. Последним генерал-адмиралом был великий князь Алексей Александрович (получил его в 1883 г.; умер в 1908 г.). Поскольку власть генерал-адмирала распространялась не только на флот, но и на военно-морское ведомство в целом, до 1909 г. глава Морского министерства назывался не министром, а лишь управляющим этим министерством. Чин адмирала в Европе (например, во Франции) обычно связывался с определенным морем и означал командира флота на этом море. В России такой связи не было. Чин вице-адмирала первоначально соответствовал должности командира авангарда судов. Командиру арьергарда и охранения эскадры вообще соответствовал чин *шаутбенахт* (IV класс), заимствованный из шведского флота (его имел сам Петр I); позже этот чин стал именоваться *контр-адмирал*. В последней трети XIX в. в России оказалось «столько же адмиралов, сколько их было у Франции и Англии вместе взятых». Для сокращения впредь числа адмиралов в соответствии с «размерами ... флота» России в начале 1885 г. был введен так называемый морской ценз — учет при присвоении военно-морских чинов плавания на военных судах и командования судами, отрядами и эскадрами.

Чины V—IX классов имели в своих названиях слово *капитан* (главный): во флоте слово это понималось преимущественно как обозначение командира корабля. Корабли же в зависимости от своих типов делились на три класса (ранга). Чин капитан-командора (мог командовать отрядом судов) существовал до 1732-го и в 1751—1764 гг. Затем вместо него стал употребляться чин капитана бригадирского ранга. В сентябре 1798 г. чин капитан-командора был восстановлен, а в декабре 1827 г. окончательно ликвидирован.

Чин капитана 3-го ранга существовал лишь с 1713 по 1732 г. и с 1750-х гг. до 1764 г. По штату 1732 г. чин капитан-поручика не значился, а поручик числился в VIII классе. В 1764 г. эти чины были определены в VIII и IX классах. В 1797—1798 гг. они в соответствии с Табелью о рангах были переименованы в капитан-лейтенанта и лейтенанта (с 1855 по 1907 г. они не употреблялись). Чин корабельного секретаря был отнесен к числу гражданских. В 1758 г. чин мичмана из числа унтер-офицеров флота был переведен в XIII класс, а после упразднения чина унтер-лейтенант в 1764 г. — в XII класс.

Морские чины IX—XII классов с самого начала числились рангом выше армейских (поскольку чин капитана 3-го ранга приравнялся к майору). Но вследствие большого числа рангов штаб- и обер-офицерских чинов и малого количества вакансий во флоте считалось, что едва «жизни человеческой стать может, чтобы ... через все чины дослужиться ... до первого ранга капитана». Трудности и даже опасности морской службы отворачали дворян от вступления в нее (дворяне предпочитали «сухопутную службу ... где гораздо скорее случай имеют выслужиться и чины получить»). Поэтому в январе 1764 г. система военно-морских чинов с VI класса и ниже получила следующий вид:

Класс	Чин	Класс	Чин
VI	Капитан 1-го ранга	IX	Поручик
VII	Капитан 2-го ранга	XII	Мичман
VIII	Капитан-поручик		

Если до 1764 г. морские обер-офицерские чины формально имели преимущество по сравнению с армейскими в один класс, то теперь оно увеличилось до двух классов.

В 1860—1882 гг. существовал чин гардемарина, приравненный к подпоручику (XIII класс) или прапорщику (XIV класс) в зависимости от сдачи экзамена и срока службы. В 1884 г. чин капитан-лейтенанта (VIII класс) был упразднен, но с 1 июня 1907 г. восстановлен и существовал до 6 декабря 1911 г. Тогда же (28 мая 1907 г.) IX класс военно-морской службы был как бы разделен на две ступени: вместе с чином лейтенанта в этом же классе было установлено «звание» старшего лейтенанта, 16 марта 1909 г. преобразованное в чин старшего лейтенанта (ситуация напоминала

ту, которая в XVIII в. сложилась в связи с разделением чина майора на два). Для производства лейтенанта в старшие лейтенанты в эти годы требовалось 5 лет службы на младшей ступени того же класса. 9 декабря 1911 г. чин старшего лейтенанта был переведен в VIII класс (вместо упраздненного чина капитан-лейтенанта), но продолжал считаться обер-офицерским чином подобно армейскому капитану. Чин мичмана (XII класс) в 1884 г. был повышен на два ранга и оказался в X классе.

Помимо указанных выше чинов флота, в морском ведомстве существовали также офицерские чины общеармейских наименований. К ним относились чины офицеров, состоявших в так называемых специальных корпусах морского ведомства либо числившихся по Адмиралтейству и военно-морскому судебному ведомству. Существовали корпуса флотских штурманов и морской артиллерии (которые в конце XIX—начале XX в. постепенно реорганизовывались, а офицеры в них заменялись флотскими), а также корпуса корабельных инженеров, инженер-механиков флота и (с 1912 г.) гидрографов. В 1886—1908 гг. в корпусах корабельных инженеров и инженер-механиков флота были особые наименования чинов:

Класс	Чин корпуса корабельных инженеров	Чин корпуса инженеров-механиков
IV	Инспектор кораблестроения	Инспектор механической части
VI	Старший кораблестроитель	Флагманский инженер-механик
VII	Младший кораблестроитель	Старший инженер-механик
IX	Старший помощник кораблестроителя	Помощник старшего инженера-механика
X	Младший помощник кораблестроителя	Младший инженер-механик

Обер-офицеры, состоявшие по Адмиралтейству, приравнивались к армейским, а офицеры специальных корпусов считались одним классом выше. Все они после четырех лет службы в VI классе «жаловались в статские советники» (V класс), а еще через четыре года получали чин IV класса.

Хотя в морском ведомстве, как и в военном, назначение на должности производилось в строгом соответствии с чинами, там существовало правило, согласно которому старшинство нахождения в чине «не дает само по себе преимуществ при назначении на должность», а в расчет принимаются прежде всего личные качества кандидатов.

История военно-морских мундиров известна далеко не полно. Первоначально мундиры офицеров флота были подобны армейским. Лишь в 1732 г. флотским офицерам было предписано «сделать и впредь иметь мундир из василькового сукна с красной подкладкой». Кафтан полагался без воротника, с разрезными обшлагами. Кафтан и камзол обшивались золотым позументом по бортам, обшлагам, карманным клапанам и петлям. Но уже в 1735 г. последовали изменения: кафтаны должны были быть зеленого цвета, а обшлага на них, камзолы и штаны — красного. Через десять лет кафтаны и штаны получили белый цвет, а камзолы, воротник и обшлага кафтанов — зеленый. Кафтаны и камзолы адмиралов обшивались золотом, а офицерские — золотым позументом. 2 марта 1764 г. были утверждены правила «о мундире служащим во флоте и при Адмиралтействе». Цвета мундиров сохранялись, за исключением того, что штаны стали зелеными. Число пуговиц на обшлагах адмиральских мундиров стало соответствовать чинам: у адмиралов — 3, у вице-адмиралов — 2, у контр-адмиралов — 1. Их кафтаны имели соответственное количество рядов шитья, аналогичного генеральскому. Капитаны 1-го ранга имели галун по борту в два ряда, а капитаны 2-го ранга — в один. Морские артиллеристы имели черную отделку мундиров. Всем адмиралам и офицерам полагались треугольные шляпы: адмиралам — с шитьем и плюмажем, офицерам — с галуном, офицерам-артиллеристам — с золотым шнурком.

В конце 1796 г., с вступлением на престол Павла I, было дано распоряжение «во флоте шитых мундиров не носить, а быть всем навсегда в виц-мундире». Все адмиралы и офицеры получили темно-зеленые мундиры (без лацканов) с белыми воротниками и темно-зелеными обшлагами, а также белые камзолы и штаны. На клапанцах рукавов помещались золотые и серебряные нашивки, обозначавшие дивизии и эскадры. Мундиры дополнялись треугольными шляпами с плюмажем у адмиралов и золотым галуном с кистями у офицеров. На шляпы нашивался бант из черно-оранжевой ленты (кокарда).

В 1803 г. военно-морская форма претерпела существенные изменения. Кафтаны XVIII в. были, как и в армии, заменены мундирами со стоячим воротником и вырезом юбки спереди. Цвета мундиров оставались прежними. Брюки устанавливались длинные. Сохранялись треугольные шляпы с плюмажем.

На воротниках и обшлагах у адмиралов полагалась золотая вышивка с якорями, а у офицеров — только якоря. Вводились погоны из золотого галуна. У адмиралов чины обозначались черными орлами. Капитаны 1-го и 2-го рангов имели два погона; капитан-лейтенанты и лейтенанты — только на одном плече (до 1811 г.). Погоны лейтенантов были из зеленого сукна с золотым позументом. Мичманам погоны не полагались. В 1807 г. были введены эполеты с бахромой: у корабельных офицеров — золотые, у некорабельных — серебряные. В 1811 г. было разрешено ношение темно-зеленых брюк.

В 1826 г. офицеры флота получили сюртуки (вицмундиры) со стоячим воротником.

В марте 1855 г. мундиры с вырезом юбки спереди "были заменены двубортными полукафтанами с полной юбкой и стоячим воротником.

В октябре 1870 г. вместо прежних виц-мундиров и сюртуков в морском ведомстве был установлен «сюртук нового образца»: темно-зеленый, гражданского покроя, двубортный, на 6 пуговиц, с отложным воротником и открытым воротом, надевавшийся на белую рубашку с черным галстуком. Ранее введенные кивера были снова заменены треугольными шляпами гражданского образца.

Хотя система обозначения чинов на эполетах и погонах офицеров флота совпадала с общеармейской, полной аналогии не было. Адмиральские чины по-прежнему обозначались орлами: у адмирала их было три, у вице-адмирала — два и у контр-адмирала — один (тогда как флота генерал-лейтенант имел три звездочки, а генерал-майор — две). Погоны капитанов 1-го и 2-го рангов имели по два просвета: у первого — без звездочек, а у второго — с тремя звездочками. Погоны флотских обер-офицеров имели один просвет, причем у старшего лейтенанта (VIII класс) звездочек не было (как у армейского капитана), у лейтенанта их было три, а у мичмана — две.

СВИТСКИЕ ЗВАНИЯ И МУНДИРЫ

Генералы, адмиралы и офицеры сухопутных и военно-морских сил, отличившиеся по службе и пользовавшиеся доверием императора, с начала XIX в. составляли его Свиту и имели особые свитские звания. Хотя формально Свита не являлась частью императорского двора, а входившие в нее лица не относились к числу придворных, фактически свитские звания могут рассматриваться как военно-придворные. С 1908 г. сведения о личном составе Свиты стали даже включаться в справочник «Придворный календарь». Еще в 1711 г. в России впервые появляются должности генерал-адъютанта и флигель-адъютанта. В Табели о рангах различались генерал-адъютанты (VI класс), генерал-адъютанты при генерал-фельдмаршале (VII класс) и флигель-адъютанты при генерал-фельдмаршале (IX класс). С 1713 г. генерал-адъютанты стали назначаться при монархе. В 1731 г. императрица Анна Иоанновна установила, что число и ранг генерал-адъютантов «в воле ее величества». Многие из них имели чины бригадира и генерал-майора. При Анне Иоанновне же впервые появляется звание флигель-адъютанта при императрице, пожалованное графу А. П. Апраксину с указанием на то, что звания этого «прежде сего не бывало и впредь по нем, Апраксине, не будет». Однако при Петре III назначение во флигель-адъютанты снова имело место с присвоением им ранга полковника армии. Екатерина II указала, что «генерал-адъютанты ниже генерал-поручика ... быть не могут».

В конце XVIII в. названные должности окончательно перестают связываться с постоянным обязательным исполнением адъютантских обязанностей и превращаются в почетные звания. Оба звания (генерал-адъютант и флигель-адъютант) стали даваться лицам, уже имевшим военные чины. В 1797 г. было разъяснено, что звание флигель-адъютанта могло сохраняться лишь за теми, чей чин был ниже IV класса, т. е. за обер- и штаб-офицерами. Произведенные в генеральские чины теряли это звание, но могли получить звание генерал-адъютанта.

В начале XIX в. складывается понятие «Свита его императорского величества», объединявшее всех генерал- и флигель-адъютантов. В 1827 г. для военных чинов IV класса были установлены особые звания: *Свиты его величества генерал-майор* и *Свиты его величества контр-адмирал* (первые пожалования их состоялись в 1829 г.). С этого же времени звание генерал-адъютанта стало присваиваться лишь военным II и III классов. Сохранялось оно и за генерал-фельдмаршалами (например, в 1830—1840 гг. звание генерал-адъютанта имел генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич). Наконец, с 1811 г. появляется еще одно почетное свитское звание — *генерал, состоящий при особе императора* (существовало до 1881 г.). Обычно оно давалось полным генералам (II класс). К концу XIX в. генералы, состоявшие при императоре, стали именоваться генерал-адъютантами при особе его величества (в отличие от генерал-адъютантов его величества), которые в «Положении об Императорской главной квартире» числились выше просто генерал-адъютантов. Отставка или достижение предельного (для двух низших групп свитских званий) чина влекли за собой отчисление из Свиты. Для получения же более высокого звания требовалось новое пожалование.

По закону пожалование свитских званий производилось «по непосредственному государя императора усмотрению», причем число лиц Свиты не ограничивалось. По царствованиям назначения в Свиту распределялись следующим образом: Павел I — 93, Александр I — 176, Николай I — 540, Александр II — 939, Александр III — 43 лица. Общая численность Свиты составляла к концу царствования Александра I — 71 человек, Николая I — 179, Александра II — 405 и Александра III — 105. К 1914 г. в Свите числились 51 генерал-адъютант, 64 генерал-майора и контр-адмирала и 56 флигель-адъютантов.

Первоначально Свита входила в состав Квартирмей-стерской части военного ведомства, а с 1827 г. (по другим данным, с 1843 г.) — в Императорскую главную квартиру, подведомственную Военному министерству. Последнюю, помимо Свиты, составляли Военно-походная канцелярия, Собственный его императорского величества конвой, рота дворцовых гренадер и лейб-медики. Во главе Квартиры стоял командующий, должность которого с 1856 г. совмещалась с должностью министра императорского двора.

Лица, составлявшие Свиту, в большинстве занимали какие-либо должности вне ее по военной

или гражданской линиям. Но некоторые из них состояли исключительно «при особе его величества», т. е. в Свите. Неизвестно, имели ли они какие-нибудь специальные свитские обязанности.

Персональный состав Свиты был довольно случайным. По замыслу, в Свиту должны были входить деятельные, безукоризненно честные, лично симпатичные императору люди. На практике же проявлялась тенденция к превращению Свиты в некое представительство генералов и офицеров от разных родов войск и гвардейских частей. Вошло, например, в обычай назначать в Свиту адъютантов гвардейских полков. Существовало мнение, что Свита формировалась без должной осмотрительности и включала многих, не заслуживавших уважения. Сравнивая состав «свитских чинов» российского и германского императоров при их свидании в 1890 г., А. А. Половцов записал в дневнике, что в свите Александра III «от прежнего времени осталось множество никуда не пригодного хлама, который в настоящее время и составляет персонал, появляющийся для сопровождения императора».

В обязанности «чинов» Свиты входило выполнение специальных поручений императора по преимуществу в провинции (наблюдение за рекрутскими наборами, расследование крестьянских беспорядков и т. п.), сопровождение прибывающих в Россию «иностранных высочайших особ» и военных делегаций, присутствие (в свободное от других служебных занятий время) «на всех выходах, парадах, смотрах..., где его величество изволит присутствовать», а также дежурство при императоре во дворце или на церемониях вне дворца.

Дежурство могло быть «полного наряда» — в составе генерал-адъютанта, свиты генерал-майора и флигель-адъютанта либо состояло из одного флигель-адъютанта. До 1881 г. в столице полное дежурство назначалось ежедневно. С этого года было введено правило назначать полное дежурство лишь по воскресеньям, праздникам, в дни балов и больших выходов; в остальные дни дежурство осуществлялось одним флигель-адъютантом (как это обычно практиковалось в загородных дворцах). В середине XIX в. на каждого свитского офицера приходилось по одному дежурству в два месяца. Основной обязанностью «дежурства» во дворцах была организация представления императору лиц, явившихся на общий прием, наблюдение за порядком во время докладов официальных лиц императору, сопутствование императору на парадах и смотрах, а также в театрах.

Важной привилегией дежурных генерал-адъютантов с 1762 г. было объявлять «изустные указы» императоров. Все лица Свиты имели право представляться императору «в дни приемов, не испрашивая предварительного разрешения». Для флигель-адъютантов существовали льготные условия производства в чины вне зависимости от вакансий. За проступки по службе и порочащие поступки в личной жизни свитское звание могло быть отнято.

В конце павловского царствования генералы Свиты получили золотое, а офицеры — серебряное шитье на груди, воротниках, клапанцах обшлагов и карманных клапанах мундиров. В 1802 г. генерал-адъютантам в дополнение к армейскому мундиру был дан особый свитский мундир темно-зеленого сукна с красным воротником и обшлагами, украшенными золотым шитьем оригинального рисунка, и с аксельбантом на правом плече. Мундир дополнялся белыми панталонами с ботфортами и треугольной шляпой с белым плюмажем. Генералы, числившиеся по кавалерии, имели мундир белого сукна. У флигель-адъютантов была такая же свитская форма, только с серебряным прибором, а шляпа без плюмажа. В 1807 г. все «чины» Свиты получили эполет на левое плечо, а в 1815 г. — эполеты на оба плеча с вензелем императора на них, сохранив аксельбант. Вензель императора на эполетах или погонах свитского или общевойскового мундира стал главным отличительным знаком. В 1814—1817 гг. свитский мундир становится однобортным и дополняется белой выпушкой по воротнику, клапанам обшлагов, бортам и фалдам. В 1844 г. для генерал-адъютантов, а в 1847 г. и для флигель-адъютантов вместо шляп были установлены каски с белым султаном. В 1855 г. свитские мундиры стали двубортными. К ним полагались темно-зеленые рейтузы с галунными лампасами, которые в 1873 г. были заменены черными чакчирами с красными двухрядными лампасами. Белые брюки сохранялись лишь для балов. В 1862 г. вместо каски было введено кепи из белого сукна с околышем из галуна и с султаном из белого волоса. В 1873 г. кепи снова заменяется каской, но без султана.

В январе 1882 г. «чины» Свиты получили мундиры нового покроя — с более широкой юбкой и синие шаровары с красным двухрядным лампасом, заправляемые в сапоги. Заметным отличием «свитских чинов» стала белая мерлушковая шапка с красным верхом.

Генералы и офицеры казачьих войск, а также адмиралы и офицеры флота в составе Свиты сохраняли свою форму мундира, дополнявшуюся шитьем (у казаков) и прочими свитскими атрибутами.

ТИТУЛЫ И ФОРМЕННАЯ ОДЕЖДА ЧИНОВНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА

ГРАЖДАНСКИЕ ЧИНЫ*

В гражданской службе, в отличие от военной, введение Табели о рангах вызвало многие сложности. Поскольку незадолго перед этим система гражданских государственных учреждений была реформирована и значительно расширена, понадобилось заместить множество новых должностей. Требования Табели относительно постепенности в выслуге рангов оказались в таких условиях невыполнимыми. В связи с этим в одном из «пунктов» к Табели разъяснялось: «Понеже статские чины (в данном случае — должности. — *Л. Ш.*) прежде не были распорядены, и для того почтай никто или зело мало чтоб кто надлежащим порядком снизу свой чин верхний заслужил из дворян, а нужда ныне необходимая требует и в вышние чины, того ради брать, кто годен будет, хотя б оный и никакого чина не имел. Но понеже сие в рангах будет оскорбительно воинским людям... того ради, кто в который чин и возведен будет, то ему ранг заслужить летами, как следует». Вероятно, имелась в виду выслуга в данном классе большего числа лет, чем это было формально обязательно. Для дворян выслуга эта была установлена по соответствию с воинскими чинами (по три года в каждом низшем ранге). Одновременно предписывалось «впредь на вакансии не со стороны хватать, но порядком как в воинских чинах производится», т. е. из числа служащих того же учреждения. Для подготовки молодых людей к гражданской службе при коллегиях предусматривалось иметь некоторое количество юнкеров.

*В подготовке этого раздела принимал участие Б. Б. Дубенцов.

Анализ последующей практики чинопроизводства привел исследователя истории гражданских чинов В. А. Евреинова к выводу о том, что следствием «значительного количества гражданских должностей» было «более частое открытие вакансий, и по самому характеру этих самых должностей, требующих известных познаний и способностей, лица даровитые могли быстро продвигаться по иерархической служебной лестнице и, начав одновременно службу с лицами, поступившими в войска, должны были повышаться в рангах и пользоваться особыми преимуществами несравненно скорее, чем их военные сверстники». Однако ясно, что это явление не могло быть массовым, а касалось лишь наиболее способных и настойчивых гражданских служащих. Для основной массы чиновников препятствием к продвижению по должностной лестнице было то, что число низших должностей значительно превышало число высших. В качестве средства поощрения службы, имитирующего действительную карьеру, стало все шире применяться производство в следующий чин (ранг) без повышения в должности.

Последующее (после принятия Табели о рангах) законодательство XVIII и самого начала XIX в., помимо решения вопроса о правомочности и условиях производства в чины отдельно от повышения в должностях, пыталось определить порядок производства в первый классный чин (XIV класс) лиц недворянского происхождения, иначе говоря, порядок их вступления на гражданскую службу, а также уточняло ранг отдельных гражданских чинов и устанавливало единые общие наименования их в каждом из классов.

Указом Петра I от 7 мая 1724 г. предписывалось «тайных советников чин повесить в третий класс, а на то место учинить чин статских действительных советников. Да в пятый класс прибавить статских советников чин». Позднее так стали называться чины IV и V классов. Но названным указом, как мы полагаем, устанавливались не названия чинов, а новые гражданские почетные звания по образцу принятых в Пруссии (советник — Rath). Указ императрицы Елизаветы Сенату от 23 июня 1745 г. узаконил общие названия для VI, VII и VIII классов гражданской службы: коллежский советник, надворный советник и коллежский асессор, перевел чин надворного советника из VIII класса в VII, подтвердил обязательность последовательной выслуги в каждом чине, даже если должностей соответствующего класса не было.

После некоторых колебаний в 1760-х гг. было постановлено (13 сентября 1767 г.), «чтоб тем, которые не могут поступить по новым чинам на порозжие вакансии, остаться в прежних местах и с прежним жалованием, какое ныне получают».

16 декабря 1790 г. был подписан указ Екатерины II Сенату «О правилах производства в статские чины», который фактически подводил итог предшествующему законодательству в этой области. Получение низшего классного чина могло иметь место только при назначении на должность. Для тех, кто уже имел чин XIV класса, устанавливались два пути продвижения вверх по лестнице чинов вне зависимости от наличия вакансий: награждение чином за особые заслуги и выслуга определенного числа лет в предыдущем чине. Относительно второго пути в указе говорилось: «... к одобрению людей достойных и способных, и дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению ... давать чины тем из удостоенных, кто не менее трех лет в одном чине действительно служит, разумя до VIII класса». Для перевода в чин VIII класса (дававший потомственное дворянство) из предыдущего недворянам требовалось служить не три года, а 12 лет.

20 апреля 1797 г. указ Павла I «О наблюдении, при избрании чиновников к должностям, старшинства мест и чинов» еще раз не только подтверждал право, дававшееся чином на занятие должности вообще, но и определял прямое соответствие этого права старшинству

чинопроизводства. А указ 9 декабря 1799 г. устанавливал сроки выслуги в чинах от IX до V классов (4, 5, 6 и 4 года). Имелось в виду, что пожалование в более высокие чины производится вообще вне правил, по личному усмотрению императора. Снова предусматривалась возможность чинопроизводства за особые заслуги.

Постановления Екатерины II и Павла I, закрепившие, в частности, возможность производства в следующий чин при условии простой выслуги лет, окончательно превратили получение очередного гражданского чина и право государственных служащих, на реализацию которого они могли претендовать (если не находились под следствием и не были опорочены по суду). Лишь получение чина вне положенного срока за особые заслуги делало его наградой. На практике же в связи с новым расширением в начале XIX в. государственного аппарата и недостатком подходящих кандидатов для замещения вакантных должностей Сенат назначал на должности лиц с чином меньшего класса, чем класс должности, с одновременным повышением для них класса чина до класса должности вне срока выслуги и особых заслуг. Этой практике был положен конец указом 2 июня 1808 г., которым предписывалось «впредь ни в каком случае Сенату самому собою не производить никого в чины прежде выслуги узаконенных лет». Вместе с тем было подтверждено требование представлять ходатайства о награждении чинами за особые заслуги на усмотрение самого императора.

Вместе с возникновением собственно гражданских чинов, т. е. отделением их от должностей в самостоятельную правовую категорию, усилилась потребность в единых наименованиях этих чинов, в общих обозначениях классов гражданской службы. Первоначально (в «пунктах» к Табели о рангах и последующем законодательстве о чинах) стали использоваться наименования военных чинов как уже вполне установившиеся. Однако вводить их в широкое употребление не представлялось возможным, хотя гражданские чиновники очень стремились к этому, поскольку военная служба пользовалась большим почетом, чем гражданская, и свою роль играло желание чиновников приравнять себя к офицерам. В течение XVIII в. правительству приходилось неоднократно издавать указы, запрещавшие штатским служащим именоваться военными чинами. Но их притягательная сила была столь велика, что даже при Николае I офицеры, перешедшие в гражданскую службу, продолжали именоваться своими прежними чинами. Предпочтение отдавали военным чинам и в конце XIX в., когда, по свидетельству современников, «многие чины высшей гражданской иерархии» велели «прислуге называть себя генералами». Формирование номенклатуры гражданских чинов пошло по двум направлениям. Прежде всего классы чинов стали называть значившимися в них наименованиями званий, которые не были связаны со службой в каком-то конкретном учреждении и не предполагали исполнения определенных обязанностей (разного рода советники). Затем, наоборот, за другими классами чинов закрепились названия наиболее известных и постоянно существовавших должностей: коллежского советника, коллежского асессора, коллежского секретаря и т. д. Юридически эти наименования окончательно были закреплены упоминавшимся законом 1790 г.

В результате к началу XIX в. номенклатура гражданских чинов приобрела такой вид:

Класс	Чины
I	Канцлер; действительный тайный советник
II	Действительный тайный советник
III	Тайный советник
IV	Действительный статский советник
V	Статский советник
VI	Коллежский советник; военный советник
VII	Надворный советник
VIII	Коллежский асессор
IX	Титулярный советник
X	Коллежский секретарь
XI	Корабельный секретарь
XII	Губернский секретарь
XIII	Провинциальный секретарь
XIV	Коллежский регистратор

Двойное наименование высшего гражданского чина и некоторые особенности его пожалования определялись следующим. Чин канцлера или государственного канцлера мыслился как уникальный, предназначенный для первого должностного лица в иерархии гражданской службы. Всего в России чин канцлера имели 11 человек. Первым в 1709 г. его получил граф Г. И. Головкин, а последним в 1867 г. — князь А. М. Горчаков. Чаще всего чин канцлера давался министрам иностранных дел. Если министр обладал чином II класса, он мог именоваться вице-канцлером. В середине XIX в. имела место ситуация, когда чин канцлера некоторое время сохранял бывший министр иностранных дел (граф К.-В. Нессельроде), а новый министр (князь А. М. Горчаков) его еще не получил. В 1830-х гг. князь В. П. Кочубей, будучи председателем Государственного совета и Комитета министров, пользовался чином *канцлер по внутреннему управлению*. Но уже в конце XVIII в. возникла необходимость пожалования в чин I класса лиц, которые в силу своего служебного положения никак не могли именоваться канцлерами. Тогда и получило начало употребление другого наименования чина — действительный тайный советник I класса. Слово *действительный*

означало *настоящий, полный* и указывало на высшую степень одного из двух одноименных чинов. Число лиц, имевших его до 1917 г., не намного превышало десяток. Известно, что чином действительного тайного советника I класса в конце XVIII в. обладали граф Н. И. Панин, светлейший князь П. В. Лопухин, князь Александр Б. Куракин. В середине XIX в. этот чин имел князь А. Н. Голицын, в 1906 г. его получил граф Д. М. Сольский, а в 1916 г. — И. Л. Го-ремыкин.

Чин VI класса первоначально именовался *советник в коллегии*. Второе название было введено в 1797 г. Оно использовалось лишь для гражданских чиновников, служивших в учреждениях военного ведомства. Слово *титულлярный* в названии чина IX класса близко по значению к слову *номинальный* (не действительный). Согласно Табели о рангах чин IX класса мог даваться «профессорам при Академии» и «докторам всяких факультетов, которые в службе обретаются». Отнесение российских ученых к столь низкому рангу вызвало критические замечания М. В. Ломоносова. Он считал одной из причин недостаточной привлекательности в России ученых званий невозможность получить вместе с ними высшие чины, «между тем как за границей» ученые, «хотя большей частью не принадлежат к дворянству, производятся в статские и тайные советники. И для того дворяне охотнее детей своих отдают в кадетский корпус. А если бы ранги были расположены (благоприятнее для ученых. — *Л. Ш.*), то дворяне возымели бы охоту не менее к наукам, как и военному искусству».* Чин *корабельный секретарь* (XI класс) первоначально значился среди военно-морских чинов. Чин *провинциальный секретарь* был введен исключительно для военных XII класса (например, подпоручиков армии), вышедших в отставку и перешедших на гражданскую службу. К концу XVIII в. чины XI и XIII

* Сам Ломоносов в начале царствования Екатерины II получил чин статского советника (V класс) в качестве почетного звания

классов фактически перестали употребляться (чинопроизводство осуществлялось из коллежских регистраторов сразу в губернские секретари, а затем в коллежские секретари) и общее количество классов гражданских чинов сократилось до 12, что было законодательно закреплено в 1811 и 1834 гг.

В самом конце царствования Павла I (указ от 3 августа 1800 г.) была сделана попытка вообще отказаться от специальных наименований гражданских чинов, заменив их указанием должности и класса чина (например, обер-секретарь VII класса). Чины, однако, уже столь прочно вошли в служебный быт и названия их стали настолько широко употребляемыми, что новшество вызвало недовольство служащих и от него через год отказались.

Указом Александра I от 1 августа 1801 г. предписывалось, чтобы «все места наполняемы были чиновниками самых тех классов, в коих места сии по штатам положены». Вместе с тем разрешалось «по уважению способностей и в нужных случаях определять на оные и таких, коих чины и несовершенному классу мест соответствуют; но чтоб изъятие сие из общего правила не простиралось ни выше, ни ниже одного чина». Подтверждалось существование обязательного срока нахождения в каждом чине, без выслуги которого очередной чин не мог быть получен.

Изданием чиновнопроизводственных правил 1801 г. завершилось в основном складывание системы гражданского чиновнопроизводства в России.

Некоторые особенности гражданской службы как бы усугубили роль в ней чинов и чиновнопроизводства. Прежде всего должно иметь в виду, что гражданское чиновничество в наибольшей мере комплектовалось за счет недворянских элементов. Правительство усматривало опасность этого. Именно поэтому в гражданской службе практическое значение получало регулирование состава чиновников. Система гражданского чиновнопроизводства в решающей степени определяла состав бюрократии, а та вследствие причастности к власти могла влиять на деятельность правительственного аппарата, а иногда и на правительственную политику. Поскольку в гражданской службе, в отличие от военной, производство в чины не лимитировалось количеством вакансий, число лиц в относительно высоких чинах могло быть произвольно большим. Из-за этого при открытии вакансий на более высокие должности обычно было несколько кандидатов, имевших соответственные чины. Преимущественным правом на должность обладал старший в чине, а при равенстве чина — старший по времени производства в него. Естественно, что в этих условиях внимание к формальностям чиновнопроизводства было повышенным и, так сказать, болезненным. Значение чина на гражданской службе усиливалось и тем, что чиновники обретали потомственное дворянство лишь в ходе службы, в результате чиновнопроизводства. Наконец, гражданские чиновники низших и средних классов менее других имели доступ ко двору. Тем большее значение для них приобретало достижение тех классов, которые сообщали им это столь желанное право. Поскольку гражданские чины приобретались главным образом выслугой лет, получение их становилось почти автоматическим. Считалось, что этим обеспечивалась известная независимость обладателя чина от его непосредственного начальства. Существовало даже убеждение, что чиновники, находящиеся на противоположных концах служебной лестницы, — суть одинаковые слуги царя, равно им поставленные.

В начале XIX в. значение проблемы гражданского чиновнопроизводства возросло. В 1802 г. взамен ранее существовавших коллегий в России были учреждены министерства. Весь государственный механизм подвергся существенной модернизации; была поставлена задача повышения уровня работы этого механизма и государственного управления вообще.

В этой связи на одно из главных мест выдвинулся вопрос об общей и специальной

образовательной подготовке чиновников. Решение его было намечено в указе Александра I Сенату от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в наука для производства в коллежские асессоры и статские советники» (первый штаб-офицерский и первый генеральский чины). Вдохновителем и автором указа был известный государственный деятель того времени М. М. Сперанский.

Указ этот имел некоторую историю. Вскоре после учреждения министерств было обнародовано (24 января 1803 г.) нечто вроде программы Министерства народного просвещения — Правила народного просвещения. Они предусматривали, в частности, что в связи с открытием университетов, гимназий и других училищ и устранением тем самым препятствий к получению образования представителями всех свободных «состояний», прежде всего дворянством, может быть выдвинуто требование, чтобы через пять лет все должности по гражданской государственной службе, требующие правовых и других специальных познаний, начали замещаться лишь лицами, окончившими курс обучения в казенных или частных учебных заведениях. Однако надежды на то, что возможность получить образование будет широко использована дворянством и лицами других сословий, не оправдывались. «Обманутые ожидания, — пишет по этому поводу В. А. Евреинов, — указывали на необходимость приискать средство более понудительное, и притом такое средство, которое уже невозможно было бы обойти, не отказавшись от всякой служебной будущности для своих детей».

Таким средством и должен был стать закон 6 августа 1809 г. В его преамбуле указывалось, что главная причина низкой образованности чиновничества «есть удобность достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службы». «Между тем, — говорилось далее, — все части государственного служения требуют сведущих исполнителей, и чем далее отлагаемо будет твердое и отечественное образование юношества, тем недостаток впоследствии будет ощутительнее... В отвращении сего и дабы положить наконец преграду исканиям чинов без заслуг, а истинным заслугам дать новое свидетельство нашего уважения», было признано необходимым установить, что производству в чин коллежского асессора (VIII класс) впредь могли подлежать лишь лица, имеющие высшее образование либо выдержавшие экзамен по установленной программе (помимо соответствующей выслуги лет).

Столь крутая мера вызвала и в целом, и в деталях неблагоприятный отклик современников. В частности, подверглась осуждению программа экзаменов. Одним из выступивших с критикой ее был известный историк Н. М. Карамзин. Он представил записку, в которой не без юмора, хотя и не совсем по существу дела, писал: «Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимое для их звания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас же председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойства кислорода и всех газов, вице-губернатор — пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни сорокалетняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга узнать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь несогласного с их целью...».

Указ 1809 г. не стал достаточным стимулом для повышения образовательного уровня чиновничества. К тому же в скором времени возникла необходимость делать исключения из установленных правил ввиду того, что министры жаловались на затруднения в замещении должностей, и каждый из них стремился доказать, что в работе его министерства опыт для служащих У имеет преимущественное значение перед общим образованием. Предоставление разрешений не соблюдать предписанный указом порядок применительно к отдельным категориям чиновников и целым ведомствам приняло в результате столь широкий характер, что уже через три года после издания закона соблюдение его требований можно было считать исключением.

10 апреля 1812 г. по указанию Александра I был образован особый комитет из четырех министров, на который было возложено «составление общих по всем частям гражданской службы правил, для какого рода службы, каких именно наук познание нужно, дабы, определив то, подвергать при производстве в чины экзамену, с сим сообразному». В связи с Отечественной войной работа комитета затянулась до 1814 г., когда был составлен проект нового положения об экзаменах при производстве в чины. С этого времени начинается период нескончаемых обсуждений в правительственных верхах вопроса о самой целесообразности сохранения гражданских чинов и о реорганизации их системы и порядка чиновничества.

8 января 1826 г. Николай I распорядился «немедленно рассмотреть» вопрос о гражданских чинах в его полном объеме в Государственном совете. Но это не было сделано. Вместо радикального решения вопроса 14 октября 1827 г. и 25 июня 1834 г. были приняты два закона, первый из которых определял порядок вступления на государственную службу, а второй — порядок дальнейшего чиновничества. Оба они должны были учитывать ту важную реальность, что к этому времени чиновничество в значительной мере воспроизводило само себя. Дети чиновников следовали по пути отцов, поскольку почти не имели других возможностей заработка. По закону они получали приемлемые права поступления на службу даже вне зависимости от образования; вместе с тем они же пользовались правами обучения в большинстве учебных заведений. Доля поместных дворян в составе гражданского чиновничества постепенно сокращалась (отчасти вследствие роста общей численности чиновничества). Идеальное решение проблемы организации

гражданской службы теперь виделось в том, чтобы, во-первых, обеспечить замещение всех низших вакансий и, во-вторых, открыть путь к должностям среднего и высшего уровня исключительно для специально подготовленных лиц, преимущественно из числа потомственного дворянства. Последнее предполагалось достигнуть предоставлением дворянству новых льгот в получении образования.

Указ 1827 г. устанавливал четыре категории лиц, пользовавшихся правом государственной службы. К 1-й относились потомственные дворяне; ко 2-й — дети лич- • ных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов; к 3-й — дети приказных служителей, не имеющих чинов; к 4-й — не имеющие права на гражданскую службу, но принятые ранее издания данного закона. Для производства низших канцелярских служителей из лиц названных разрядов в первый классный чин (XIV класс) устанавливались соответственно разные сроки службы: 2 и 4 года, 6 и 12 лет.

Положение 1834 г. предусматривало сокращение сроков выслуги XIV класса для канцелярских служителей первых трех категорий при наличии образования до одного года, двух и четырех лет.* При дальнейшем

* Через десять лет постановлением 28 ноября 1844 г. было установлено, что лица, не окончившие курс в уездных или высших училищах и не выдержавшие экзаменов по особой программе, могли производиться в первый (XIV) классный чин лишь после 4—12 лет службы в зависимости от происхождения. Затем для канцелярских служителей третьей категории этот срок был увеличен до 16 лет, но за половину этого срока они получали звание личного почетного гражданина. От этих норм, однако, вскоре же стали делаться многочисленные отступления.

чинопроизводстве первенствующую роль играло уже образование, а не происхождение. Все, кто имел классные чины, делились на три разряда: с высшим образованием, средним и начальным. Производство в каждый следующий чин должно было осуществляться строго по выслуге в предыдущем чине установленного для каждого разряда числа лет — от 3 до 8. При производстве за отличия обязательный срок службы в чине сокращался. Сословное происхождение учитывалось только при получении чина VIII класса, дававшего потомственное дворянство. Для недворян срок выслуги для его получения увеличивался независимо от наличия образования. Кроме того, условием производства в чины VIII и V классов служащих со средним и начальным образованием было назначение на должности этих классов. Производство в чины выше статского советника (V класс) могло иметь место исключительно по личному усмотрению императора, а не по выслуге определенного числа лет. Разрешалось назначать на должности чиновников, «имеющих один чин выше или ниже той степени, в которой положена должность». Чиновник с высшим образованием мог быть назначен даже через степень, т. е. через класс должности. В 1835 г. такое право было предоставлено всем без исключения чиновникам. Юридическая возможность расхождения между классами чина и должности не ломала, однако, традиции, дававшей из нескольких кандидатов на должность предпочтение старшему по классу чина и старшему по времени производства в данный чин.

Для того, чтобы реализовать идею соответствия класса чина классу должности (с расхождениями в 1—2 класса), необходимо было упорядочить отнесение к определенным классам всех существовавших в империи должностей. Понятно, что от самого подхода к «классификации», от того, к каким именно классам будут отнесены должности, зависело реальное значение права, сообщаемого чином, на должность. Принадлежность к классам высших сравнительно немногочисленных должностей к середине 1830-х гг. уже вполне определилась. Отнесение должностей средней и низшей категорий к классам было уточнено и объявлено в виде *указа* Николая I от 1835 г. «О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно». В XIX — начале XX в. обычно должность министра соответствовала II классу; товарища министра — III; директора департамента (управления), губернатора и градоначальника — IV; вице-директора департамента и вице-губернатора — V; начальника отделения и делопроизводителя в центральных учреждениях — VI, а столоначальника там же — VII классу. Такое ранжирование по классам Табели о рангах должностей и чинов в некоторых случаях приводило к коллизиям. Например, когда в 1849 г. новым министром народного просвещения был назначен князь П. А., Ширинский-Шихматов, оказалось, что директор Императорской публичной библиотеки (подведомственной этому министерству) барон М. А. Корф имел три года старшинства в том же чине по сравнению с министром. Это было признано неудобным, и выход был найден в переводе библиотеки в ведомство Министерства императорского двора (в 1850 г.). После ухода Корфа с директорского поста (1861 г.) библиотека вновь была подчинена Министерству народного просвещения (1863 г.).

В 1840-е гг. правительство предпринимает ряд мер, имевших целью усилить общий контроль за составом чиновничества. Был составлен список всех гражданских чиновников империи, охвативший более 60 тыс. человек. При Собственной его величества канцелярии утверждается Инспекторский департамент гражданского ведомства. В правительственных кругах в несомненной связи с революционными событиями на Западе и ростом образовательного уровня российских чиновников возникла серьезная озабоченность «направлением умов» государственных служащих и наличием в их составе неблагонадежных элементов. Опасный прецедент Николай I видел в Австрии, где, как он считал, была «сильная бюрократия, которая минирует государство и ставит

умы в вечную борьбу с правительством». В России его беспокоили, в частности, ведомства юстиции и путей сообщения.* По поручению царя министр юстиции граф В. Н. Панин в ноябре 1846 г. разработал соответствующую записку. Панин находил нужным подвергнуть общему пересмотру Устав о службе гражданской и уверял царя в том, что «никакие усилия вашего величества, ни усердие министров к исполнению вашей воли не достигнут цели, если самый порядок определения к должностям не поставит ясными постановлениями преграды к замещению должностей лицами, недостойными оказанного им доверия».

Для пересмотра Устава опять создается особый комитет, которому было предложено при разработке нового варианта этого закона руководствоваться следующими указаниями царя: «Чинами не называться, а называться по местам службы и занимаемой должности. Производству быть не за выслугу, а, как в военном ведомстве, на вакансии и в редких случаях за отличие... Производство за выслугу лет заменить прибавкой к жалованью...». В январе следующего года царь дал указание приложить «всевозможное старание, чтобы действия комитета шли без замедлений».

Однако вскоре работа комитета оказалась парализованной двумя записками министра народного просвещения графа С. С. Уварова, поданными царю в 1847 г., где он выступил с апологией чинов. Записки эти на многие годы стали манифестом и сводом основных аргументов для сторонников сохранения чинов и вновь привлекали внимание всякий раз, когда речь заходила об их отмене.

Касаясь материальной стороны дела, Уваров утверждал, что, «разумеется, никаких сокровищ не будет достаточно для замены чинов новыми окладами». В условиях середины XIX в. проблема вознаграждения труда государственных служащих осложнялась тем, что возникавшие в стране частные предприятия предлагали квалифицированным служащим гораздо более высокие заработки. При недостаточности же окладов, выплачиваемых чиновникам, чины остаются основным

* По свидетельству А. И. Дельвига, Николай «не любил ведомства путей сообщения, полагая, впрочем очень несправедливо, что в нем распространены либеральные идеи, и с большей справедливостью, что в нем распространено казнокрадство». Вопрос о неблагонадежности части чиновников более остро встал в 1880-х гг., и мы к нему еще вернемся.

средством привлечения к государственной службе и удержания на ней способных людей. Поэтому особенно важно было поддерживать в чиновниках идеи чести, обольстительную мысль, «что чин возвышает их над всеми званиями, хотя и пользующимися вполне житейскими выгодами». Отмена чинов лишила бы правительство «важнейшей пружины действовать на умы, средства, которое, имея почти фантастическую силу, ничего не стоит государству и не может быть заменено никакими материальными вознаграждениями». Что касается отрицательных последствий существования чинов, то они, по мнению Уварова, в результате «постепенных изменений, сообразно требованию обстоятельств, приведены, наконец, в такое положение, что, служа поощрением заслуг, совершенно устранены от неудобства — распространять до излишества класс потомственных дворян». В заключение Уваров утверждал, «что укорененная в общем уважении и совершенно согласная с монархическим духом гражданская иерархия России, оставаясь неприкосновенною... послужила бы к вящему укреплению твердыни русского самодержавия».

Ознакомившись с записками Уварова, Николай I написал на одной из них: «Много весьма справедливых мыслей». Практическим результатом записок было то, что проект нового Устава о службе гражданской, разработанный к 1850 г. на основе личных указаний Николая I, не получил утверждения, а сам комитет 1846 г. был закрыт в начале 1856 г.

Потрясения, пережитые Россией в результате Крымской войны и совпавшие с началом нового царствования, дали толчок к разработке ряда реформ, в том числе связанных с изменением правовой структуры общества и улучшением системы государственного управления. Вполне естественно, что в тесной связи с этим вновь возникли и идеи изменения системы чиновничества, прежде всего в гражданском ведомстве.

В 1856 г. выяснилось, что достичь повышения образовательного уровня чиновничества путем предоставления льгот в чиновничестве по образованию (правила 1834 г.) в желательных масштабах не удалось и потому, что сами эти льготы оказались неэффективными, и потому, что ежегодный выпуск высших учебных заведений далеко не покрывал образующиеся вакансии (около 3 тыс. в год). * Законом 9 декабря 1856 г. «О сроках производства в чины по службе гражданской» было признано «нужным утвердить на прочных началах действие того общего коренного правила, что награждения повышением в чинах, так же как и все прочие по службе награды, должны ... быть даруемы токмо за постоянные усердные и отличные, непосредственным ... начальством засвидетельствованные труды на самой службе, без принятия в уважение каких-либо обстоятельств, сей службе предшествовавших». В основе этого принципа лежало убеждение, что качество службы зависит не только от образования, а образование без конкуренции еще не обеспечивает это качество. В соответствии с этим льготы по выслуге в зависимости от образования были отменены и установлены общие для всех сроки выслуги: в XIV—IX классах — по три года в каждом, в VIII—VI классах — по четыре года (выслуга в высших классах юридически не давала определенных прав на получение следующего чина). При чиновничестве за отличия срок выслуги сокращался наполовину. Вместе с тем было сохранено правило определения при поступлении на службу в тот класс, на который давало право окончание данного учебного заведения и успехи в учебе.

Установление общего срока для получения чинов ликвидировало преимущества дворян на

получение чина VIII класса. Таким образом, сословная дискриминация сохранялась только для лиц, не имевших образования, при производстве в первый классный чин.

Вновь возникший в ходе подготовки закона 1856 г. вопрос о целесообразности сохранения гражданских чинов в их прежнем виде был передан на рассмотрение особого Совещательного собрания под председательством графа Д. Н. Блудова. В марте 1857 г. собрание пришло к заключению, что наличие титулярных, т. е. не соединенных с должностями, чинов привело к установлению «чрезвычайной зыблемости в путях службы» и утвердило существование ложных понятий о ее обязанностях и целях. Собрание осудило и общее пристрастие к чинам, которое привлекало на службу людей, совершенно к ней неспособных, имело следствием

* Университеты, лицеи и Училище правоведения выпускали в год в общей сложности примерно 400 человек.

чрезмерный рост числа служащих, а вместе с тем и усиление влияния бюрократии. Все это заставило членов собрания единогласно признать, что «было бы весьма желательно производство в чины отдельно от должностей совершенно отменить». Однако осуществлению этого предложения должно предшествовать увеличение окладов содержания чиновников. Последнее не связывалось исключительно с отменой чинов. Члены собрания указывали, что вообще недопустимо такое положение, когда «чувства справедливости и человеколюбия почти не дозволяют преследовать с надлежащей строгостью за взятки и другие более или менее преступные действия», так как «в канцеляриях присутственных мест многие, иногда семейные люди, должны жить пятью или десятью рублями в месяц». Кроме того, по мнению Совещательного собрания, было бы целесообразно приступить к решительному изменению порядка гражданской службы только после улучшения организации самой системы управления и делопроизводства. Уже в результате этих мер произошли бы «уменьшение числа чиновников и влияния бюрократии». Понимание того, что лишь изменение системы гражданского чиновничества не способно устранить все те недостатки в работе государственного аппарата, которые вызывали тревогу наиболее дальновидных представителей правительства и являлись одной из причин обращения к проблеме реорганизации чиновничества, было важным новым элементом в подходе к решению проблемы.

Александр II согласился провести рекомендованные мероприятия в предложенном собранием порядке. Действительно, в последующие годы были увеличены оклады жалования чиновников (к 1880-м гг. в 1.5—2 и более раз). Однако последний шаг — упразднение чинов — правительством не был сделан.

19 ноября 1857 г. в связи с нехваткой в провинции кандидатов на замещение классных низших и средних должностей было разрешено замещение вакансий в губернских и уездных учреждениях практически независимо от класса чина кандидатов.

Между тем после Крымской войны общее число гражданских чиновников продолжало возрастать: в 1856 г. их было 82.3 тыс. человек, а в 1874 г. — 98.8 тыс. (в том числе 12.4 тыс. преподавателей и ученых). Часть гражданских чиновников служила по военному и военно-морскому ведомствам (на 1874 г. — 6.1 тыс. человек). Вместе с тем, как мы уже отмечали, чиновники горного, путейского, телеграфного, лесного и межевого ведомств до 1867 г. имели военные чины, хотя по существу были гражданскими. Особенно интенсивно возрастала численность чиновников высших классов. Так, число лиц, имевших чины III и IV классов, составляло:

Класс	1860 г.	1870 г.	1880 г.
III	200	343	540
IV	805	1210	2040

При этом число чиновников названных классов значительно превышало общее число должностей этих же классов. В 1884 г. на 237 должностей III класса было 530 чиновников того же класса, а на 685 должностей IV класса — 2266 чиновников. К концу 1890-х гг. число чиновников IV класса составило 2687.

Довольно много чиновников служило сверх штата, в ожидании вакансий. На 1874 г. их числилось 2.8 тыс. человек. Такие «причисленные» чиновники не получали жалования, но могли быть награждаемы. Одним из причисленных к Государственной канцелярии был барон В. Е. Нолькен. Поскольку он пять лет жил в деревне, т. е. вовсе не служил, а лишь «числился», «продолжая получать чины и награды», А. А. Половцов предложил ему выйти в отставку.

В апреле 1862 г. с резкой критикой гражданской службы и системы чинов выступил главноуправляющий II отделением Собственной его величества канцелярии барон М. А. Корф (ранее входивший в состав Совещательного собрания). В представленной им в Совет министров записке он указывал, что «по единогласному признанию, вредное влияние чинов состоит особенно в том, что они образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту, которая живет своею собственной жизнью, считает себя выше остального общества, и на которую общество также смотрит как на что-то чуждое и почти враждебное. Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самого ложного честолюбия, жажда к повышению и внешним отличиям... Человек, который мог бы с успехом заняться любимым ремеслом или промыслом, поступает не-ч казенную службу и бедствует на ней десятки лет единственно потому, что эта служба ставит его на искусственные ходули в обществе и ласкает его воображение обманчивой картиной иногда

отдаленных, но все-таки возможных повышений и отличий. Однажды предавшись этому влечению, однажды надев виц-мундир, он с трудом снимет его и решится сесть за рабочий инструмент или прилавок. Редко решатся на то и сын, и внук его, и таким образом размножаются целые поколения самой несчастной породы нищих во фраке». Корф предлагал, в частности, отказаться от производства канцелярских служащих в классные чины, предоставляя им вместо этого за выслугу определенного числа лет права личного почетного гражданства. Александр II не поддержал это предложение, опасаясь, что его реализация «могла бы только возбудить тревогу в умах многочисленного класса» (февраль 1864 г.)

Через несколько лет царское правительство все же попыталось воздвигнуть образовательный барьер для претендентов на классную службу: законом 3 мая 1871 г. производство в первый классный чин было обусловлено сдачей экзамена за курс уездного училища. Уровень знаний, дававшихся этими училищами, мог удовлетворить лишь требованиям службы на самых низких должностях. Однако последующая выслуга чинов открывала путь наверх. В этом отношении характерна карьера Н. А. Ермакова, начало которой, правда, относится к более ранним годам. Окончив Порховское уездное училище, он начал службу в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, где «вследствие умения излагать бумаги,— как пишет в своих воспоминаниях хорошо знавший Ермакова крупный московский предприниматель Н. А. Найденов,— добрался до должности начальника отделения». Оттуда он перешел на должность сначала вице-директора, а затем и директора Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Кажется совершенно невероятным, что «одновременно в течение нескольких лет» он занимал также должность директора Технологического института. После 1885 г. уже в чине тайного советника Ермаков «состоял» при министре финансов. Характеризуя его личные качества, Найденов пишет, что это был «человек хладнокровный, поддерживавший со всеми дружественные отношения, услуживавший всякому, но знавший хорошо такт для следования намеченным им путем и отодвигавшийся от всего, что могло быть в этом отношении помехой».

Острая критика неудовлетворительной организации Гражданской службы вообще, оставаясь безрезультатен, продолжалась и позднее. Яркий образец этой критики мы находим в письме известного в то время право-еда, одного из воспитателей наследника престола — Будущего императора Александра III — К. П. Победоносцева своему воспитаннику (ноябрь 1874 г.): «В общем управлении ... давно укоренилась эта язва — безответственность, соединенная с чиновничьим равнодушием к делу. Все зажили спустя рукава, как будто всякое дело должно идти само собою, и начальники в той же мере, как распустились сами, распустили и всех подчиненных... Нет, кажется, такого идиота и такого негодного человека, кто не мог бы целые годы благоденствовать в своей должности в совершенном бездействии, не подвергаясь никакой ответственности и ни малейшему опасению потерять свое место. Все уже до того привыкли к этому положению, что всякое серьезное вмешательство в эту спячку считается каким-то нарушением прав».

Примером бесталанного бюрократического служения является карьера трех поколений Танеевых, потомственно возглавлявших учреждение, призванное осуществлять контроль за всей гражданской службой в стране. Первый из них — Александр Сергеевич (1785—1866 гг.) — более тридцати лет (1831—1865 гг.) был управляющим I отделением Собственной его величества канцелярии; он дослужился до действительного тайного советника и камергера. Его сын — Сергей Александрович (1821—1889 гг.) — унаследовал должность отца, а после упразднения отделений в Собственной канцелярии был назначен ее управляющим (1865—1889 гг.). Внук первого — Александр Сергеевич (1850—1918 гг.) — дослужился до высшего придворного чина обер-гофмейстера и также занимал пост управляющего Канцелярией (1896—1917 гг.). Хорошо знавший Сергея Александровича А. А. Половцов (чье мнение заслуживает доверия) отзывался о нем как о чиновнике «исполинской посредственности», действовавшем по принципу «угадать и угодить»: «Самая ничтожная во всех отношениях личность, дошедшая до степеней известных только потому, что любят бессловесных. Самое изысканное подобиострастие, соединенное с полной бездарностью,— вот справедливая характеристика этого канцеляриста, который не имел в жизни иной цели, как обдѣльвание своих личных делишек вроде прибавки жалованья, устройства казенной квартиры или получения какой-нибудь ленты». Именно ему в 1880-х гг. было поручено руководство работой Особого совещания по вопросу об изменении действующих законоположений о порядке чиновпроизводства в гражданском ведомстве. Относительно третьего Танеева С. Ю. Витте в своих воспоминаниях отмечал, что место управляющего досталось ему «как бы по наследству», хотя как личность «он — ничто».

После убийства Александра II и воцарения Александра III вопрос о необходимости радикальной реформы системы гражданского чиновпроизводства был возбужден вновь, причем на этот раз одним из существеннейших стимулов проведения этой меры стала борьба против «неблагонадежных элементов» в среде чиновничества гражданского ведомства.

Уже весной 1881 г. министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев представил новому императору записку, посвященную вопросу об искоренении «антиправительственных настроений, получивших широкое распространение в бюрократических сферах». Автор утверждал, что «редкий современный русский чиновник не осуждает правительство и начальство и редкий не считает себя вправе действовать по своим личным убеждениям». «Чиновная крамола», полагал Игнатьев, должна быть «вырвана с корнем». Признавалась недопустимой всякая критика чиновниками

правительственных мероприятий и указывалось на невозможность успешной борьбы с революционным движением без уничтожения этой крамолы. Александр III наложил на записке резолюцию: «Умно и хорошо составлена записка, а главное, что все это — чистейшая правда, к сожалению».

Идеи записки Н. П. Игнатьева оказались созвучны давнишним убеждениям Александра III. Еще в середине 1860-х г., будучи великим князем, он говорил одному из своих преподавателей — Ф. Г. Тернеру, «что вообще личный состав Министерства финансов по своему крайнему либерализму не вселяет к себе особенного доверия [в отношении] благонадежности». Одним из оснований этого убеждения послужила история активного участия в организации Польского восстания 1863 г. вице-директора Департамента разных податей и сборов Министерства финансов И. П. Огрызко: выяснилось, что он был представителем руководящего центра польской повстанческой партии в Петербурге. Арестованный в 1864 г., он был приговорен к каторжным работам. Тот же Тернер свидетельствует, что «общее недоверие к крайнему либерализму чиновников Министерства финансов» у Александра III «оставалось до конца и только по своему расположению» к министру финансов Н. Х. Бунге «он не настаивал на изменении состава его ведомства. Когда же был назначен министром финансов Вышнеградский, государь прямо ему высказал свое опасение, что состав Министерства финансов не вполне благонадежен». К числу «красных» в составе финансового ведомства тогда относили директора Департамента окладных сборов А. А. Рихтера, вице-директора того же департамента В. И. Ковалевского, управляющего Дворянским и Крестьянским банками Э. Э. Картавцева, некоторых фабричных инспекторов. Позднее Николай II обвинял в «неблагонадежности» директора Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Б. Ф. Малешевского, по мнению С. Ю. Витте, «честнейшего и надежнейшего человека». Подобные огульные обвинения в «неблагонадежности», конечно, не имели серьезных оснований. Речь могла идти лишь об отдельных лицах, служивших по гражданскому ведомству. Их примечательность сводилась к известной независимости суждений, глубокому знанию ими дела, искреннему стремлению облегчить положение народа, личной честности. Но за рамки политической системы царизма их устремления не выходили.

Среди этих лиц были такие, чья деятельность вызывает интерес и заслуживает глубокое уважение. Вот, например, необыкновенная служебная карьера упомянутого Владимира Ивановича Ковалевского.

В. И. Ковалевский родился в 1848 г. Начав службу пехотным офицером, он вскоре выел к отставку и поступил в Петербургский земледельческий институт. Будучи студентом, привлекался к судебной ответственности по обвинению в укрывательстве террориста С. Г. Нечаева и два года провел в Петропавловской крепости. На суде был оправдан. В 1879 г. Ковалевский с большим трудом поступил на службу в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, а в 1883 г. вводится в состав Ученого комитета этого министерства. В 1884 г. он перешел в Министерство финансов, где сначала занимал пост вице-директора Департамента окладных сборов, но в 1888 г. по требованию Министерства внутренних дел (как политически неблагонадежный) должен был его оставить и занять должность чиновника для особых поручений этого министерства в чине сначала статского, а затем действительного статского советника. В 1892 г. Ковалевский был назначен директором Департамента торговли и мануфактур и оставался на этом посту до 1900 г., когда в связи с реорганизацией департамента уже в чине тайного советника был назначен товарищем (одним из заместителей) министра финансов (тогда этот пост занимал С. Ю. Витте), заведовавшим промышленностью и торговлей. По существу эта должность была образована специально для Ковалевского с целью расширить его права и создать ему (а вместе с тем и Витте) более благоприятные условия деятельности. При обсуждении в 1900 г. в Государственном совете вопроса об учреждении новой должности товарища министра Витте указывал, что она необходима для «человека, который давал бы всему делу общее направление», «человека, который мог бы ответственно и самостоятельно вести это дело». Таким человеком с самого начала считался Ковалевский. А. А. Половцов называет Ковалевского в своем дневнике (август 1901 г.) «*de facto*... министром по делам промышленности и торговли». Организаторский талант Ковалевского вполне осознавался современниками. Дореволюционные газеты называли его «ближайшим помощником Витте в осуществлении коренных реформ нашей промышленности, в развитии производительных сил страны*». Но уже в ноябре 1902 г. по причинам личного характера Ковалевский должен был подать в отставку. В 1903—1916 гг. он был председателем Русского технического общества. Вместе с тем он занимал пост председателя правлений трех крупных акционерных компаний. После Октябрьской революции работал в центральных научных сельскохозяйственных учреждениях: с 1920 г. был председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Наркомзема, а с 1923 г. — почетным председателем Ученого совета Государственного института опытной агрономии в Ленинграде. Являлся ближайшим сотрудником Н. И. Вавилова. Умер Ковалевский 2 ноября 1934 г., имея почетное звание заслуженного деятеля науки и техники.

Для решения вопроса о реформе системы чинопроизводства вообще в 1883 г. было образовано Особое совещание (еще одно!) во главе с С. А. Танеевым. Наиболее последовательным сторонником

отмены чинов и самым активным членом совещания стал А. А. Половцов. Последний считал, что «чины ... умножают число тунеядцев, которые числом годов жизни приобретают чины, а потом являются полными претензий и на получение мест, и на казенные деньги в форме содержаний, и особливой пенсий».

Главной идеей Совещания стало предположение «о слиянии чинов с должностями», лежавшее в основе и трех предыдущих попыток ликвидации гражданских чинов. Совещание пришло к выводу, что «соотношение между чином и служебным положением лица, его носящего, сделалось ныне явлением почти случайным, и вследствие того чин утратил всякое полезное значение». Массовый характер получил и обход действовавших правил чинопроизводства; подчинение чиновников начальникам, состоящим в более низких чинах; наличие высших чиновников, не несущих соответствовавших их чинам служебных обязанностей (напомним, что число чиновников IV класса более чем в 3 раза превышало количество должностей этого класса), и г. п. Из этих явлений делался вывод о том, что «чин, очевидно, не может считаться мерилом ни служебного или общественного положения лица, им облеченного, ни действительных заслуг, сим лицом оказанных. Несмотря на этот несомненный факт, стремление к получению чинов, и в особенности высших степеней оных, нисколько не уменьшается в нашем обществе». Более того, по мнению Совещания, укрепилось ложное понимание целей и значения государственной службы, заключающееся в том, что основным желанием поступающих на службу является получение чинов. Причем «иных привлекает желание приобрести сословные преимущества, соединенные с чинами, а других — тщеславие или надежды на карьеру, надежды в большинстве случаев не оправдывающиеся». Прямым следствием такого положения вещей является «размножение чиновников, по большей части бесполезных». Члены Совещания пришли к выводу, что какие-либо частные мероприятия правительства, направленные на предотвращение этого, были бы бесполезны. Необходима радикальная мера: заменить иерархию чинов иерархией должностей, «предоставив присвоенные в настоящее время чинам права и преимущества должностям соответствующих степеней». Журнал совещания, в котором была зафиксирована эта позиция, был утвержден Александром III резолюцией: «Совершенно одобряю этот взгляд и предполагаемое направление этого дела».

Опираясь на это, Совещание сочло необходимым сократить число классов должностей с 14 до 12, сохранив, однако, постепенность в продвижении служащих — «последовательное проведение лиц, посвящающих себя служебной деятельности, через установленные иерархические степени, начиная с низших».

Предполагалось установить общий срок службы до назначения на должность VI класса в 6—9 лет (такое время требовалось выслужить чиновнику с университетским образованием для получения должности VI класса с учетом возможности начать службу с чином VIII класса). Лица, начинавшие службу, могли бы поступать непосредственно на все низшие должности до VII класса включительно, назначение на которые было предоставлено власти директоров департаментов и губернского начальства. Назначение на должность каждого следующего класса могло иметь место только через два или три года беспорочной службы в должности предшествующего класса.

Вместе с тем Совещание установило, что «разновременность образования государственных учреждений, а также их штатов и расписаний привела к тому, что одинаковые должности принадлежат к разным классам и им присвоены далеко не одинаковые оклады содержания и различные права и преимущества». Оказывалось необходимым в ходе предстоящего преобразования установить возможное равенство в служебных преимуществах должностей, примерно одинаковых по старшинству (значению), но, вместе с тем, с учетом «условий и потребностей службы в каждой отдельной отрасли государственного управления».

Большинство Совещания высказалось за сохранение на время чинов действительного тайного советника и тайного советника в качестве почетных званий для высших служащих. Мотивировалось это тем, что «упразднение... всех без изъятия чиновных степеней в гражданском ведомстве, как всякая крутая и радикальная реформа, может произвести неблагоприятное впечатление».

В июне 1885 г. материалы Совещания были разосланы всем министрам с обязательством представить отзывы к середине октября.

Большинство поступивших отзывов содержало возражения против отмены чинов. Защитники чинов сходились на том, что чин, являясь мерилом заслуг, возвышает чиновника наа своими согражданами. Возможность же возвыситься в обществе служит не только средством привлечения на государственную службу, но и стимулом при ее исполнении, представляя собой желанную награду для служащих. Чин, хотя и не свидетельствует достаточно точно об иерархическом положении служащего, все-таки сохраняет официальное и общественное значение. Оклады содержания низших и средних чиновников, особенно в провинции, признавались более чем недостаточными (несмотря на их повышение в предыдущие годы). При этом сколько-нибудь значительное увеличение их было невозможно. Отмена чинов в таких условиях приведет к переходу части чиновников с государственной службы на частную, где материальное вознаграждение всегда будет выше. Уменьшение числа служащих пагубно отразится на деятельности государственного аппарата, в частности потому, что возможность выбора лучших кандидатов будет затруднена.

Согласно большинству отзывов, необходимость сохранения чинов вызывалась их традиционностью. Чины прочно вошли в общественный быт, и отмена их произвела бы слишком

сильное потрясение в среде служащих. И если Совещание усматривало в неоднократном возбуждении вопроса об уничтожении чинов аргумент в пользу необходимости рассмотреть этот вопрос еще раз и провести предположения в жизнь, то факт сохранения чинов, несмотря на все обсуждения, представлялся защитникам этого института подтверждением их взгляда. Но они не могли не согласиться в той или иной степени с указаниями Совещания на факты чиновной неурядицы и путаницы в государственной службе. Настаивая на невозможности упразднить чиновную иерархию, они считали, что недостатки чиновничества есть не более чем отступления от законов, которые «вовсе не коренятся в существе самой системы».

В полном противоречии с воззрениями большинства было мнение управляющего Морским министерством И. А. Шестакова. Подвергнув критическому разбору аргументы защитников чинов,, Шестаков приводил целую систему доводов против них. Главные из них сводились к следующему. Народ чинов не знает, составляя себе представление о служащих по их должностям (становой, исправник и т. п.). В среде же «интеллигенции ... чиновничество стало уже чем-то комическим. В провинции уважение к нему издавна поколеблено Гоголем и другими сатириками... Столичная интеллигенция высказывает свое равнодушие к чинам, редко выставляя их на [визитных] карточках и заменяя должностями». Наконец, «само правительство ... несомненно тяготеет чинами». «Вид странной неправильности» имеют ситуации, когда «в том же чине и директор департамента или канцелярии, и регистратор, отмечающий в журнале приносимые пакеты».* «...Когда в проявления правительственных действий входит комизм, он переступает пределы смешного и становится вредным», — писал Шестаков. Правительство при усилиях выбирать на всякое дело людей способных встречает «китайскую стену рангов»; еще более затруднительно привлечь на службу людей бесчиновых. С существованием чинов Шестаков связывал существование «истинной язвы» русского «общества» — «презрения к работе, перешедшего от благородного рыцарства, имевшего по крайней мере прошедшее, к наслоившемуся

* В воспоминаниях управляющего Тарифным отделом Министерства путей сообщения Н. Н. Изнара содержится рассказ о любопытном эпизоде при его назначении на должность. В это время он имел чин ниже, чем у одного из его будущих подчиненных. Тот «выразил свое неудовольствие ... тем, что подал... два пальца и ничего не ответил на обычное в таких случаях приветствие». В дальнейшем Изнара вынужден был выхлопотать ему перевод в другое учреждение.

чиновничеству, чуждому прошлому и одержимому пагубными надеждами на случайное, незаслуженное будущее».

Ознакомившись с запиской управляющего Морским министерством, Александр III написал: «Умно, дельно, справедливо».

В своих беседах с императором А. А. Половцов пытался укрепить его в намерении отменить гражданские чины. Прежде всего он обращал его внимание на то обстоятельство, что «верховная власть и вообще правительство не проиграют, а выиграют, если у них будет не толпа непригодных к делу чиновников, а только нужное их число, и притом людей, могущих полезно трудиться». При этом Половцов указывал, что добиться ликвидации чиновничества, не уничтожая чинов, совсем непросто. Осуществление предложения К. П. Победоносцева «не давать более чинов, превосходящих ту должность, которую занимает чиновник», приведет к тому, что «каждый министр будет... просить изъятия для своих подчиненных» и царь очутится в затруднительном положении.

Выражая мнение большинства оппонентов, С. А. Танеев в декабре 1886 г. выступил с предложением ограничиться усилением контроля за порядком чиновничества. Ознакомившись с этим предложением, Александр III направил Половцову записку, ярко рисуящую беспомощность самого царя в преодолении чиновной рутины. В записке, в частности, говорилось: «По-видимому, чиновничество желает провалить это дело, а я этого не желал бы. Что делать и как повести его, чтобы добиться результата?». Выход был найден лишь в 1892 г. Решение не было оригинальным: восстанавливалось Особое совещание при Собственной его величества канцелярии, на этот раз под председательством министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова. Незадолго перед этим Александр III снова заявил по поводу отмены чинов, что «решился это сделать и готов идти вперед решительно». Через месяц после возобновления совещания он, по свидетельству Половцова, сохранял «твердое намерение чины уничтожить, оставив одни должности». И все же эта четвертая попытка уничтожить чины кончилась безрезультатно.

Тем временем в декабре 1894 г. министр финансов С. Ю. Витте сумел добиться особых прав по замещению должностей в своем ведомстве. Это было связано со значительной активизацией и функциональным расширением деятельности финансового ведомства, что вызвало необходимость приглашения на службу людей, имевших практический опыт деятельности в банковской, железнодорожной и промышленной сферах. Витте получил право замещать все должности до V класса включительно «лицами, не имеющими соответственных чинов, а равно и лицами, хотя вовсе чинов не имеющими и, по общим правилам, не имеющими права на вступление на государственную службу, но получившими высшее образование». Государственный совет рекомендовал и другим министрам «внести на законодательное разрешение» свои предложения относительно «условий замещения должностей» в их ведомствах.

1 августа 1898 г. были повышены требования к кандидатам на получение чина действительного статского советника (IV класс): этот чин мог даваться лишь тем, кто выслужил в предыдущем чине 5 лет и занимал должность не ниже V класса. А 2 августа 1900 г. было дополнительно установлено, что для получения чина действительного статского советника требовалось прослужить в классных

чинах не менее 20 лет.

В последующем было сделано лишь одно изменение в порядке государственной службы, относящееся к 1906 г. и вызванное революционными событиями того времени, — полное уравнивание прав представителей всех сословий на государственную службу, в частности на вступление в нее.

Действовавшее законодательство о чинах в конце XIX — начале XX в. также не исключало отступлений от него, как это мы отмечали для более раннего периода. Например, С. Ю. Витте, имевший чин титулярного советника (IX класс), но находившийся на частной службе, в 1889 г. был назначен директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов с производством в чин действительного статского советника (IV класс). Сам Витте в своих воспоминаниях расценивает этот случай как «совершенно исключительный». В 1906 г. П. А. Столыпин был назначен министром внутренних дел и председателем Совета министров, будучи в чине IV класса. Конечно, затем он быстро был произведен в III, а позднее и во II класс.

Изложенная история попыток отмены гражданских чинов или реорганизации системы чиновничества показывает, что в условиях царской России чинам постоянно придавалось важное значение и как фактору формирования состава бюрократии, и даже как одному из средств устранения пороков в организации государственного управления. Сплошные неудачи в реализации всех этих попыток сами по себе великолепно демонстрируют косность и неповоротливость государственного аппарата царской России, а также консервативную силу самого чиновничества, сумевшего действительно саботировать все эти попытки, несмотря на неоднократно и категорически выражавшееся «высочайшее» желание реформировать систему чинов.

Все варианты реформирования чиновничества, имевшие сколько-нибудь серьезное значение, хотя и предусматривали отмену чинов как особой правовой категории, но не отнимали привилегий чиновничества, а лишь переносили их с чина на должность.

Попытки улучшить реформой гражданского чиновничества работу государственного аппарата были заведомо тщетными. Улучшение же качественного состава чиновничества хотя и имело место, но процесс этот шел крайне медленно и явно отставал от требований жизни. Кастовость и эгоцентризм чиновничества не были преодолены.

Каковы же количественные итоги развития гражданского чиновничества к началу XX в.?

По официальным данным (возможно, неполным), в 1902 г. в России была 161 тыс. классов гражданских чиновников. К сожалению, эта общая цифра никак не дифференцируется. Поэтому, чтобы дать хотя бы примерное представление о распределении чиновничества по группам классов и их образовательном уровне, мы обратимся к официальным же данным на 1897 г. о гражданских чинах, действительно занимавших классные должности в высших органах власти и основных ведомствах царской России. В абсолютных цифрах эти данные, охватывавшие лишь часть чиновничества (101.5 тыс.), не показательны, но в относительных величинах они дают примерно верную картину. К первым четырем классам принадлежало менее 1.5 % чиновников. Из них высшее образование имели 87 %. V — VIII классы имели 49 % чиновников (58 % с высшим образованием). В центральных учреждениях они занимали должности вице-директоров департаментов, начальников отделений, чиновников для особых поручений, столоначальников и делопроизводителей. Должности V класса в провинции по ряду ведомств являлись руководящими. Наконец, к IX — XIV классам принадлежало 49.5 % чиновников. Лишь в провинциальных учреждениях они могли занимать должности, имевшие сколько-нибудь самостоятельный характер.

Стремясь усилить свое влияние на деятельность органов местного самоуправления, царское правительство присвоило классы государственной службы и мундиры сначала предводителям дворянства, а позднее также некоторым руководящим должностям в земстве и городском самоуправлении. Лица, избранные на эти должности, на время исполнения ими соответствующих обязанностей получали право пользования чином того же класса, а при повторном избрании сначала утверждались в этом чине, а затем могли получить более высокий чин. Так, губернский предводитель дворянства во второе трехлетие службы по выборам утверждался в чине статского советника, а в третье трехлетие — в чине действительного статского советника (IV и V классы); уездный предводитель во второе трехлетие утверждался в чине коллежского советника, а в третье трехлетие — в чине статского советника (VI и V классы).

Еще в 1800 г. к VIII классу гражданской службы были приравнены те, кто получал введенные в этом году почетные звания для лиц, успешно занимавшихся промышленностью и торговлей, — *мануфактур-советник* и *коммерции советник*. Хотя по закону они оставались «при тех правах и преимуществах, кои купечеству присвоены», и не получали дворянства, класс давал им право на общий титул *ваше высокоблагородие*. В последующем лица купеческого сословия награждались за заслуги и более высокими чинами. В 1889 г. чин действительного статского советника (IV класс) был дан за благотворительную деятельность неграмотному бакинскому предпринимателю Г. З. Тагиву. Конец этой практике был положен только законом 9 июня 1892 г.

МУНДИРЫ

История гражданского мундира (точнее, мундира статской службы) начинается, как мы уже отмечали, в 1784 г., когда были установлены губернские мундиры. В опубликованной через десять лет книге-альбоме впервые были зафиксированы существовавшие к этому времени ведомственные мундиры — мундиры чиновников отдельных учреждений и ведомств, вне зависимости от их местонахождения. Среди них зафиксированы мундиры государственных банков, почтамта, ведомства водяных коммуникаций, Московского университета и горного училища. В данном случае мундиры учащихся нас не интересуют. А мундиры чиновников (в том числе инженеров) горного ведомства по другим источникам известны с 1755 г. Есть сведения и о существовании с 1766 г. мундиров в Академии художеств. По фасону ведомственные мундиры не отличались от губернских, но были другой расцветки. Зафиксированные в книге-альбоме 1794 г. имели цвета: темно-зеленый с палевой отделкой, темно-зеленый с черным воротником и обшлагами, болотного цвета с малиновым воротником и обшлагами, малиновый с синим воротником и обшлагами; мундир горного ведомства был красный с зеленой отделкой; мундир Академии художеств — вишневым. Новшеством было то, что мундиры старших чиновников банков и университета имели отличие — шитые серебром и золотом петли, а мундиры горных чинов обшивались галуном.

Следующим важным моментом в развитии ведомственных мундиров было введение в 1799 г. мундиров для чиновников Коллегии иностранных дел. Описание его было кратким: «Кафтан темно-зеленый, подбой того же цвета; воротник стоячий и обшлага из черного бархата; пуговицы на одну сторону; штаны белые; пуговицы белые же с гербом российским императорским; на шляпе петлица серебряная и пуговица мундирная» (ни о покрое юбки кафтана, ни о камзоле не упоминалось; шляпа же имелась в виду треугольная). Именно мундир ведомства иностранных дел, цвет пуговиц которого сохранился до начала XX в., дал основание для выражения «Вам надо дать белые пуговицы», когда хотели отметить дипломатические способности кого-то.

В октябре 1800 г. был утвержден новый мундир Московского университета (вместо образца 1794 г.): «Кафтан цвета темно-зеленого; камзол и исподнее платье белое; воротник и обшлага на кафтане малиновые; пуговицы белые — в одной половине с гербом империи, а в другой с атрибутами учености». В 1804 г. мундир университета был снова пересмотрен: кафтан стал темно-синим со стоячим малиновым воротником.

В декабре 1801 г. мундир получили сенаторы (члены Правительствующего сената), точнее, два мундира: «один праздничный, а другой для вседневного употребления». Оба они должны были быть из красного сукна, на красной шелковой подкладке, со стоячим воротником (что оговаривалось впервые) и обшлагами из зеленого бархата. Праздничный кафтан имел золотое шитье по бортам, на воротнике и обшлагах. Вседневный, т. е. виц-мундир, не имел бортового шитья. Камзол и штаны полагались белые суконные.

В июле 1802 г. был утвержден мундир Дерптского университета из темно-синего сукна с воротником и обшлагами из черного бархата, с желтыми пуговицами и с вышитыми золотом петлицами на воротнике и обшлагах, указывающими на старшинство должностей.

Наконец, отметим введение в апреле 1803 г. мундиров в Лесном корпусе. Мундир имел темно-зеленый цвет, зеленые бархатный воротник и обшлага, «вокруг обложенные красным шнурком» (кантом), косые карманы и серебряное шитье. По полноте шитья различались пять рангов должностей.

Перечисленные случаи установления ведомственных мундиров в 1799 — 1803 гг. выявили наиболее важные их особенности, характерные и для всего последующего времени существования этих мундиров.

1. Отказ от фасона XVIII в. и установление нового — «французского» — образца со стоячим воротником, однобортного, с вырезом юбки спереди (наподобие фрака).

2. Цвета мундиров: красный, который стал исключительной привилегией сенаторов, темно-зеленый (основной) и темно-синий (для учебных и ученых ведомств).

3. Различные цвета воротников и обшлагов у мундиров (суконные или бархатные) для обозначения их ведомственной принадлежности.

4. Наличие золотого или серебряного шитья особого для каждого ведомства рисунка и различного по полноте в зависимости от ранга чиновника.

5. Соответствие мундира рангу должности, а не рангу чина (как в военном ведомстве).

В последующие 30 лет мундиры были постепенно введены во всех ведомствах. В Своде законов Российской империи издания 1832 г. говорилось, что «каждый классный чиновник имеет право носить мундир, должности и званию присвоенный». У должностных лиц первых трех классов, помимо парадных мундиров, появились виц-мундиры с упрощенным шитьем. У прочих функцию виц-мундиров выполняли мундирные фраки, получившие распространение с 1826 г.

Закон 27 февраля 1834 г. обобщил сложившуюся практику оформления гражданских мундиров и впервые свел все эти мундиры в единую систему с общим порядком обозначения рангов должностей. Для большинства ведомств была введена десятиразрядная градация должностей (закрепленная в штатных расписаниях), которой соответствовало шитье на парадном мундире. Наиболее полным было шитье 1-го разряда: на воротнике, обшлагах, карманных клапанах и под ними, по бортам и полам мундира, под воротником на спине, сверху заднего разреза, а также по основным швам; 2-й разряд не имел шитья по швам; 3-й лишился также шитья под воротником (по бортам и полам у 2-го

и 3-го разрядов ширина шитья сокращалась); 4-й разряд имел шитье только на воротнике, обшлагах и карманных клапанах; 5-й — только на воротнике и обшлагах; 6-й имел там же половинное (в половину длины) шитье; 7-й — половинное шитье на воротнике и шитый кант на обшлагах; 8-й не имел канта на обшлагах; 9-й имел шитье канты на воротнике и обшлагах; 10-й — только кант на воротнике.

Атрибутом государственной службы была шага, которая носилась с парадным мундиром и виц-мундиром. В составе форменной одежды гражданских чиновников предусматривался также сюртук.

Были установлены семь комбинаций разных компонентов форменной одежды и случаи, когда каждая форма должна была носиться. Формы одежды были: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя. В 1845 г. отдельным изданием было выпущено «Расписание, в какие дни в какой быть форме» объемом 13 (!) страниц.

Парадная форма для первых пяти разрядов состояла из мундира и белых суконных или казимировых штанов до колен с белыми шелковыми чулками и башмаками с пряжкой. Могли надеваться и белые суконные брюки с сапогами. Для пяти последних разрядов полагались «при мундирах под цвет оных суконные панталоны сверх сапогов». Ношение парадной формы было обязательным «во всех присутственных местах... во время заседаний».

Важным дополнением парадной формы была треугольная черная шляпа с небольшими серебряными кистями по углам и петлицей с пуговицей, одинакового цвета с шитьем мундира. Чинам I — V классов петлица полагалась «витая, наподобие военной генеральской», прочим — «из гладкого позумента». Под петлицей помещалась кокарда (в виде розетки) из черной шелковой ленты с оранжевой и серебряной полосами («как доньяне существовала»).

Виц-мундир, мундирный фрак и сюртук шились из того же сукна, что и мундиры, и имели (в большинстве случаев) сходные с ними по материалу и цвету воротники, обшлага и пуговицы. Исключением был виц-мундир сенаторов — темно-зеленого (а не красного, как это предусматривалось законом 1801 г.) сукна с темно-зелеными же бархатными воротником и обшлагами. На воротнике, обшлагах и карманных клапанах виц-мундира полагался «один только шитый кант» особого рисунка. Фраки с отложным воротником по цвету мундирного или черным бархатным, без шитья в составе формы 4-го и ниже разрядов выполняли функцию виц-мундира. Сюртук полагался «всем вообще гражданским чиновникам для дороги и при производстве следствий на открытом воздухе». Он мог надеваться как поверх мундира, так и взамен него (в последнем случае полагалось надевать черный шелковый галстук). Сюртук был однобортным, с восьмью мундирными пуговицами, со стоячим суконным воротником по цвету мундирного (без шитья), имел полную юбку (без выреза спереди). Фрак дополнялся круглой высокой черной шляпой с полями, а сюртук — фуражкой одинакового с ним цвета, с суконным околышем цвета воротника. Таким образом, мундирный фрак и сюртук не имели отличий по разрядам и как самые демократичные и относительно дешевые компоненты форменной одежды получили в последующем широкое употребление.

Обычно при приглашении на разного рода совещания, церемонии или праздники в соответствующих повестках оговаривалось (в разъяснение общих правил), в какой форме одежды следует быть. А указание на форму позволяло отчасти судить о том значении, какое придавалось мероприятию. Например, в своих записках чиновник Министерства финансов Н. Н. Изнар рассказывает: «В одной из повесток, приглашавших членов Тарифного комитета в заседание, было прописано, что форма одежды — виц-мундир. Я по прежним примерам знал, что готовится торжественное заседание Комитета, на котором С. Ю. Витте предложит принять какую-нибудь решительную меру... И действительно, я не ошибся».

8 марта 1856 г. ведомственные мундиры подверглись модернизации, сущность которой сводилась к замене мундира «французского» образца (с вырезом юбки спереди) полукафтаном с полной юбкой. Цвет мундирного сукна, воротников и обшлагов, а также шитье сохранялись «прежними, без изменений». Сохранялись также мундирные фраки и сюртуки (двубортные, «преимущественно для командировок вне города»). Последние имели теперь отложной воротник такого же цвета, как и у мундиров, и могли носиться как застегнутыми доверху, так и с открытым воротом (подобно фракам), что делало их более удобными в носке. Чиновникам всех ведомств, не входящим в состав присутствий, было разрешено «являться в должность в мундирных фраках или в ... сюртуках». Белые штаны до колен оставались лишь для балов. В составе парадной формы одежды их заменили белые брюки с галуном.

Годом раньше треугольные шляпы получили различия в своем оформлении, позволявшие отличить лиц, имевших чины I — II, III — IV, V и прочих классов. Такое разделение шляп сохранялось и позже, несмотря на некоторое изменение признаков различия (галунов, лент, цвета петлицы). В конце XIX в. в состав гражданской формы одежды была введена черная мерлушковая шапка.

В 1890-е гг. в судебном, удельном и некоторых других ведомствах сюртук получает роль второго, наиболее употребительного мундира. Вводится еще один компонент форменной одежды гражданских чиновников — тужурка (короткое пальто).

Еще законом 27 февраля 1834 г. предусматривались исключения из общеустановленной им же системы гражданских мундиров. Некоторые ведомства и группы чиновников сохраняли мундиры, несколько отличавшиеся по фасону и имевшие недесятиразрядное шитье. К ним относились мундиры ведомства благотворительных учреждений императрицы Марии Федоровны и так называемые мундиры военного покроя, которые были установлены, в частности, для инженеров горного

ведомства и высшей губернской администрации. Последние были подобны мундирам гражданских («классных») чиновников военного ведомства. Мариинское ведомство имело только 6 разрядов шитья, а мундиры военного покроя — 5. Высший разряд этих мундиров по объему шитья примерно соответствовал 4-му разряду общегражданского мундира (шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах).

Фасон мундира военного покроя со временем менялся вслед за изменением мундиров классных чинов военного ведомства. Отличия мундиров военного покроя от общегражданских сводились к тому, что первые могли быть двубортными, иметь канты по краям бортов и отвороты на фалдах, обшлага их могли дополняться клапанцами. Поскольку пятиразрядного шитья, принятого в армии, было недостаточно для обозначения всех рангов должностей, шитье это и в военном, и в гражданском ведомствах дополнялось продольными и поперечными погонами (из золотого или серебряного галуна) либо звездочками трех размеров на передних концах воротников мундиров, сюртуков и шинелей, указывавшими на чин обладателя мундира.

Количество ведомств, имевших мундиры военного покроя, увеличилось в 1867 г. в связи с демилитаризацией особых корпусов горных инженеров, инженеров путей сообщения, лесного и межевого, а также телеграфного ведомств. Все бывшие генералы и офицеры корпусов получили на мундиры и сюртуки погоны гражданского образца (около 4 см шириной) со следующей системой обозначения классов чинов посредством продольных просветов в галуне погон и звездочек (трех размеров) в контр-цвет галуну:

Класс	Число звездочек на погонах без просветов	Класс	Число звездочек на погонах с двумя просветами	Класс	Число звездочек на погонах с одним просветом
II	Нет	VI	Нет	IX	Нет
III	Три	VII	Три	X	Три
IV	Две	VIII	Две	XII	Две
V	Одна	-	-	XIV	Одна

Лица, занимавшие должности первых пяти классов, имели цветную подкладку шинелей (пальто), варьирующуюся по ведомствам: в телеграфном она была желтой, в путевском — зеленой, в ведомстве внутренних дел — красной и т. д. Цвету подкладки соответствовал цвет лацканов и канта по борту, воротнику и обшлагам.

28 июня 1869 г., согласно распоряжению императора, на «мундирах военного покроя плечевые погоны... отменялись, а взамен оных знаки для отличия чинов переносились на воротники мундиров, виц-мундиров и галунные клапаны сюртуков». На воротниках (их передних концах) звездочки помещались прямо на шитье; воротниковые же клапаны имели вид уменьшенных погон.

С начала 1876 г. погоны на мундирах военного покроя стали появляться снова. В декабре 1885 г. они опять были заменены клапанами, какие были установлены в 1869 г. Получила распространение так называемая арматура — металлические эмблемы ведомств на головные уборы и клапаны. После 1894 г. погоны (продольные и поперечные) вновь получают распространение (с сохранением суконных или бархатных клапанов на воротниках без звездочек), причем не только на мундирах военного покроя, но и в составе общегражданской формы одежды. Возвращение погон объяснялось в официальных документах тем, что «с распространением форменного обмундирования в частных и общественных учреждениях в глазах массы городского и в особенности сельского населения внешним признаком правительственной власти является не всякая форма, а ... снабженная ... погонами».

В конце 1901 г. Николай II обратил внимание «на чрезвычайно большое число видов форм одежды чинов гражданского ведомства» и распорядился подвергнуть их пересмотру в сторону унификации и упрощения. Предлагалось:

1. Для различия ведомств вместо вариаций в покрое форменной одежды должны служить «главнейшим образом» цвет «приборного сукна и бархата», пуговицы и арматура.
2. Сохранить дорогие, шитые золотом и серебром полукафтаны и фраки лишь для высших чиновников и допустить более широкое пользование сюртуками и недавно появившимися тужурками.
3. Отменить продольные погоны в гражданских ведомствах за исключением тех должностных лиц, которым «приходится непосредственно распоряжаться и вообще исполнять обязанности службы среди малообразованных слоев населения».

Дело было начато с разработки новой формы для Министерства внутренних дел, которая должна была «послужить образцом для проектирования форменной одежды ... всем остальным гражданским ведомствам». Такая «образцовая» форма одежды была утверждена 1 июля 1903 г. Право ношения в составе парадной и праздничной форм однобортных темно-зеленых полукафтаны и белых брюк, со шпагой и треугольной шляпой, сохранялось для лиц, занимавших должности не ниже VI класса. Только они же сохраняли право ношения мундирных фраков в составе особой и будничной форм одежды. Для тех, кто занимал должности VII и ниже классов, парадной, праздничной и особой формой являлся двубортный сюртук с отложным из черного бархата воротником, темно-зеленые брюки без галуна и цветного канта, белый жилет, треугольная шляпа и шпага. Сюртук из темно-зеленого сукна имел военный покроя. Министру, его товарищам и лицам высшей губернской администрации полагались продольные погоны; всем остальным чиновникам ведомства «для отличия классов чинов» — клапаны со звездочками на воротниках.

Сюртук и темно-зеленые брюки (при жилете одного с ними цвета) вместе с треугольной шляпой составляли для всех классов должностей обыкновенную форму; те же принадлежности форменной одежды, но с заменой шляпы фуражкой — будничную форму. Вторым видом будничной формы, а также дорожной формой являлась тужурка. В холодное время года разрешалось заменять фуражку круглой мерлушковой шапкой с темно-зеленым доньшком.

К концу 1904 г. новая форма одежды была разработана для всех ведомств с использованием традиционных цветов воротников и обшлагов, шитья, пуговиц и арматуры на головных уборах, погонах и клапанах. Затем течение полутора лет она вводилась в жизнь. Пользование парадной форменной одеждой гражданских ведомств вызывало массу неудобств и затруднений. В 1860—1870-е гг. на это жаловался П. А. Валуев. Так, в октябре 1866 г. он счел нужным записать в дневнике: «С 12 часов утра до 10 вечера я не снимал белых пехре551Ые5 с галунами» (т. е. парадных брюк, 1 которые он не знает, как назвать). В феврале 1876 г. Валуев стал свидетелем того, как на похоронах великой княгини Марии Николаевны, спасаясь от холода, «князь Урусов надел треугольную шляпу на барашковую шапку, что ему придавало самый карнавальный вид». В 1880-е гг. множество такого же рода эпизодов упоминает в дневнике А. А. Половцов. Его шефом — председателем Государственного совета — был великий князь Михаил Николаевич. Считалось, что в дни рождений и именин членов его семьи «все служащие при их высочествах обязаны надевать мундиры и являться к обеду». Половцов игнорировал этот обычай, поскольку, по его подсчетам, число таких визитов составляло 18 в году, не считая «остальных праздников». В течение одного дня Половцову приходилось для доклада Александру III «по приезде в Петергоф переодеться в мундир у дочери Бобринской», а затем у нее же «надевать виц-мундир», чтобы поехать в Михайловское к великому князю Михаилу Николаевичу. По его мнению, чтобы «напяливать мундир», надо было «иметь храбрость». Половцов отказался посетить открытие выставки цветов, организованной бывшим министром финансов, а в то время членом Государственного совета С. А. Грейгом, не желая «надевать белые штаны» (иными словами, парадный мундир) «среди белого дня, да еще для прогулки в саду». Когда в феврале 1892 г. к нему домой заехал С. Ю. Витте в парадном мундире «по случаю назначения министром путей сообщения», Половцов объяснил ему. «что в мундире ездят только к высшим», каковым он для Витте не является. Кстати сказать, и визиты в парадных мундирах, когда это не было обязательно, и разъяснения в ответ такой необязательности были довольно часты, являясь демонстрацией личной любезности, а по существу «играми» в любезность.

ГРАЖДАНСКИЕ ЗВАНИЯ И МУНДИРЫ

Система гражданских чинов дополнялась несколькими высшими почетными званиями: *статс-секретарь его величества, член Государственного совета, сенатор и почетный опекун*. Все эти звания не предусматривались Табелью о рангах и не относились формально к каким-либо ее классам, хотя определенное соответствие между чином и званием все же подразумевалось. Все они вели свое происхождение от одноименных должностей.

Еще во второй половине XVIII в. существовала должность статс-секретаря при императрице — особо доверенного лица для выполнения личных поручений секретарского характера по гражданской части. В начале XIX в. должность статс-секретаря занимал М. М. Сперанский. Позднее это уже только высшее гражданское почетное звание для чинов пяти высших классов. Число лиц, имевших это звание, во второй половине XIX — начале XX в. сокращалось: в 1874 г. значилось 40 статс-секретарей, в 1900 г. — 27, а в 1915 г. — всего 19. В дореволюционной «Большой энциклопедии» в статье о статс-секретарях не без основания констатируется, что «обязанности их в настоящее время совершенно неопределенны». Важной привилегией статс-секретарей было право личного доклада царю и объявления словесных повелений императора подобно дежурным генерал-адъютантам.* По закону 1842 г. статс-секретари «занимали места» выше всех гражданских чинов одного с ними класса, в частности «выше тайных советников, хотя бы и сенаторов». Звание статс-секретаря давалось

* Не следует путать звание «статс-секретарь его величества» с наименованием должности «статс-секретарь Государственного совета», в обязанности которого входило заведование канцелярией одного из департаментов Государственного совета.

доверенным министрам, выделяя их сразу из числа всех прочих. Значительно реже это звание получали товарищи министров, директора департаментов и только в исключительных случаях лица, занимавшие менее крупные посты. Все случаи такого рода обычно замечались современниками, и им придавалось важное значение. Известно, что в царствование Николая I статс-секретарем был сделан барон М. А. Корф, имевший к тому времени лишь чин статского советника. В 1858 г. в статс-секретари был пожалован директор одного из департаментов князь Д. А. Оболенский. В начале 1860-х гг. по ходатайству министра финансов А. М. Княжевича звание статс-секретаря было дано директору Кредитной канцелярии Министерства финансов Ю. А. Гагемей-стеру, тогда как у самого Княжевича этого звания не было. Следующий за ним министр финансов М. Х. Рей-терн получил это звание еще до своего назначения на министерский пост. С мая 1903 г. по 1905 г. звание статс-секретаря имел не занимавший никакого официального поста А. М. Безобразов — один из

инициаторов авантюристичной политики царизма на Дальнем Востоке.

В 1872 г. статс-секретари получили особый знак своего звания — серебряный вензель императора, пожаловавшего им это звание. Знак носился на левой стороне груди или на погонах, когда они полагались к гражданскому мундиру. С 1894 г. вензель на знаке должен был быть «точно таким же», как у генерал-адъютантов.

Звание члена Государственного совета возникло с учреждением этого органа в 1810 г. Для большинства членов Совета (около 40 человек) это была должность, относившаяся обычно ко II классу. Министры и главноуправляющие считались членами Государственного совета по своей основной должности (около 10 человек). Но могло быть и так, что несколько лиц (не министерского ранга) назначались членами Совета, занимая вовсе другую должность или не занимая никакой, но не включались в ежегодно объявляемый состав присутствовавших в заседаниях департаментов или Общего собрания членов Совета и не несли соответствующих обязанностей. Для них-то должность члена Государственного совета становилась исключительно почетным званием. Все члены Совета «имели беспорное право являться к императору без всяких предварений». Когда в 1880-х гг. министр двора выразил намерение обязать их заранее уведомлять о предстоящем визите придворное ведомство, это вызвало недовольство. Число членов Государственного совета разного рода обычно составляло 60 — 70, из них от трети до половины — военные и от четверти до трети — титулованные. С 1906 г. общее число членов Совета возросло почти до 200, причем половина из них стала избираться.

Гражданским членам Государственного совета, в том числе и тем, для кого это было лишь званием, полагался темно-зеленый с красными воротником и обшлагами, шитый золотом мундир, введенный еще в 1826 г., а в 1834 г. включенный в общую систему ведомственных мундиров (2-й разряд). Председатель Совета был одним из трех высших гражданских «чинов», имевших мундирное шитье 1-го разряда.

Аналогичным образом еще с конца XVIII в. существовали звание и должность сенатора, т. е. члена Правительствующего сената, приравненные к III классу. Естественно, что звание сенатора считалось менее почетным, чем звание члена Государственного совета. Обычно его получали товарищи министров либо в период нахождения в этой должности, либо при отставке, как бы в завершение карьеры. А. А. Половцов свидетельствует в своем дневнике за 1886 г.: «В последние 25 лет вошло в обычай всякого товарища министра назначать сенатором, несмотря на то, что каждый из них по званию (точнее, по должности. — *Л, Ш.*) своему присутствует в Сенате по делам, его министерства касающимся. Вследствие сего по прослужении нескольких лет товарищи министров являются претендентами на звание члена Государственного совета. Между тем по общему порядку министры берут в товарищи лиц, не могущих представляться опасными заместителями, т. е. людей, не выходящих из ряда по своим способностям». Но сенаторское звание могло принадлежать и министрам. Так, его имел государственный контролер Т. И. Филиппов. На 1858 г. числилось 124 сенатора, из них 38 военных; в 1897 г. было 113 сенаторов, присутствовавших в департаментах и общих собраниях Сената, лишь 5 из них были военными, а 13 имели родовые титулы. В конце XIX в. в правительственных верхах считалось, что существует «множество сенаторов..., получающих жалованье и почти ничего не делающих».

Сенаторам одним из первых в гражданском ведомстве (еще в 1801 г.) были даны особые мундиры красного цвета с темно-зелеными бархатными воротником и обшлагами и золотым шитьем (3-й разряд). Во время заседаний в Сенате ношение мундира было обязательно.

К званию сенатора приравнивалось звание опекуна или почетного опекуна, установленное в 1798 г. для награждения им членов опекунских советов — органов, ведавших благотворительными учреждениями. Нередко звание это давалось и за крупные пожертвования на благотворительные цели. Одним из первых в начале XIX в. звание почетного опекуна получил действительный тайный советник князь П. П. Шерbatов. Почетным опекунам полагался темно-зеленый оригинального покроя мундир с черным бархатным воротником и обшлагами, отороченными голубым кантом, украшенный золотым шитьем.

Звания статс-секретаря и почетного опекуна (в большинстве случаев) давались гражданским лицам; звания члена Государственного совета и сенатора — также и военным. Указанные звания (кроме статс-секретаря) присваивались пожизненно. Их можно было совмещать. Например, И. Л. Горемыкин накануне свержения царизма был одновременно действительным тайным советником I класса, статс-секретарем, членом Государственного совета и сенатором.

ДУХОВНЫЕ САНЫ И ОДЕЯНИЯ

К гражданским чиновникам в некотором отношении примыкало духовенство, которое также фактически находилось на государственной службе, нередко осуществляя ее бок о бок с гражданскими и другими государственными служащими. Оно имело свою систему рангов (санов) и титулов, как частных, так и общих.

Духовенство делилось на черное (монашествующее, давшее обет безбрачия) и белое. И то, и другое духовенство имело по пять санов. Черное духовенство: митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит и игумен. Первые три сана — высшие в церковной иерархии — обозначали разные ранги епископского звания.

Они могли заменяться также частными титулами *архиерей* и *владыка*. Все названные саны иногда давались просто за личные заслуги (и тогда они были званиями), но чаще они были связаны с занятием определенными должностями. Так, митрополиты обычно возглавляли три главные епархии (церковные округа): петербургскую, московскую к киевскую; архиепископы — некоторые другие крупные или важные епархии; епископы — прочие епархии. Архимандриты чаще всего были настоятелями крупных монастырей и ректорами духовных учебных заведений. Игумены возглавляли прочие монастыри. Эти звания могли принадлежать и настоятельницам женских монастырей (игуменьям). Митрополит и архиепископ пользовались общим титулом *ваше высокопреосвященство*, а епископ — *ваше преосвященство*. Всем им принадлежал также общий титул — *владыко*. Архимандрит и игумен титуловались *ваше высокопреподобие*. Белое духовенство имело следующие саны: протопресвитер, протоиерей, священник (иерей), протодиакон и диакон. Протопресвитеров в конце XIX в. было четыре: это звание давалось главе военного и морского духовенства, главе придворного духовенства (он же возглавлял собор Зимнего дворца и Благовещенский собор в Московском Кремле и был обычно духовником императорской семьи), а также старшим священнослужителям Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля. Сан протоиерея давался настоятелям церквей, а сан протодиакона — диаконам кафедральных соборов и церквей придворного ведомства, но эти же саны могли даваться и просто за заслуги рядовым священникам и диаконам. Протопресвитер и протоиерей пользовались общим титулом *ваше высокопреподобие*, реже применялся титул *ваше высокоблагословение*; иерей и протодиакон — *ваше преподобие*, реже — *ваше благословение* или *ваше священство*; диакон титуловался *ваше преподобие*.

Духовенство (вместе с семьями) составляло особое привилегированное сословие со своей системой прав и обязанностей. Принадлежность к этому сословию была несовместима с принадлежностью к дворянству.

Черное и белое духовенство носило специальные одежды — повседневные и священные (используемые во время богослужения).

Главным элементом повседневной одежды была ряса (обычно черного или коричневого цвета) — просторное облачение до пят, расклешенное ниже пояса, с длинными рукавами, расширяющимися книзу, с глухой застежкой на левую сторону. Головным убором черного духовенства был клобук — род цилиндра, обтянутый черным или белым (у высших иерархов) покрывалом, край которого спадал на спину. Представители белого духовенства могли получать в виде награды камилавку (также цилиндрической формы) фиолетового цвета. Другой разновидностью повседневного головного убора духовенства были камилавка и скуфья — мягкие шапочки из фиолетового или черного бархата.

Священные одежды ведут свое происхождение издревле и, помимо утилитарного назначения, символизируют некоторые моменты христианского вероучения.

Одеждой низшего ранга (не только для священнослужителей, но и для причетников) был стихарь, представлявший собою белую рубаху с широкими рукавами. Стихарь у дьяконов обычно был из более дорогой ткани, в том числе и парчевой. У старших священнослужителей стихарь трансформировался в подризник — нижнее одеяние, поверх которого надевались другие ризы (общее название для священных одежд). К ним относились фелонь и саккос. В древности фелонь представляла собой одеяние, закрывавшее тело священнослужителя до пят, с единственной прорезью для головы. Затем, чтобы высвободить руки, стал делаться плавный вырез спереди от середины груди и до низа. Саккос имел откидные рукава, поэтому был лишен переднего выреза. Оба эти одеяния изготавливались из парчи или бархата с вышивкой. Саккос был одеянием высшего духовенства (епископов и митрополитов).

Стихарь, фелонь или саккос дополнялись некоторыми особыми принадлежностями священных одежд. Дьяконы через левое плечо должны были перекидывать некоторое подобие полотенца — орарь. Поднимая рукой его конец, они давали знать певчим и прихожанам о начале песнопения и молитв. Архиереями и священниками вместо ораря употреблялась епитрахиль, надевавшаяся на шею и спускавшаяся на грудь. Во время службы концы рукавов священнослужителей стягивались поручами (род пристяжных обшлагов). Высшие иерархи (архиереи, архимандриты, протоиереи, игумены) носили на поясе особые набедренники и палицы (четырёхугольный продолговатый или квадратный кусок ткани — «платы»). Все названные принадлежности изготавливались из парчи или бархата. Епископам при надлежало исключительное право носить на плечах омофор (плат из легкой ткани), символизовавший овечью шкуру. Во время службы при открытии Евангелия омофор снимался.

Священным головным убором («головным украшением») была митра. Богато украшенная высокая тулья ее имела шарообразную форму. Митра полагалась архиереям и архимандритам, а также некоторым протоиереям как знак их личных заслуг. У митрополитом она увенчивалась сверху крестом.

На шее священнослужители носили наперсный (т. е. нагрудный) крест как знак священства, а высшее духовенство, кроме того, — панагию — медальон-икону. Знаком высших церковных иерархов был также посох, украшенный сверху (вокруг посоха) куском ткани (обычно парчовой) — сулоком.

ПРИДВОРНЫЕ ТИТУЛЫ И МУНДИРЫ

ЧИНЫ И ЗВАНИЯ

Придворные чины и звания обозначали официальное положение лиц, состоявших при дворе российских императоров; в обиходе эти лица назывались придворными. Они составляли самую малочисленную, но и самую элитарную часть гражданского чиновничества (военные, как правило, не могли иметь придворных чинов и званий). Их отнесение к составу государственных служащих оправдывалось тем, что императорский двор являлся резиденцией главы государства. В первой половине XVIII в. число придворных составляло несколько десятков человек, а к середине XIX в. возросло до нескольких сотен; в 1881 г. это число превышало 1300, а в 1914 г. — 1600 человек.

Что же представлял собой российский императорский двор?

Под императорским двором имелся в виду двор собственно императора, или большой двор. Существовало также несколько малых дворов — дворов отдельных представителей императорской фамилии.* Однако официального значения и своей системы придворных чинов и званий они не имели. Хотя каждый из малых дворов имел свой штат (обычно насчитывавший всего несколько человек), но его составляли лица, либо вообще не имевшие придворных чинов и званий, либо их имевшие по императорскому двору и откомандированные к малым дворам.

Точного определения того, что такое императорский двор, не существует. Но при употреблении этого термина в законодательстве и других источниках обычно

* Члены императорской фамилии, при которых не было самостоятельного двора, могли иметь при себе нескольких чиновников, адъютантов, фрейлин и т. п.

имеются в виду, с одной стороны, императорская резиденция, а с другой — три группы лиц: придворные чины, придворные кавалеры (лица, имевшие придворные звания) и придворные дамы (дамы и девицы, имевшие особые «дамские» придворные звания).*

Состав, структура и обычаи российского императорского двора складывались более века и окончательно сформировались лишь в царствование Николая I. Основной идеей их была демонстрация политического престижа империи и царствующей фамилии. При этом естественным было усвоение уже существовавших на Западе как общих принципов организации двора (включая некоторые церемониалы), так и номенклатуры придворных чинов и званий. В первом случае за образец был принят французский двор; во втором — дворы прусских королей и австрийский императорский двор. Однако в обычаях российского двора с самого начала присутствовали специфический православный и псевдонациональный элементы.

Управление императорским двором и его сложным хозяйством осуществлялось несколькими конторами и канцеляриями. Первые сведения о существовании этих учреждений относятся к 1730-м гг. Главная роль среди них принадлежала Дворцовой канцелярии (это был преимущественно финансовый орган) и Придворной конторе. В 1786 г. канцелярия была упразднена, а ее дела переданы конторе. В 1841 г. был утвержден устав Придворной конторы, согласно которому она ведала содержанием петербургских императорских дворцов, парков и садов придворного ведомства, продовольствием царской семьи, устройством придворных церемоний и придворным штатом, а с 1854 г. также делами по постройке и ремонту дворцовых зданий. Некоторое время она заведовала также квартирмейстерской и камерцалмейстерской частями — убранством и мебелировкой дворцов. В 1883 г. контора была преобразована в Главное дворцовое управление, просуществовавшее до 1891 г. Входившая в состав Главного дворцового управления так называемая Гофмаршаль-ская часть была с этого года выделена в самостоятельное учреждение.

* Кроме того, при дворе находилось множество разного рода мелких чиновников и служащих, которые не входили в состав придворных.

Гофмаршальская часть ведала довольствием императорского двора, хозяйством дворцов и организацией разного рода празднеств и церемоний. В XIX в. она являлась наиболее важной частью придворного ведомства. Одной из важнейших обязанностей Гофмаршаль-ской части было содержание обеденного стола императорской семьи. Императорский стол обслуживался исключительно придворными служителями. Кроме названного, Гофмаршальская часть ведала еще тремя классами столов, обслуживание которых сдавалось с подряда. К первому классу относились столы: гоф-маршальский (или кавалерский) — для дежурных кавалеров и гостей двора; стол обер-гофмейстерины — для живущих при дворе придворных девиц; стол начальника кавалергардских рот. Придворным штатом 1796 г. предусматривалось, что «всякому, для кого стол назначен, позволено иметь гостей, и содержатель по числу оных стол сервировать обязан». Ко второму классу относились столы для караульных офицеров, дежурных секретарей и адъютантов, дежурных камерпажей и пажей и для некоторых других лиц. К третьему классу («общая столовая») относились столы для старших служителей двора.

Дворцовыми конюшнями и экипажами заведовала Конюшенная канцелярия, реорганизованная в 1786 г. в Придворную конюшенную контору, а в 1891 г. — в Придворную конюшенную часть. Императорская охота находилась в ведении Обер-егермейстерской канцелярии, преобразованной в

1796 г. в Егермейстерскую контору. С 1882 г. последняя стала именоваться Императорской охотой. В 1858 г. из Министерства иностранных дел в придворное ведомство была передана экспедиция церемониальных дел, в 1902 г. переименованная в Церемониальную часть.

В составе придворного ведомства находился и ряд важных учреждений культуры: Эрмитаж, Академия художеств, некоторые театры, певческая капелла с училищем, фарфоровый завод и др.

В августе 1826 г. для объединения деятельности названных и других учреждений придворного ведомства было образовано особое Министерство императорского двора. Деятельность этого министерства была поставлена вне контроля высших государственных учреждений.

Содержание императорского двора стоило громадных средств, источником которых лишь в малой степени были доходы от имуществ, принадлежавших царской семье, а в основном — государственный бюджет. О практике финансирования придворного ведомства рассказывает в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, бывший министром финансов в конце XIX в. «По закону смета Министерства двора должна была рассматриваться в Государственном совете на общем основании», но «на практике расходы эти регулировались соглашением» между министрами двора и финансов, а «затем Государственный совет принимал цифру, сообщенную министром финансов». В 1897 г., вскоре после назначения министром двора барона В. Б. Фредерикса, Витте получил «от него ... высочайшее повеление, отменяющее законы и устанавливающее такой порядок относительно сметы Министерства двора: смету эту составляет и представляет на утверждение государя министр двора, а затем сообщает общую цифру министру финансов, который должен внести именно эту цифру без обсуждения в Государственном совете в государственную роспись. В заключение говорилось, что государь повелевает, чтобы сие высочайшее повеление не публиковывалось, дабы не возбудить толков, а чтобы при кодификации законов, т. е. печатании нового издания, были соответственно изменены соответствующие статьи».

Все эти учреждения двора обслуживались многочисленным штатом чиновников и служителей, многие из которых проживали в непарадных помещениях дворцов. В середине XIX в. только в Зимнем дворце проживало более двух тысяч человек, главным образом прислуги. Руководство отдельными службами двора обычно возлагалось на лиц, имевших особые придворные чины (см. стр. 163).

Анализируя состав придворных чинов, включенных первоначально в Табель о рангах, Н. Е. Волков, наиболее внимательно их изучавший в XIX в., приходит к заключению, что «многие из них вовсе никогда не были жалованы и даже определить, в чем состояли их обязанности, не представляется ... возможным». Дошедшие до нас сведения о первых назначениях в придворные чи-

Состав придворных чинов по Табелю о рангах и фактически существовавших к началу XIX в.

Классы	Чины по Табелю о рангах	Чины к началу XIX в.
I	-	-
II	Обер-маршал	Обер-камергер
		Обер-гофмейстер
		Обер-гофмаршал
		Обер-шенк
		Обер-штальмейстер
		Обер-егермейстер
III	Обер-штальмейстер	Гофмейстер
		Гофмаршал
		Штальмейстер
		Егермейстер
		Обер-церемониймейстер
		Камергер
IV	Обер-камергер	Камергер
		Обер-гофмейстер
		Обер-шенк
		Церемониймейстер
V	Обер-гоф-штальмейстер	Камер-юнкер
		Обер-гофмейстер при императрице
		Гофмейстер
		Тайный кабинет секретарь
VI	Обер-егермейстер	Обер-церемониймейстер (гражданский чин)
		Камер-фурьер
		Действительный камергер
		Гофмаршал
VII	Гофмейстер при императрице	Штальмейстер
		Первый лейб-медикус
		Лейб-медикус при императрице
		Церемониймейстер (гражданский чин)
VIII	Титулярный камергер	Камер-юнкер
		Гоф-штальмейстер
		Надворный интендант

IX	Надворный егермейстер	Гоф-фурьер
	Надворный церемониймейстер	
	Камер-юнкер	
	Обер-кухенмейстер	
XII	Гоф-юнкер	
	Надворный лекарь	
XIV	Гофмейстер пажов	
	Кухенмейстер	
	Мундшенк и др.	

ны, возможно, неполны. Еще к 1711 г. откосятся пожалования в камергеры и камер-юнкеры, которые в то время были главными фигурами при дворе. После введения Табели о рангах в действие и до 1727 г. состоялись назначения в чины обер-гофмейстера императорского двора (1722 г.), в обер-шенки (1723 г.), в обер-штальмейстеры, обер-церемониймейстеры, обер-маршалы и гофмаршалы (1726 г.), в обер-камергеры и гофмейстеры (1727 г.). 14 декабря 1727 г. Петр II утвердил первый придворный штат, которым назначались гофмейстер, 8 камергеров, 7 камер-юнкеров, гофмаршал и штальмейстер. Тогда же был учрежден штат первого малого двора — двора сестры Петра II великой княжны Натальи Алексеевны. Он включал камергера, четырех камер-юнкеров и двух гоф-юнкеров.

Анна Иоанновна в апреле 1731 г. утвердила новый придворный штат в составе обер-камергера, обер-гофмейстера, обер-гофмаршала и обер-штальмейстера. Число камергеров и камер-юнкеров сохранялось тем же, что и по штату 1727 г.

В 1736 г. состоялось первое пожалование в чин обер-егермейстера. В 1743 г. были введены чины церемониймейстера и егермейстера. Наконец, в 1773 г. устанавливается равенство в ранге чина егермейстера с чином штальмейстера.

Указанные в Табели о рангах придворные чины, сохранившие свое практическое значение, со временем изменили свой ранг (класс). Лишь в некоторых случаях это находило отражение в законодательстве. Так, чины действительного камергера и камер-юнкера в 1737 г. были переведены из VI и IX классов в IV и VI, а в 1742 г. установлены в IV и V классах. В 1743 г. чин обер-церемониймейстера отнесен к IV классу, чин же церемониймейстера — к V. Точных данных о принадлежности к классам Табели о рангах других придворных чинов для XVIII в. нет. Однако известно, что постепенно они (исключая камергера, камер-юнкера и церемониймейстера) оказались во II (старшие чины, с приставкой *обер-*) и в III (прочие, включая и обер-церемониймейстера) классах. В таком порядке они и были закреплены придворным штатом 30 декабря 1796 г., причем чинов II класса полагалось по одному каждого наименования, чинов гофмейстера, гофмаршала, штальмейстера и церемониймейстера — по два, чинов егермейстера и обер-церемониймейстера — по одному, а камергеров — 12.* Чин камер-юнкера штатом не предусматривался (вообще в царствование Павла I пожалований в него не было), но по штатам 18 декабря 1801 г. этот чин был предусмотрен вновь; численность камер-юнкеров устанавливалась в 12 человек.

С конца XVIII в. придворные чины II и III классов стали именоваться первыми чинами двора, в отличие от вторых чинов двора, к которым относились чины камергера, камер-юнкеров и церемониймейстера. После того как камергеры и камер-юнкеры перестали считаться чинами (с 1809 г.), вторыми чинами двора стали называть придворных чинов III класса. Однако чин обер-церемониймейстера, хотя и относился к III классу, первоначально в число вторых чинов двора не входил. Лишь на основании повеления Николая I (1827 г.) он был отнесен к этой группе придворных чинов; с 1858 г. при выслуге чина II класса (такие случаи имели место и ранее) обер-церемониймейстеры относились к первым чинам двора. Точно так же во II или III классе мог быть введенный в 1856 г. чин обер-форшнейдера (заметим, что при существовании чина обер-шенка чина шенка не было). Чины камер-фурьера и гоф-фурьера считались не придворными, а при «высочайшем дворе». Фурьеры заведовали придворными служителями. К разряду высших служителей относились камердинеры и официанты: мундшенки (виночерпии), кофешенки, кондитеры, тафельдекеры (накрывающие стол) и прочие (обычно им присваивали чин XII класса). В обязанности камер-фурьеров входило также ведение особых камер-фурьерских журналов, в которых изо дня в день отмечались все события при дворе. Камер-фурьеры награждались чином VI класса без права дальнейшего производства: гоф-фурьеры получали чин IX класса через 10 лет службы и также далее не производились.

Таким образом, почти все придворные чины оказались в генеральских рангах (II—III классы), где право производства в чин зависело целиком от усмотрения императора. Из сказанного ясно, что дослужиться до

* В конце 1796 г. Павел I укомплектовал штаты дворов великих князей. При этом гофмейстеры были назначены в гофмаршалы, а камергеры — в гофмаршалы и штальмейстеры, «Кавалеры» при этих дворах были определены классом ниже по сравнению с большим двором.

придворного чина оказывалось возможным лишь по другой (непридворной) линии — гражданской или военной. Был и иной путь получения этого чина — экстраординарное пожалование его императором. Поскольку придворные чины включались в Табель о рангах и относились в ней к соответствующим классам, обладание придворным чином делало ненужным и, казалось бы, невозможным одновременное обладание гражданским или военным чином. Между тем случаи такого рода известны. Например, граф К.И. Пален одно время был действительным тайным

советником и обер-камергером, а барон П. П. Корф — действительным тайным советником и шталмейстером. Барон Е. Ф. Мейендорф числился обер-шталмейстером, но имел также чин генерала от кавалерии (II класс) и звание генерал-адъютанта; такие же военный чин и звание имел (на 1914 г.) обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф. Для военных такое сочетание имело лишь тот смысл, что в таком случае придворный сохранял право на участие в торжественных воинских церемониях, на военный мундир и старшинство военных чинов по отношению ко всем другим. Как мы уже отмечали, военные чины III класса и ниже считались старше гражданских (в том числе и придворных) одного с ними класса. Но в 1731 г. было определено, что хотя придворные чины III класса (видимо, и ниже III класса) уступают в старшинстве военным, но считаются старше собственно гражданских чинов того же класса. Что касается придворных чинов II класса, то они вполне приравнивались (как и общегражданские) к военным. В 1742 г. чины камергера и камер-юнкера были приравнены к соответствовавшим им по классам военным чинам.

Особенностью придворных чинов было то, что они более других категорий чинов сохранили связь с соответствующими должностями. Это проявилось, в частности, в многочисленности наименований чинов внутри одного класса. При подготовке Табели о рангах была сделана попытка установить соответствие между ранее существовавшими при царском дворе наименованиями должностей (и званиями) и вновь вводимыми немецкими их обозначениями. Обер-маршал приравнивался к дворецкому, обер-камергер — к постельничему, действительный камергер — к комнатному стольнику или спальнику, гофмейстер — к стряпчему, обер-шталмейстер — к ясельничему, обер-егермейстер — к ловчюму, обер-шенк — к кравчему, обер-мундшенк — к чашнику, мундшенк — к чарочнику, камер-юнкер — к комнатному дворянину. Разъяснились и примерные обязанности каждого чина (должности).

И в XVIII в., и в последующем считалось нормой, если обладатель придворного чина занимал одноименную (например, обер-камергер) или соответствующую «профилю» чина придворную должность (например, если обер-егермейстер был заведующим императорской охотой). По этой причине существовавшие инструкции были составлены для лиц, имевших придворный чин, а не для занимающих придворную должность. Все эти инструкции возникли еще в XVIII в., но сохраняли силу (в общем виде) до свержения царизма. В 1730 г. Анна Иоанновна утвердила инструкции для обер-гоф-мейстера, обер-гофмаршала и гофмаршала. Первый из них определялся как главная фигура при дворе. При Екатерине II в 1762 г. были составлены инструкции для обер-камергера и придворных кавалеров: камергеров и камер-юнкеров. Обер-камергер становится наиболее важным чином двора. Наконец, обязанности придворных чинов определялись придворным штатом 1796 г.

Согласно этим инструкциям и обычаям двора, обер-камергер руководил придворными кавалерами; он же представлял членам императорской семьи тех, кто получил право на аудиенцию. При церемониальных обедах, «когда ее императорское величество кушать изволит на троне, тогда обер-камергер поставит кресла и до тех пор за ее императорским величеством стоит, пока изволит пить спросить, потом обер-камергер и прочие кавалеры, поклонясь, отходят, а кавалерам дежурным прикажет служить, а сам с прочими кавалерами садится за стол, где для его и для кавалеров места оставляются должны».

Обер-гофмейстер заведовал придворным штатом и финансами двора. Обер-гофмаршал ведал всем хозяйством двора и придворными служителями. В частности, к его функциям относились организация разного рода придворных торжеств и содержание императорского стола и других столов при дворе. Согласно инструкции, при торжественных обедах «обер-гофмаршал всегда с своим жезлом служит, а именно: кушанье на стол внесено и поставлено, то он с жезлом в руке ее императорскому величеству о том доносит и прямо перед ее величеством к столу идет, где он свой жезл одному придворному кавалеру до тех мест для держания отдает, пока дневальный камергер ее императорскому величеству блюдо с рукомойником поднесет и он, обер-гофмаршал, салфетку для утирания подает и стул, на котором ее императорское величество сядет, придвинет, потом принимает паки жезл и не отдает, пока ее императорское величество не встанет, когда паки стул отнимает, салфетку подносит и ее величество в императорские покои с жезлом паки препроводит». Согласно указу 16 июля 1735 г., обер-гофмаршал (и гофмаршал) пользовался правом объявления словесных повелений императоров по делам двора.

Заведование винными погребами и снабжением двора вином возлагалось на обер-шенка.

30 августа 1856 г. в связи с коронацией Александра II был введен новый придворный чин — обер-форш-нейдер. Обязанности его не разъяснились. В законе говорилось лишь, что «по издавна установленному порядку при торжественных обедах в Грановитой палате в день коронавания и других при дворе празднествах избирается на эти случаи один из придворных кавалеров для исполнения обязанностей форшнейдера». С учетом этого и принимая во внимание этимологию этого слова, следует заключить, что в обязанности обер-форшней-дера входило разрезание кушаний для императорской четь: во время парадных обедов. До того, согласно инструкции для придворных кавалеров 1762 г., эта обязанность возлагалась на старшего дежурного камергера.

Обер-шталмейстер возглавлял придворную конюшенную часть. Обер-егермейстер заведовал императорской охотой. Наконец, обер-церемониймейстер ведал организацией разного рода придворных церемоний (обер-церемониймейстер двора одновременно являлся обер-церемониймейстером императорских и царских орденов, а церемониймейстеры — церемоний-мейстерами отдельных орденов).

Не всегда, однако, обладатели придворных чинов назначались на «профильные» им придворные должности. Известны случаи, когда на эти должности назначались не придворные, а

военные чины (даже не имевшие дополнительно придворных чинов). Так, при вступлении Александра III на престол его гофмаршалом был полковник и флигель-адъютант князь В. С. Оболенский. После его внезапной кончины на эту должность был приглашен свиты его величества генерал-майор граф А. В. Голенищев-Кутузов (ранее занимал пост военного агента в Берлине), сестры которого давно состояли фрейлинами при жене Александра III Марии Федоровне. На место умершего Голенищева-Кутузова был назначен граф П. К. Бенкендорф, имевший в то время лишь чин капитана (в последующем генерал-адъютант и обер-гофмаршал). Иногда, наоборот, практиковались назначения лиц, имевших придворные чины, на гражданские (по другим ведомствам) должности. Например, министр почт и телеграфов в 1865—1867 гг. И. М. Толстой имел чин обер-гофмейстера. Б. В. Штюрмер, будучи гофмейстером, занимал в 1916 г. пост председателя Совета министров и министра внутренних (а затем иностранных) дел. После увольнения с отставку он получил чин обер-камергера.

С. Ю. Витте справедливо указывает в своих воспоминаниях, что высшее гражданское чиновничество «очень дорожило благоволением свыше, которое приобреталось расположением придворных сфер». В частности, ведомство путей сообщения добивалось такого расположения посредством организации разного рода удобств в вагонах для придворных в составе императорских поездов. В благодарность причастные к этому чиновники ведомства сами получали придворные звания.

Наконец, возможно было и оставление лиц, имевших придворный чин, вообще не у дел. Такой вариант возникал, в частности, в тех случаях, когда придворный чин давался в качестве награды.

Важнейшим преимуществом придворных чинов считалось то, что их обладатели имели возможность постоянно и тесно общаться с представителями царствующего дома. Хорошо зная ситуацию, А. А. Половцов в разговоре с Александром III имел основания сказать: «У нас в России всегда будет сильно слово того человека, который имеет к вам личный доступ». Некоторые высшие государственные деятели в России середины XIX в. солидаризировались с канцлером Германской империи О. Бисмарком, который утверждал: «То, чего я достиг, я достиг скорее как камергер, чем как министр». Многие из высших придворных чинов были вообще в дружеских отношениях с представителями царской семьи. Они принимали непереносимое и самое почетное участие во всех придворных церемониях.

До середины XIX в. лиц, имевших придворные чины, было немного — 3—4 десятка; к 1881 г. их число возросло до 74, к 1898 г. — до 163 и к 1914 г. — до 213 человек. Постепенно все большее число обладателей придворных чинов оказывались не связанными с какими-то деловыми обязанностями при дворе.

Придворные чины имели право на почетную форму обращения, полагающуюся всем классным чинам.

Вместе с тем в начале XIX в. появились особые придворные звания, которые не давали их обладателям права на класс, а, наоборот, могли жаловаться лишь лицам, уже имевшим определенные законом классы гражданских чинов. В 1881 г. общее число лиц, имевших эти звания, составляло 590, а к 1914 г. достигло 897.

Первыми придворными званиями в России стали трансформировавшиеся из придворных чинов звания *камергер* и *камер-юнкер*. Обязанности обладателей этих чинов сводились главным образом к дежурству при ее императорском величестве», но и от этого многие были фактически освобождены. Пожалования в эти чины были наиболее многочисленными и обычно значительно превышали нормы, установленные придворными штатами.* Камергерские и камер-юнкерские обязанности оказывалось возможным совмещать с другой службой, в частности с военной.** При Екатерине II стали даже различаться штатные действительные камергеры и камер-юнкеры, фактически выполнявшие установленные обязанности и получавшие жалованье (по придворному штату на 1775 г. предусматривалось 12 камергеров и 12 камер-юнкеров), и сверхштатные камергеры и камер-юнкеры, имевшие этот чин, но служившие вне двора или вообще не состоявшие на службе. В июне 1800 г. была предусмотрена возможность получения действитель-

* В течение XVIII в. было 289 камергеров; камер-юнкеров было больше.

**Из 123 камер-юнкеров, получивших этот чин в царствование Екатерины II (1762—1796 гг.), 111 были военными.

ными камергерами (IV класс) чина тайного советника (III класс); в этом случае придворный титул действительного камергера сохранялся как звание, но его обладатели освобождались от дежурств.

К концу XVIII в. участились случаи пожалования чинов камергера и камер-юнкера представителям знатных дворянских родов (иногда даже в детском возрасте) без выслуги предыдущих классов чинов. Поскольку было возможно перечисление из придворного ведомства в гражданское или военное с чином того же класса, сложилось такое положение, когда молодые люди нередко без всякого серьезного образования оказывались на сравнительно высоких ступенях служебной иерархии. Хотя по штату 1801 г. комплект камергеров и камер-юнкеров был установлен по 12 человек, к 1809 г. фактически первых числилось 76, а вторых — 70.

Поэтому законом от 3 апреля 1809 г. чины камергера и камер-юнкера были преобразованы в почетные придворные звания, которые могли отныне присваиваться лишь лицам, уже имеющим военный или гражданский чин. Необходимость этой меры мотивировалась очень общо:

«Поощрение к службе и возбуждение всех сил и способностей к труду и деятельности на пользу общую составляют одно из важнейших попечений правительства. Сему существенному и необходимому правилу настоящее положение чинов при дворе нашем в звании камергеров и камер-юнкеров не соответствует». Новый статус званий камергера и камер-юнкера определялся в законе так: «На будущее ... время звания камер-юнкеров и камергеров, как по уважениям и заслугам предков кому-либо от нас будут пожалованы, имеют представлять придворные отличия, знак особенного внимания нашего к роду или заслугам предшествующим, но не будут они присвоить никакого чина». Отмечалось, что «должности сии с удобностью могут быть соединяемы с действительною службою», главным образом по гражданскому ведомству.

За теми, кто имел придворные звания, укрепилось общее наименование *придворные кавалеры* (однако иногда оно распространялось и на придворные чины).

Закон 1809 г. был встречен общим ропотом как тех, кого он затрагивал по их действительному положению, так и более широкого круга лиц, у которых он отнимал надежды на быструю карьеру и близость ко двору.

Поскольку ранг вновь установленных званий законом не определялся, пожалование в них после 1809 г. еще более участилось, распространившись на лиц, имевших чины ниже IV и V классов. В 1809—1835 гг. общее число камергеров и камер-юнкеров возросло со 146 до 263, несмотря на установление в 1826 г. комплекта их в 48 человек и прекращение с 1824 г. выплаты им жалованья. В 1836 г. было определено, что эти звания могли даваться гражданским чиновникам, дослужившимся до III—V и VI—IX классов, а с 1850 г.— III—IV и V—VIII классов. Но, несмотря на все эти ограничения, пожалование в камергеры и камер-юнкеры продолжалось, и к 1855 г. число первых составило 169, а вторых — 213. Звания эти все меньше связывались со знатностью рода и все больше — со службой, превращаясь в одну из наград. Пожалование в эти звания производилось по представлению ведомств, в которых претенденты занимали должности. Как правило, при достижении предельных чинов и увольнении от службы звания отнимались, а имевшие их лица отчислялись от двора. Вопрос о пожаловании более высокого придворного звания решался заново только по истечении некоторого времени после получения чина.

После 1809 г. лица, уже имевшие чин действительного камергера и состоявшие на службе, сохранили его как почетное звание. Звание это весьма ценилось и вплоть до 1850-х гг. значилось еще в титулах некоторых гражданских и придворных чинов II—III и даже I классов. В 1840-х гг., например, это звание сохраняли обер-шенк, обер-штальмейстер и гофмейстер с чином действительного тайного советника. Лица, получившие звание камергера после 1809 г., назывались либо просто камергерами (если они входили в установленный в 1826 г. их комплект — 12 человек), либо именовались формулой в звании камергера. На 1840 г. первые имели гражданские чины III и IV классов, вторые — IV класса. Между тем по правилам звание камергера по достижении его обладателем чина III класса (тайного советника) отнималось.

В обязанности камергеров и камер-юнкеров, как и прежде, входило ежедневное (в порядке очереди) дежурство при императрицах (они, в частности, представляли им явившихся на прием лиц мужского пола, кроме послов) или других членах императорской семьи, а также особые дежурства при них же во время придворных церемоний, балов, в театрах. Правильный порядок таких дежурств был установлен со вступлением на престол Николая I. Кавалеры из провинции к дежурству обычно не допускались.

Известно, что 31 декабря 1833 г. звание камер-юнкера было дано А. С. Пушкину. Незначительность этого пожалования обидела поэта. Так оно было расценено и окружающими поэта, хотя Пушкин имел чин *титулярного советника* (IX класс) и по правилам и обычаю того времени формально действительно не мог претендовать на камергерское звание (мы уже отмечали, что с 1836 г. IX класс официально стал нижним рубежом для назначения в камер-юнкеры). К 1833 г. число лиц, имевших это звание, превышало сотню, причем среди камер-юнкеров преобладали чиновные люди. Однако многие из них были значительно моложе Пушкина. Хотя звание камер-юнкера и облегчало поэту (вместе с женой) доступ ко двору, это же звание ставило его в самый низ иерархии придворных чинов и званий, что, конечно, было унижительно.

В течение XIX в. звания камергера и камер-юнкера все больше утрачивали свое значение. Лишь малая часть лиц, их имевших, действительно выполняла какие-либо обязанности при дворе. Для большинства это была почетная награда, дававшая право на прием ко двору и участие в придворных церемониях. В царствование Николая I (вторая четверть XIX в.) обладание этими званиями было «прерогативой лишь гражданских, а не военных чинов». Чаще всего эти звания давались предводителям дворянства (на время исполнения этих обязанностей), губернаторам и представителям России за границей, реже — отпрыскам известных дворянских родов. Звания камергера и камер-юнкера обычно отбирались при выходе их обладателей в отставку. Когда в 1880-х гг. А. А. Половцов предложил своему подчиненному — племяннику председателя Комитета министров графа М. Х. Рейтерна барону В. Г. Нолькену выйти в отставку, — тот сослался на то, что «его дядя дорожит сохранением» за ним «придворного звания камер-юнкера, которое по настоящим правилам теряется при выходе в отставку». Половцов должен был договариваться о том, чтобы для Нолькена было сделано исключение и он «был уволен в отставку с сохранением придворного звания, что может послужить прецедентом и в будущем для всякого помещика».

В 1881 г. общее число камергеров и камер-юнкеров составило 536, а в 1914 г. — 771.

Как реакция на девальвацию этих титулов вскоре после 1809 г. получила распространение еще одна разновидность придворных званий, вовсе не предусмотренная законодательством, — званий,

получивших довольно странные, не имевшие реального смысла наименования: *в должности гофмейстера, в должности гофмаршала, в должности италмейстера и в должности егермейстера*. Как правило, эти звания жаловались чиновникам III и IV классов, но иногда и V⁷, и более низких (до VIII) классов. Таким образом, все они были примерно равны званию камергера. Известны случаи назначения *в должность* первого чина двора (например, на 1855 г. встречается звание *в должности обер-италмейстера*). Существовало также звание *0 должности церемониймейстера*, дававшееся чиновникам VI—VIII классов.* В 1840 г. общее число лиц, имевших эти звания, не превышало 20, а в 1855 г. было чуть более десятка; к концу XIX в. число лиц *в должности* второго чина двора достигло 63, а в 1914 г. — 109 (кроме того, соответственно 12 и 17 лиц *в должности церемониймейстера*). Эти звания, несмотря на возрастание числа их обладателей, сохраняли значение чрезвычайной награды и особой милости царя.

В справочниках «Придворный календарь» звания *в должности* вторых чинов двора отнесены к этим «чинам» и как будто вообще приравнены к III классу Табели о рангах. Но в тех же календарях было опубликовано «Положение о выходах при высочайшем дворе...», в котором состоящие в должности вторых чинов двора относительно своих прав при дворе объединены с состоящими «в придворном звании». Указанная неопределенность отражала, по-видимому, реальную ситуацию. Однако, в отличие от действительных вторых чинов двора, все лица, состоявшие в *должности* вторых чинов, имели гражданские чины соответствующих классов. Причем можно наблюдать, что при переводе, напри-

* Еще в 1794 г. звание в должности церемониймейстера получил Л. Л. Гурьев — после 8 лет нахождения в чине камер-юнкера и перед назначением действительным камергером.

мер, из *в должности италмейстера* в шталмейстеры обладатель первого звания утрачивал гражданский чин действительного статского советника (IV класс) в связи с переходом в придворный чин III класса. Таким образом, формула *в должности* второго чина двора указывает отнюдь не на чин, а именно на особое придворное звание, приравненное ко вторым чинам двора. Имевшие эти звания считались как бы кандидатами на придворные чины. Среди них мы встречаем гражданских чиновников, военных и даже отставных. Обычно состоявшие *в должности* чинов двора включались в понятие *придворные кавалеры*.

Какими были специфические придворные обязанности лиц *в должности* вторых чинов двора, неясно. Известно лишь, что они принимали участие в придворных церемониях.

Еще раз отметим то важное обстоятельство, что получение придворных званий давало лицам в сравнительно низких чинах право быть принятыми ко двору.

По характеру исполняемых при дворе обязанностей к придворным кавалерам примыкали камер-пажи и пажи. Источники упоминают о них с начала XVIII в. В Табели о рангах в XIV классе значился *гофмейстер пажов*, из чего можно заключить, что ранг самих пажей был еще ниже.

По придворному штату 1796 г. в ведении обер-камергера находилось (помимо 12 камергеров) 12 камер-пажей и 48 пажей, но сами они в штат не включались. Пажами могли быть сыновья и внуки сановников первых трех классов. Обычно они воспитывались в Пажеском его величества корпусе. Это было привилегированное учебное заведение, основанное еще в середине XVIII в., а при Павле I превращенное в военное училище. Пажей последнего года обучения (принявших при переходе в старшие классы присягу и считавшихся военнослужащими) привлекали к службе при дворе. Лучшие среди них по успехам в учении (а также с учетом происхождения и внешних данных) получали звания камер-пажей и распределялись для постоянного дежурства при императоре и дамах императорской фамилии. Временно пажи могли прикомандировываться и к другим членам царской семьи и иностранных царствующих домов, прибывших в Россию. Основные обязанности пажей состояли в участии в разного рода придворных церемониях и празднествах: сопровождение членов императорской фамилии, несение шлейфов, держание накидок дам и т. п. С производством в офицеры камер-пажи и пажи теряли эти звания. Естественно, что знакомство с членами императорской семьи могло способствовать последующей карьере пажей.

Существовало также несколько придворных почетных званий для дам и девиц. Собственно, в Табели о рангах говорилось не о званиях, а о чинах. Все они указаны не в основной части Табели, а в одном из объяснительных к ней пунктов. Старшим было звание обер-гоф-мейстерины («имеет ранг над всеми дамами»). Затем следовали действительные статс-дамы. Их ранг шел «за женами действительных тайных советников» (II класс). Действительные камер-девицы имели ранг, равный рангу жен президентов коллегий (I Укласс). Наконец, назывались гоф-дамы (приравнивались в ранге к женам бригадиров — V класс), гоф-девицы (приравнивались в ранге к женам полковников — VI класс) и камер-девицы. Однако на практике уже во второй четверти XVIII в. получила применение несколько дополненная и измененная номенклатура дамских придворных званий: обер-гофмейстерина, гофмейстерина, статс-дама, камер-фрейлина и фрейлина. Первые четыре звания в течение XVIII в. имели всего 82 лица.

Звания гоф-дамы и гоф-девицы (гоф-фрейлины) не получили значительного распространения. Зато с 1730 г. стали присваиваться звания камер-фрейлины (т. е. камер-девицы), с 1744 г. — фрейлины, а с 1748 г. — гофмейстерины. Придворный штат 1796 г. включал следующие дамские звания (снова названные здесь чинами): обер-гофмейстерина, гофмейстерина, 12 статс-дам и 12 фрейлин. Камер-фрейлины (как и камер-юнкеры) штатом 1796 г. не предусматривались. В законоположениях по придворному ведомству они затем упоминаются лишь в 1834 г. Звание фрейлины

жаловалось особенно часто. В 1881 г. из 203 дам, имевших придворные звания, 189 были фрейлинами; в 1914 г. соответственно 280 и 261. Камер-фрейлинами и фрейлинами могли быть лишь незамужние женщины. Примерно треть их принадлежала к титулованным фамилиям, а около половины — были дочерьми лиц, имевших придворные чины и звания. Даже в середине XIX з. известны случаи пожалования звания фрейлины малолетним девочкам.

В 1826 г. Николай I установил комплект фрейлин — 36 человек. Часть «комплексных» фрейлин назначалась «состоять» при императрицах, великих княгинях и великих княжнах (эти фрейлины назывались свитными). Многие из них постоянно находились при дворе (часто и прожирали там). Фрейлины императриц считались старше фрейлин, состоявших при великих княгинях, а те в свою очередь старше фрейлин великих княжон. Фрейлины «высочайшего двора» не несли постоянных обязанностей. Многие из них подолгу находились в отпуске (иногда проживая вне столицы) и появлялись при дворе лишь изредка.

Едва ли не основным преимуществом фрейлин была возможность, кххсдя замуж, оставить «блестящую партию». «Комплектные» фрейлины при этом получали приданое от двора. В некоторых случаях, сама свадьба праздновалась во дворце: как, фрейлина цесаревны и адъютант цесаревича в 1880 г. праздновали свадьбу в Анкчковом аворце. Лишь немногим из них после замужества давалось более высокое звание; остальные по выходе замуж отчислялись от двора. И о даже в отставке они сохраняли право быть представленными императрице и приглашались на большие балы в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца вместе с мужьями, «независимо от чина последних».

Несколько фрейлин (2—5) имели более высокий ранг — *камер-фрейлин*. В придворной иерархии они вполне приравнивались к статс-дамам. Последние составляли вторую по численности группу придворных дам. В 1914 г. их было 14. Как правило, это были супруги крупных гражданских или военных чинов. Большинство их принадлежали к родовитым фамилиям и являлись «кавалерственными дамами», т. е. имели дамский орден святой Екатерины и некоторые другие награды. Многие из них числились в отпуске и появлялись при дворе только в торжественных случаях.

Ни камер-фрейлины, ни статс-дгмы никаких определенных обязанностей при дворе не несли; они даже не обязаны были принимать участие в придворных церемониях.

Звания *гофмейстерина* и *обер-гофмейстерина* обычно принадлежали дамам, занимавшим одноименные придворные должности и заведовавшим придворным дамским штатом и канцеляриями императриц и великих княгинь. Одной из их обязанностей было представление императрицам дам, явившихся на аудиенцию. С 1880-х гг. этих званий никто не имел, а соответствующие должности исполняли лица из числа статс-дам, а при дворах великих княгинь — даже дамы, вообще не имевшие придворных званий.

Следует оговорить, что в 1742 г. был случай пожалования в статс-дамы девицы М. С. Гендриковой, а некоторые статс-дамы считались старше рангом, чем гоф-мейстерины.

Гофмейстерины, статс-дамы и камер-фрейлины имели общий титул — *ваше высокопревосходительство*.

Участие всех военных, гражданских и в первую очередь придворных чинов, кавалеров и дам, а также генералов и офицеров Свиты в церемониях и празднествах при дворе определялось главным образом «Положением о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении их императорским величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий». Положение было утверждено 13 апреля 1858 г., затем изменено в 1899 г. и вновь утверждено в новой редакции 20 августа 1908 г. Эти три редакции существенно отличаются друг от друга, хотя все они в некоторых частях не вполне ясны для современного нам читателя.

Выходом называлось торжественное шествие членов императорской фамилии из внутренних апартаментов в дворцовую церковь или в Тронный зал (и обратно). Выходы разделялись на большие и малые. Первые назначались по случаю «больших церковных праздников и в торжественные дни», когда процессия направлялась в собор Зимнего дворца, вторые — в те же дни (по назначению), а также «в обыкновенные праздники и воскресные дни» — в малую церковь дворца. К числу праздников относились и именины членов императорской фамилии. Во время пребывания царской семьи в других дворцах большие и малые выходы следовали в церкви этих дворцов. В Зимнем дворце перед началом шествия члены императорской фамилии собирались в Малахитовом зале (ближайшем в апартаментах «половины его величества» к парадным залам), затем по старшинству (в соответствии с правом на престолонаследие) шли в церковь. Во время больших выходов в Зимнем дворце процессия следовала через парадные залы: Концертный, Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый, Пикетный. В этих выходах, помимо императорской фамилии, принимали участие придворные чины, кавалеры и дамы. Придворные чины и кавалеры пользовались привилегией открывать это шествие, а придворные дамы замыкали его. При малых выходах в шествии принимали участие лишь члены императорской фамилии.

Кроме непосредственно участвовавших в шествиях, на выходы приглашался точно установленный круг лиц. На малых выходах присутствовали придворные дамы (причем из числа фрейлин императриц лишь свитные), первые чины двора, генералы и офицеры Свиты, а из вторых

чинов двора — лишь некоторые (среди них обер-церемониймейстер и гофмаршал). До 1908 г. приглашались также члены Государственного совета, министры и находившиеся в Петербурге генерал-губернаторы и командующие военными округами. Круг приглашаемых на большие выходы был значительно шире. В залах по пути шествия собирались по особым повесткам в строгом соответствии с рангами лица, имевшие высшие гражданские звания, генералы и офицеры Свиты, гвардии, армии и флота (офицеры частей, находившихся в Петербурге, приглашались в порядке постепенности), а также гражданские сановники первых четырех классов (до 1908 г. также и V класса). Их жены и дочери могли присутствовать на выходе, если были представлены императрице. Иногда на выходы приглашались городские головы и купцы 1-й гильдии. В особо торжественных случаях приглашались высшее духовенство и дипломатический корпус. На выходы (как и на другие церемонии и балы при дворе) выделялся необходимый комплект камер-пажей и пажей. Во время больших выходов подле зала, ближайшего к внутренним апартаментам, устраивался пикет от Кавалергардского полка. Находиться в зале «за кавалергардами» (т. е. ближе к императорской фамилии) до начала шествия и при его возвращении считалось важной привилегией, которой пользовались, помимо участвовавших в шествии придворных дам, чинов двора и придворных кавалеров, статс-секретари его величества и кавалеры двух высших орденов — Андрея Первозванного и Георгия 1-й и 2-й степеней, а до 1908 г. также и члены Государственного совета, сенаторы и почетные опекуны. Ко времени возвращения шествия в зал «за кавалергардами» выстраивались все названные лица (кроме участвовавших в шествии), а также офицеры Кавалергардского полка. В некоторых случаях «их величества» останавливались в этом зале для беседы с присутствовавшими. Обычно об этом было известно заранее. Тогда в этот зал собирались, кроме указанных выше персон, лица, состоящие в Свите, генерал-губернаторы и военные губернаторы, генералы и гражданские чиновники I и II классов, а после 1908 г. также члены Государственного совета, секретари, почетные опекуны, министры, главноуправляющие, председатель Государственной думы и государственный секретарь. Таким образом, для чинов ниже II класса получение званий статс-секретаря, члена Государственного совета и сенатора означало досрочное, так сказать, получение права на вход «за кавалергардов».

Помимо парадных выходов, существовали и парадные выезды: 6 августа — в день преображения господня — в Преображенский собор; 30 августа — в день праздника ордена Александра Невского — в Александро-Невскую лавру; для встречи невест высочайших особ; на освящение храмов, на смотр войск и военные праздники в столице.

Присутствие на выходах было малоинтересно и изнурительно, поэтому имели место многие случаи, когда обязанные быть на них уклонялись от этого. В частности, в 1834 г. Николай I должен был сделать замечание по поводу того, что некоторые камергеры и камер-юнкеры не явились 14 апреля на выход в связи с всеобщим бдением. Нередкими были и случаи нарушения этикета присутствовавшими на выходах, особенно разговоры и шум, даже в церкви. Так, в 1749 г. императрица Елизавета Петровна «изволила указать», что «во время божественной службы в придворной ... церкви, ежели кто, какого чина и достоинства ни был, будет с кем разговаривать, на тех надевать цепи с ящиками, какие обыкновенно бывают в приходских церквях, которые для того нарочно заказать сделать вновь».

Екатерина II должна была возобновить это распоряжение. Но и Александр II в январе 1863 г. имел основание выразить неудовольствие в связи с тем, что «при совершении бракосочетания ее императорского высочества княжны Марии Максимилиановны с его великогерцогским высочеством принцем баденским присутствовавшие в церкви дозволяли себе разговаривать между собой, отчего происходил такой шум, что едва было слышно богослужение» (Н. Е. Волков).

Во второй половине XIX в. все чаще отмечались меньшая торжественность дворцовых церемоний и падение их престижа. П. А. Валуев записал в дневнике об одном из больших выходов: «...Толпа красных от жара сановников, малочисленность присутствовавших дам, возрастающий легион неизвестных или новых церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров, отсутствие всякого видимого участия со стороны всего присутствовавшего собрания...». «Двор — не то, чем он был прежде». Неоднократно приемы при дворе сравнивались с биржей, когда можно было встретить сразу много нужных людей и переговорить с ними, уладить дела.

На большие балы в Зимнем дворце приглашалось по две тысячи человек. Крут приглашенных определялся чинами. Помимо придворных чинов, кавалеров и дам, присутствовал широкий круг генералов и офицеров (VII класса и ниже — по особым спискам), гражданских чинов I—III классов (иногда IV), георгиевские кавалеры, начальники губерний, предводители дворянства и председатели земских управ (находившиеся в Петербурге), а также супруги и дочери тех из этих лиц, которые имели чин IV класса и выше, супруги полковников и бывшие фрейлины (с мужьями).

Непременным условием приглашения на придворные балы для мужчин было обладание формальным правом быть представленным императору, а для дам — предварительное фактическое представление императрице. Право представления «их величествам» в первую очередь давалось придворным чинам, кавалерам и дамам, а затем военным и гражданским чинам первых четырех классов, полковникам гвардии, занимавшим должности IV класса, и некоторым другим категориям лиц (после 1908 г. также членам Государственной думы и Государственного совета). Из числа дам этим правом пользовались супруги и дочери всех придворных чинов кавалеров (после 1908 г. и их вдовы); бывшие фрейлины; супруги, вдовы и дочери «особ первых четырех классов»; супруги флигель-адъютантов (после 1908 г. также их вдовы и дочери) и некоторых полковников и капитанов 1-го ранга. Для военных и гражданских чинов высших классов было принято представляться императору по случаю назначения на должность,

награждения, отъезда и по другим поводам.

Вот как описывает С. Ю. Витте свое первое представление Александру III в 1891 г.: «Как только я приехал в Петербург и занял место директора Департамента железнодорожных дел, то по принятому порядку я должен был явиться к государю... Я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно... Был назначен определенный час, когда отходил в Гатчину поезд... По приезде в Гатчину... всех приезжающих повезли в гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели ... в приемную комнату. Причем, так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он... занимал средний этаж... — совсем низкий, с маленькими комнатами. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император, один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенной. Он своей тяжелой поступью... последовательно подходил к каждому по порядку... и каждому сказал несколько слов... Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти... По обыкновению были приготовлены столы для завтрака... Делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое)...».

Лишь названные категории лиц, пользовавшиеся общим наименованием «имеющих право приезда ко двору» или «имеющих право быть представленными ко двору», могли приглашаться на «балы и другие собрания» при дворе. Даже представление императорской чете частным образом (в обход официального порядка) не давало права на такие приглашения.

Чтобы дать читателю представление об упоминавшихся «повестках» — официальных приглашениях во дворец для участия в церемониях или празднествах, приведем полный текст одной из них, полученной К. П. Победоносцевым:

«От двора его императорского величества объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, гоф-мейстерам, фрейлинам, господам придворным и всем ко двору приезд имеющим. Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: в будущее воскресенье, 1-го числа января 1889 года, в день наступающего Нового года и празднования рождения его императорского высочества великого князя Алексея Александровича, иметь приезд в Зимний его императорского величества дворец к божественной литургии и для принесения поздравлений их императорским величествам и их императорским высочествам знатным обоим пола особам, гвардии, армии и флота генералам, штаб- и обер-офицерам, губернскому и уездным предводителям дворянства С.-Петербургской губернии, господам чужестранным послам и посланникам, также с.-петербургскому городскому голове, российскому и иностранному почетному купечеству, и прибыть: российским в 11, а чужестранным послам и посланникам в 12 часов дня. Дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадной форме; собираться же особам, имеющим вход за кавалергардов, — в Концертном зале, военным генералам, штаб- и обер-офицерам — в Николаевском зале и Аванзале, чужестранным послам и посланникам — в зале Петра Великого, городским дамам и гражданским чинам — в Гербовом зале, городскому голове и купечеству — в Фельдмаршальском зале.

Кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозванного имеют на себе цепь сего ордена.

27 декабря 1888 года. Камер-фурьер Леонтьев».

Едва ли не главным назначением разного рода придворных торжеств и церемоний было создать возможность для легального неслужебного общения императора и подданных в лице представителей высших слоев военного и гражданского чиновничества, а также всех придворных и свитских. Но такое общение было, с одной стороны, слишком кратким и случайным, а с другой — не распространялось на очень значительный круг деятелей искусств, ученых и других лиц, не имевших формальных прав по чину и званию быть приглашенными во дворец. Скажем, М. Н. Островский — министр государственных имуществ, а затем председатель Департамента законов Государственного совета не только имел еженедельные доклады по службе у императора, но и приглашался на все празднества и церемонии при дворе. А его брат — драматург А. Н. Островский — вряд ли был лично знаком с императором. Недостаток в общении с такого рода людьми испытывали многие члены императорской фамилии. Измышлялись разные способы, чтобы сделать такое общение возможным, в обход этикету, но и не очень его нарушая.

Сохранились любопытные воспоминания о том, каким образом обходились такого рода ограничения женой великого князя Михаила Павловича Еленой Павловной (1806 — 1873 гг.), сыгравшей видную роль в развитии русской культуры середины XIX в. Вот что пишет один из крупных чиновников Министерства финансов Ф. Г. Гернер: «Живо интересуясь всем, что происходило в мире не только политическом, но и ученом, артистическом и литературном, великая княгиня Елена Павловна желала знакомиться с выдающимися учеными, артистами и литераторами. Но так как придворный этикет допускал ко двору только известных титулованных и чиновных лиц и притом требовал большой сдержанности в обращении, то великая княгиня, не желая себя стеснять в этом отношении, придумала устроить приемные вечера у княжны Львовой», гофмейстерины своего двора, «в салонах последней, куда можно было приглашать от имени княжны всех лиц, которых великая княгиня желала видеть и с которыми она желала беседовать совсем непринужденно... Великая княгиня приходила обыкновенно после начала собрания, садилась где-нибудь в стороне, и к ней подзывались то один, то другой из посетителей для интимного разговора». Терьер сам принимал участие в этих вечерах и полагал, что имя Львовой «останется в истории вследствие происходивших у нее вечеров ... имевших историческое значение для того времени». Другой участник вечеров у великой княгини в Михайловском дворце и Павловске князь Д. А. Оболенский (товарищ председателя Петербургской гражданской палаты) также вспоминает, что «все лучшие представители молодого поколения, чем-нибудь обратившие на себя внимание

приглашались к княжне Львовой на вечера, которые .. обратились... в постоянные еженедельные собрания». Любопытны и характерны свидетельства Оболенского о впечатлениях Елены Павловны о жизни двора: «С негодованием отзывалась она о пустоте и мелочности интересов придворной жизни, Об отсутствии мысли и всякого желания узнать и понять нужды края, об общем равнодушии, пустом безжизненном формализме, губящем все».

Аналогичные приемы устраивала камер-фрейлина графиня Е. Ф. Тизенгаузен (внучка М. И. Кутузова по женской линии) в своих апартаментах в Зимнем дворце. К. Ф. Головин свидетельствует в своих воспоминаниях, что этот салон, который «никогда не оставался пустым», заслуживал того, «чтобы о нем вспомнить». По вторникам устраивала вечера графиня Н. Д. Протасова, которая «в качестве гофмейстерины императрицы считалась первой дамой» в Петербурге. Несмотря на внешнее безобразие графини, «на ее вторниках всегда бывала толпа» — «весь Петербург ездил на поклонение».

МУНДИРЫ

Как придворным чинам, так и придворным кавалерам полагались особые мундиры. Специальные парадные платья были и у придворных дам. Придворные мундиры, помимо обычного назначения — выделить придворные чины и придать им большую внешнюю представительность, имели и другое: сообщить нарядность и помпезность придворным церемониям. Даже привычные к этим церемониям люди, в целом скептически к ним относившиеся, признавали в некоторых случаях их эффективность. Так, А. А. Половцов писал в 1883 г. по поводу коронационных торжеств в Московском Кремле: «Картина в этот момент прекрасная. Наружная лестница залита золотыми мундирами предшествующего государю двора. Пространство между соборами наполнено дамами в придворных платьях; множество русских и иностранных мундиров». Дата появления придворных мундиров неизвестна. Н. Е. Волков, специально изучавший в конце XIX в. историю придворных мундиров, констатирует в своей книге, что самое раннее упоминание источников о существовании «мундира придворного кавалера» относится к 1802 г. Однако известен указ от 30 декабря 1796 г., озаглавленный «Описание мундиров придворным чинам и служителям». К сожалению, в нем ничего не сообщалось о том, как они выглядели. Изображения придворных мундиров дошли до нас лишь с начала XIX в. На портретах придворных того времени мы видим мундиры почти в точности такие, какие хорошо известны нам на основании законов от 11 марта 1831 г. и 27 февраля 1834 г.

Мундиры основной части придворных чинов получили тот же фасон, что и все прочие гражданские мундиры, изготавливались из темно-зеленого сукна и имели красные суконные стоячие воротники и обшлага. Отличия выражались лишь в том, что придворные мундиры имели более роскошное золотое шитье с бранденбурами (вышитыми золотом ниспадающими кистями), количество которого было большим, чем полагалось по чину. Придворные чины II класса имели шитье 1-го разряда: на воротнике, обшлагах, карманных клапанах и под ними, по бортам и фалдам, а с 1809 г. и по швам. Чины же III и V классов имели шитье 2-го разряда (то же, что и 1-го разряда, только без шитья по швам). На вицмундирах шитье заменялось горизонтальными нашивками из двойного золотого галуна на груди и воротнике, а на обшлагах и фалдах — в виде шевронов.

Мундиры шталмейстеров и егермейстеров имели военный покрой. У шталмейстеров они были из темно-зеленого сукна со стоячими суконными же красными воротниками, обшлагами, отворотами на фалдах и выпушками по краям мундиров и около карманных клапанов; золоченые пуговицы их имели изображение государственного герба. Отличие мундиров егермейстеров от мундиров шталмейстеров состояло только в том, что воротники и обшлага у первых были темно-зеленые суконные с красной выпушкой, а пуговицы дополнялись изображением охотничьих рожков. На мундирах шталмейстеров и егермейстеров было золотое шитье особого одинакового узора на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под ними и по бортам, причем у чинов III класса оно было в два ряда, а у чинов II класса — в три, и, кроме того, «вдоль фалд и по швам» в один ряд. Вицмундиры «покроем и рисунком шитья» были «подобны парадным ... мундирам», но с шитьем только на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. При парадных мундирах полагалось носить шляпу с таким же шитьем и белым плюмажем, а также белые суконные панталоны до колен. В 1826 г. все чины двора получили темно-зеленый мундирный фрак с черным бархатным отложным воротником.

С 1833 г. придворным чинам, уволенным в отставку с правом ношения мундира, разрешалось «носить токмо придворный вицмундир, но без галунов на рукавах и фалдах для отличия от служащих».

Законом 27 февраля 1834 г. на парадных мундирах было добавлено шитье вокруг воротника (на спине). Дополнительно вводился темно-зеленый сюртук (с полной юбкой) с красным воротником, без шитья. У шталмейстеров и егермейстеров сюртук был двубортный, имел красные выпушки и витевые погоны из золотого шнура. К сюртуку полагалась темно-зеленая фуражка с красным околышем. Тем же законом устанавливалось (по-видимому, в соответствии с предшествовавшей практикой), что парадные мундиры должны носиться с белыми штанами до колен (дополняемыми белыми же чулками и башмаками с пряжками) или белыми брюками с золотыми лампасами, а сюртук и мундирный фрак — с черными брюками.

Из сказанного следует, что камер-юнкерский парадный мундир А. С. Пушкина, расшитый

бранденбурами, сам по себе ничем не отличался от мундиров придворных чинов III класса, в частности камергеров. С учетом этого понятно дружеское послание С. А. Соболевского Пушкину:

Здорово, новый камер-юнкер!

Уж как же ты теперь хорош:

И раззолочен ты, как клонкер,*

И весел ты, как медный грош.

В феврале 1856 г. придворные мундиры были модернизированы: они получили полную юбку с продолжением бортового шитья до низа и стали называться полукафтанами. Короткие белые штаны сохранялись только для балов.

Поскольку придворные мундиры были одинаковы, некоторые чины и кавалеры имели особые знаки отличия. Так, у министра императорского двора, обер-гофмаршала и обер-церемониймейстера таким знаком были специальные жезлы или трости. Камергеры же

Клонкер — обоз с золотом из Сибири.

в качестве знака своего чина и звания с 1762 г. имели золотые ключи. Образец (единый) ключа был утвержден в октябре 1833 г. Обер-камергерский ключ был осыпан бриллиантами и носился на бедре с правой стороны «на шнуре золотом, с двумя висящими массивными кистями» (в обычные дни такой ключ мог заменяться золотым же, но с эмалью). Камергеры носили ключ «на голубой ленте, связанной бантом, на левой стороне подле клапана» (карманного), причем сохраняли его и «при мундирах других гражданских ведомств и при возвышении должностей».

Особым законом от 27 февраля 1834 г. был установлен парадный наряд для дам, имевших придворные звания. Неясно, вводился ли он впервые или существовал и ранее. Наряд состоял из бархатного «верхнего платья» с откидными рукавами и со шлейфом, имевшего разрез спереди, к низу от талии, который открывал юбку из белой материи, «какой кто пожелает». По «хвосту и борту» платья шло золотое шитье, «одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов». Такое же шитье полагалось «вокруг и на переди юбки». Платье гофмейстерины должно было быть малиновое, платья статс-дам и камер-фрейлин — зеленые, платье фрейлины — пунцовое. Такие же парадные платья полагались наставнице великих княжон (синего бархзта), фрейлинам великих княгинь (как у фрейлин царицы, но с серебряным шитьем) и фрейлинам великих княжон (светло-синего бархата). Нормировался и головной убор придворных дам: замужние должны были «иметь повойник или кокошник», а девицы — «повязку» любого цвета с белой вуалью. Описанный наряд получил затем название «русского платья».

Придворные дамы также имели особые знаки отличия: гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины — портреты императриц, украшенные бриллиантами, которые носились на правой стороне груди, а фрейлины — золотые, украшенные бриллиантами шифры (вензели императриц или великих княгинь, при которых они состояли), носившиеся под короной на банте из андреевской голубой ленты на левой стороне груди. Знаки эти могли надеваться и не на парадное платье.

В таком виде придворные мужские и дамские мундиры, платья и знаки отличия сохранились до 1917 г., модернизируясь лишь в деталях.

Обилие золотого шитья на придворных мундирах делало их настолько дорогими, что не все придворные каалеры могли их приобрести. Некто Кошелев был отчислен в 1834 г. из камер-юнкеров «за неимением мундира». Как сообщает К. Ф. Головин, в середине века музыкальный критик и композитор, член Управления по делам печати Ф. И. Толстой по случаю назначения гофмейстером представлялся великому князю Константину Николаевичу в таком «полиялом мундире, едва ли сходявшем с его плеч лет 25 или более» (ранее Толстой числился камер-юнкером), что князь едко заметил: «По Вашему мундиру не видно, что Вы только что назначены». Редко, но все же были случаи, когда придворные чины сохраняли военные мундиры. Так, весной 1866 г. «обер-камергером при военном мундире» был назначен подавший в отставку после покушения Д. В. Каракозова шеф жандармов и начальник III Отделения генерал от кавалерии, генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков. Сообщая об этом, П. А. Валуйев добавляет, что такого «не было со времени императрицы Екатерины». Существовали разного рода ограничения по ношению придворного мундира, например, не дозволялось носить его расстегнутым. Придворным чинам и кавалерам в царствование Николая I запрещалось отращивать бороду и усы и предписывалось иметь приличную прическу». В царствование Анны Иоанновны только фрейлинам разрешалось иметь локоны (в виде особой милости это право было дано лишь княжне В. А. Черкасской, хотя она не была фрейлиной).

ОРДЕНСКИЕ ЗНАКИ И ОДЕЯНИЯ

Как уже отмечалось, орденские знаки были не только обычной принадлежностью едва ли не большинства военных, гражданских и придворных мундиров, но и означали наличие у их обладателей титула особого рода — титула кавалера орденской корпорации (*ordo* — сословие, община). Это соответствовало западноевропейской традиции. Первый военно-монашеский орден святого Иоанна Иерусалимского (Крестителя) возник в Палестине еще в XI в., а его знаком был белый, вырезанный из полотна крест, который нашивался на мантии и головные уборы. Представление о том, что награждение орденским знаком есть проявление почетного пожалования в члены орденской корпорации (деятельность которой обычно была направлена во славу того или другого святого), господствовало при учреждении в России первых орденов и сохранялось примерно до середины XIX в., когда ордена стали рассматриваться только как знак награды при формальном сохранении и орденских корпораций. Существование таких корпораций не просто предусматривалось законом, но и было обставлено рядом организационных и правовых норм. Орденские корпорации имели несколько целей, из которых отметим три: деятельность по распространению православия, контроль за соблюдением норм орденского статута, прежде всего относительно самого состава корпорации, и оказание помощи ее членам.

Именно то, что ордена являлись прежде всего знаками принадлежности к орденской корпорации, качественно отличало их, с одной стороны, от наград-подарков в виде денежных выдач, поместий, кубков, шуб, дорогих кафтанов, перстней, табакерок и нагрудных портретов, а с другой — от наградных и памятных знаков, в частности от медалей.*

Первый в России орден — Орден святого апостола Андрея Первозванного — был основан Петром I в 1698 г. сразу же после возвращения из заграничного путешествия. О представлениях Петра относительно назначения и принципов организации Ордена мы можем судить на основании проекта орденского устава, который не был утвержден до конца XVIII в., хотя Орден начал функционировать.

Как объяснялось в этом документе, «Кавалерский орден» учреждался «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим — для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческое любочестие и славолубие, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние». «...Благороднейшие и к чести и славе стремящиеся души обыкли предпочитать уважение, характер и публичное возвышение и знаки монаршей милости, отличающие их от прочих, многим другим награждениям, имениям и подаркам». Подробно обосновывалась как еще не вполне утвердившаяся мысль о том, что заслуги перед государством и монархом могут быть проявлены не только в военной области, но и на гражданской службе, а потому в равной мере должны поощряться и отмечаться.

«Избрание в кавалеры» Ордена было прерогативой гроссмейстера Ордена, которым «на вечные времена» являлся российский государь. Число кавалеров не должно было превышать 24, «дабы от великого множества кавалеров не пришел сей Орден в презрение». Все они должны были быть «благородного, знатного графского или княжеского звания». Кавалерам предписывалось помнить, «что они соединены лентой ордена, подобно крепкими узами согласия и дружелюбия». «Для оказания кавалерам почести» разрешалось, «кроме титула, принадлежащего им по их роду, чину и достоинству, придавать следующие почетные слова: *высокопожалованный, достойный, превосходный, достопочтенный кавалер*». Кавалеры Ордена получали «старшинство

* Получение орденских знаков в быту иногда называлось получением «кавалерии» (это выражение находим, например, в «Ревизоре» Н. В. Гоголя).

и преимущество» как перед всеми прочими дворянами, в том числе титулованными («боярами, графами и князьями»), так и перед всеми не только равного с ними чина, но к старшего (так, кавалер в чине генерал-майора считался выше «своего генерала»), С появлением Табели о рангах кавалеры Ордена были приравнены к ее III классу (к генерал-лейтенантам).

Много внимания в уставе Ордена уделялось материальной стороне его организации. Орденская «казна» составлялась из вступительных взносов кавалеров (при «пожаловании, по двести червонных»), доходов от пожертвованных Ордену и унаследованных им (в случае отсутствия наследников у умерших кавалеров) поместий и капиталов и т. п. За счет «казны» велась благотворительная деятельность и изготавливались орденские знаки (из драгоценных металлов и камней). В случае смерти кавалера надлежало «отослать орденский знак к казначею ордена» или оплатить его стоимость.

Знаком кавалеров Ордена было «изображение святого Андрея», распятого на синем косом кресте, с двуглавым орлом на тыльной стороне. Знак носился либо на шее на цепи ювелирной работы, либо у бедра с левой стороны на широкой голубой муаровой ленте, перекинутой через правое плечо. Дополнительным знаком кавалеров была серебряная восьмиконечная звезда с крестом из золотом поле в центре (носилась на левой стороне груди). На орденской цепи изображался девиз «За веру и верность».

Полагалась особая орденская одежда для разного рода торжеств: епанча с изображением орденской звезды и шляпа.

Уставом предусматривался день орденского праздника, когда все кавалеры должны были собираться на торжественное богослужение в орденской церкви. Затем «все кавалеры вместе

угощаются на счет орденской казны, а после сего ... посещают друг друга в их домах».

Первым кавалером Ордена стал генерал-адмирал Ф. А. Головин (1699 г.), вторым — гетман И. С. Мазепа (1700 г.). Сам Петр, как-капитан бомбардирской роты, стал шестым кавалером в мае 1703 г. за взятие с боя двух шведских кораблей в устье Невы. Всего при Петре в кавалеры Ордена было пожаловано 24 российских подданных и 14 иностранцев.

С появлением других орденов орден Андрея Первозванного оставался высшим.

В память избавления русской армии и самого Петра I от пленения турками во время Прутского похода 1711 г., когда будущая царица Екатерина I «своим присутствием ободряла государя и все русское войско», в 1714 г. был учрежден Орден освобождения, вскоре переименованный в орден святой великомученицы Екатерины. Знаком ордена был белый эмалевый крест оригинальной формы с четырьмя латинскими буквами на нем, обозначавшими начало слов: «Господи, спаси царя!». Крест носился на левой стороне груди на банте из белой ленты с девизом «За любовь и отечество». Орден имел две степени: большой и малый кресты (с разным количеством украшений). Затем большой крест стал носиться на красной ленте с серебряной каймой через правое плечо. Его дополнила серебряная звезда с изображением серебряного креста на красном поле в центре. Число «кавалерственных дам» большого креста не могло быть более 12, а малого — более 94. С 1856 г. кресты первой степени стали украшаться бриллиантами, а второй — алмазами. Первой из рук Петра I получила орден сама Екатерина. Единственным кавалером (мужчиной) ордена был князь А. А. Меншиков (февраль 1727 г.).

В 1725 г. в связи с перенесением мощей великого князя Александра Невского в Петербург был учрежден орден в честь этого святого, причем Екатерина I сама возложила на себя орденские знаки. Это было не самонаграждение, как можно было бы подумать, а вступление в орденскую корпорацию для придания ей авторитета. Знаки ордена состояли из креста красной эмали с двуглавыми орлами между концами и с изображением в середине святого Александра на коне, красной ленты (надевавшейся через левое плечо) и серебряной звезды с вензелем князя в середине и девизом вокруг красного поля — «За труды и отечество». Предельное количество кавалеров не устанавливалось.

После 44-летнего перерыва, в 1769 г., был учрежден новый орден — Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия, имевший четыре степени. Он предназначался «единственно» для воинских чинов и давался преимущественно за боевые подвиги. Однако в статуте ордена предусматривалась и другая возможность: поскольку «не всегда верному сыну отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может», претендовать на получение ордена могли и те, «кои в полевой службе 25 лет от обер-офицера, а в морской 18 кампаний офицерами служили». Это привело к значительному росту числа кавалеров по выслуге лет. Чтобы сохранить за орденом характер награды исключительно за боевые подвиги, с 1855 г. выслуга лет в армии стала отмечаться орденом святого Владимира. В 1782 г. была учреждена орденская дума (из наличных в столице кавалеров) с правом предварительного рассмотрения представлений к награждению орденом 3-й и 4-й степеней.

В декабре 1833 г. был утвержден новый статут ордена с подробным перечислением отличий, которые давали права на награждение им.

Знаками ордена были белый эмалевый крест с изображением в центре святого Георгия на коне, лента из трех черных и двух оранжевых полос и четырехконечная (ромбовидная) вызолоченная звезда с изображением Георгия в центре и девизом вокруг. Крест 1-й степени носился на ленте через плечо, а 2-й и 3-й — на шее. Две старшие степени дополнялись звездами. Орден 4-й степени носился в петлице либо на левой стороне груди.

Первая степень Георгиевского ордена была наградой чрезвычайной, которую имели всего 25 человек (менее, чем высший орден Андрея Первозванного). Вот первые российские кавалеры (до 1829 г.): Екатерина II, П. А. Румянцев-Задунайский, А. Г. Орлов-Чесменский, П. И. Панин (за Бендеры), В. М. Долгоруков-Крымский, Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов-Рымникский, В. Я. Чичагов (за Выборг), Н. В. Репнин (за Мачин на Дунае), М. И. Кутузов-Смоленский, М. Б. Барклай-де-Толли, И. Ф. Паскевич-Эриванский, И. И. Дибич-Забалканский. Вторую степень ордена получил 121 человек, в том числе за первую мировую войну — 4 военачальника. Третьей степенью было награждено всего 638 человек. Все четыре степени ордена святого Георгия имели только четыре фельдмаршала: Голенищев-Кутузов, Барклай-де-Толли, Паскевич и Дибич. Когда в 1801 г. орденская дума предложила Александру I «возложить» на себя знаки 1-й степени Георгиевского ордена, тот отказался, считая, что не заслужил эту награду. Лишь вернувшись из похода 1805 г., он согласился на 4-ю степень ордена за проявленную «личную храбрость». В 1838 г. Николай I в связи с 25-летием своей службы в офицерских чинах настоял, чтобы вопрос о награждении его орденом Георгия 4-й степени был предварительно рассмотрен в орденской думе.

С 1849 г. имена георгиевских кавалеров отмечались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве.

При Екатерине II вошло в обиход награждение золотым холодным оружием с надписью «За храбрость» и с темляком из георгиевской ленты. Награда эта была редкой и с 1807 г. официально приравнивалась к орденской, а награжденные золотым оружием вносились в общий орденский список. Золотое оружие, украшенное бриллиантами, жаловалось только генералам и адмиралам.

В честь 20-летия царствования Екатерины II в сентябре 1782 г. был учрежден орден святого равноапостольного князя Владимира, разделявшийся на четыре степени. Знаками 1-й степени ордена были золотой крест, покрытый красной финифтью с черной каймой по краям, с изображением в центре на горностаевом поле вензелей святого Владимира под великокняжеской

коронай; лента из трех полос — черного, красного и черного цветов; восьмиконечная звезда с серебряными и золотыми лучами, в середине которой на черном круглом поле был изображен крест и буквы С. Р. К. В. Такой же крест меньшего размера на шее (на черно-красной узкой ленте) и такая же звезда обозначали 2-ю степень ордена. Две другие степени имели малый крест, носившийся на шее и в петлице. 4-я степень ордена могла даваться за 35 лет «неотлучной и беспорочной» гражданской службы, а с 1855 г. и за 25 лет военной службы или 18 морских кампаний. С 1789 и до 1855 г. военные получали 4-ю степень ордена с бантом. Согласно статуту ордена 1845 г., он мог жаловаться и лицам купеческого сословия, не состоявшим на государственной службе, с предоставлением им прав потомственного почетного гражданства.

Ордена Георгия и Владимира имели много общего в своей организации. Предельное число их кавалеров не устанавливалось. Статутами обоих предусматривалось награждение за выслугу лет. Ордена возглавлялись кавалерскими думами, которые рассматривали представления о награждении 3-й и 4-й степенями этих орденов и вели списки всех кавалеров. Орденские корпорации имели свои помещения, церкви, казну; для кавалеров орденов назначались пенсионные капиталы.

В апреле 1797 г. Павел I ввел в число российских орденов орден святой Анны. Он был учрежден еще в 1736 г. герцогом шлезвиг-гольштейнским в память о своей супруге — дочери Петра I. Первые буквы слов «Анна — императора Петра дочь» послужили началом латинских слов орденского девиза «Любящим правду, благочестие и верность». Павел полагал, что этот орден уже «учинился присвоенным Империи всероссийской» а 1742 г. Теперь (в 1797 г.) он был разделен на три степени, к которым в 1815 г. была добавлена четвертая.

Устанавливались следующие знаки ордена Анны: золотой крест, покрытый красной финифтью, с изображением святой Анны в середине, красная лента с желтой каймой по краям и восьмиконечная звезда с красным крестом посередине, обрамленным девизом. Первая степень обозначалась крестом на ленте через левое плечо и звездой. Вторая — крестом меньшего размера на узкой ленте на шее. Третья — малым крестом на узкой ленте в петлице. Четвертая степень ордена представляла собой красный финифтевый медальон с крестом и короной, который помещался на рукояти холодного оружия и иногда назывался «клюквой». В июне 1828 г. крест 3-й степени для кавалеров, получивших его за военные подвиги, был дополнен бантом из орденской ленты. По статуту 1829 г. на шпаге с орденом Анны 4-й степени стала делаться надпись «За храбрость», а темляк стал изготовляться из орденской ленты. С 1797 г. две высшие степени ордена могли жаловаться с алмазными украшениями, означавшими «особенную степень награждения». В 1828—1874 гг. знаком «возвышенного достоинства» этих степеней была императорская корона.

В том же 1797 г. бриллиантовые украшения были введены и к орденам Андрея Первозванного и Александра Невского как знак их высшей степени. Известны случаи, когда награжденные по этическим соображениям отказывались получать столь дорогие украшения (граф А. А. Аракчеев, например, всячески подчеркивавший свою бескорыстность).

В день своей коронации 5 апреля 1797 г. Павел I объединил существующие в России орденские корпорации в единый Российский кавалерский орден, или Кавалерское общество Российской империи. Однако в него не вошли кавалеры орденов Георгия и Владимира. Правда, статут первого из них в тот же день был подтвержден. Но в павловское царствование пожалование этими орденами не производилось. Лишь 12 декабря 1801 г. при Александре I оба эти ордена были восстановлены «во всей их силе и пространстве». Российский кавалерский орден делился на четыре класса в соответствии с числом объединенных им орденов. Старшинство их устанавливалось следующее: орден святого Андрея Первозванного, Екатерины, Александра Невского и Анны (трех степеней). Подтверждалось, что кавалеры высшего ордена считаются в III классе. Все великие князья получали «Российский орден всех наименований», а великие княжны — знаки ордена святой Екатерины при крещении; князья и княжны императорской крови — по достижении ими совершеннолетия. Право награждения орденом распространялось отныне и на духовных лиц, которые в этом случае считались не кавалерами, а сопричисленными к ордену. Отныне запрещалось самовольное украшение орденских знаков драгоценными камнями и подтверждалась обязательность возвращения орденских знаков в случае смерти кавалера. Для каждого из орденов, объединенных Российским кавалерским орденом, устанавливались дни орденских праздников, особые церкви и специальное парадное одеяние. При Российском ордене учреждались канцелярия (с 1798 г. Капитул орденов) и состав официалов (церемониймейстеров, герольдов, казначеев и т. п.) во главе с канцлером из числа кавалеров ордена Андрея Первозванного. Наконец, кавалеры должны были уплачивать благотворительные взносы при получении орденов, но вместе с тем «в пользу» их устанавливались разного рода «доходы».

Создание единого Кавалерского общества Российской империи было связано с тем, что в январе 1797 г. в России была разрешена деятельность Ордена Иоанна Иерусалимского, получившего по месту нахождения своей резиденции название Мальтийского. Мера эта мотивировалась Павлом I желанием «доставить ... своим подданным, кои могут быть приняты в ... Орден, все выгоды, почести и преимущества, от того проистекающие». Учреждались два российских приорства Мальтийского ордена — православное и католическое. Кавалерами Ордена могли быть лишь лица с дворянской родословной не менее 150 лет. Достоянейшие из кавалеров получали за счет Ордена выделенные для этой цели десять поместий — командорств (патронатов), часть доходов с которых передавалась Ордену (владельцы таких имений именовались командорами). Те, кто не смог доказать своего 150-летнего дворянского происхождения, могли стать «почетными» (т. е. недействительными, не настоящими) кавалерами и командорами Ордена.

Великий приор и командоры имели исключительное право носить на шее большой орденский крест (так называемый мальтийский — белый эмалевый с раздвоенными концами и «бурбонскими лилиями» между ними) под золоченой короной с богатой арматурой, тогда как все прочие должны были носить малый белый крест в петлице. Почетные кавалеры могли носить малый крест «Благочестие и милость» в петлице. Кресты носились на черной ленте. Для орденских кавалеров в пределах Российского приорства устанавливались (как это делалось и в других приорствах) «особенные мундиры». Почетные кавалеры не имели права носить этот мундир без специального «позволения» российского императора и гротмейстера Ордена. О внешнем виде мальтийского орденского мундира мы можем судить лишь по портретам конца XVIII — начала XIX в.: красный длинный кафтан с черными бархатными воротником, лацканами и обшлагами, пуговицами с изображением мальтийского креста, легкими эполетами с кистями и нашитым на левой стороне груди маленьким белым матерчатым мальтийским крестом. Кроме мундира, кавалерам Ордена полагалась черная бархатная мантия с белым нашитым мальтийским крестом на левом плече.

После того как в конце декабря 1798 г. Павел I по предложению Мальтийского ордена принял сан его великого магистра и возложил на себя знаки этого сана (рыцарскую мантию, корону, меч и крест),* деятель-

* Великий магистр избирался пожизненно и утверждался папой римским. 15 декабря 1798 г. частный титул магистра был «ключей в состав императорского титула. Общий титул магистра [г]нм)однялся в России как *ваше преимущество*. ность Ордена в России была расширена. Манифестом 29 ноября 1798 г. российские дворяне как бы приглашались к вступлению в Орден и использованию «открытого ... для них нового способа к поощрению честолюбия на распространение подвигов». Число командорств за счет жалующихся Орденом сумм увеличивалось до 98. В 1799 г. было разрешено принятие в Орден дворянских детей с уплатой значительных (1200 и 2400 р.) взносов. Тогда же были установлены правила для учреждения родовых командорств за счет самих кавалеров при условии, чтобы командорские имена принесли не менее 3 тыс. р. «верного дохода» и отчисляли в пользу Ордена 10 %.

С воцарением Александра I все ордена, включая Георгия и Владимира, снова стали рассматриваться как самостоятельные корпоративные организации (а не как классы единого Российского кавалерского ордена), хотя и подведомственные общему Капитулу. Командорские имена были переданы в казну, а вместо доходов с них орденским кавалерам стали выплачиваться денежные пенсии. В 1803 г. Александр сложил с себя звание магистра Мальтийского ордена, что означало и упразднение в России этого Ордена (в 1817 г. об этом было повторно объявлено), хотя кавалеры продолжали носить полученные ранее орденские знаки.

В начале царствования Николая I количество пожалований орденами значительно возросло. Было увеличено и число орденов. Вся орденская система подверглась многочисленным реформам.

В августе 1827 г. был учрежден Знак отличия беспорочной службы за 15 и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах. Получение знака было условием награждения очередным орденом. Знак представлял собой позолоченную серебряную квадратную сквозную пряжку с изображением на ней дубового венка и числа лет службы (римской цифрой). Военные носили ее в петлице на георгиевской ленте, а гражданские чиновники — на владимирской. С мая 1859 г., согласно новому статуту, Знак отличия беспорочной службы стал даваться за выслугу не менее 40 лет.

В декабре 1828 г. был введен Мариинский знак отличия беспорочной службы для лиц женского пола за долговременную службу в благотворительных учреждениях. Знак имел две степени и носился на владимирской ленте с бантом на левом плече (первая степень) и на груди. Собственно знак представлял собой золотой с голубой финифтью крест (первая степень) или медальон, на которых помещались изображения-вензелей имени императрицы Марии Федоровны, венка из дубовых и виноградных листьев и римской цифры, указывающей число лет службы.

В ноябре 1831 г. к числу российских императорских орденов были причислены два ордена Царства Польского: Белого Орла (главная эмблема польского герба) и святого Станислава (считавшегося покровителем Польши). Первый из них возник еще в 1325 г., второй — в 1765 г. После присоединения Польши к России Александр I стал жаловать эти ордена польским уроженцам.

Знаками ордена Белого Орла были красный эмалевый с белой окантовкой крест и восьмиконечная золотая звезда. Подложкой для креста служило изображение двуглавого орла под императорской короной; на крест был наложен белый одноглавый орел под польской короной. Крест носился на темно-синей ленте через левое плечо. Особый статут этого ордена не был утвержден, но он получил очень высокое место среди российских орденов — вслед за орденом Александра Невского.

Орден Станислава имел статуты 1815, 1829 и 1839 гг. Предусматривалось, что орден мог даваться, в частности, за благотворительную деятельность, за учреждение значительных и полезных для страны мануфактур, за неоспоримо полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах, а также «за сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными». Знаками ордена были золотой крест под красной эмалью и звезда. Каждый из четырех концов креста был разделен надвое и имел в завершении золотые шарики. По краям шла двойная золотая кайма. В середине на круглом щитке белой финифти помещался красный вензель Станислава (SS) под зеленым венком. Вокруг щитка по углам креста — четыре золотых двуглавых орла. Крест носился на муаровой ленте красного цвета с двойной белой каймой с каждой стороны. Серебряная звезда с восьмью лучами имела в середине белый круглый щит,

обведенный зеленой полосой, с вензелем святого Станислава, украшенным вокруг лавровыми золотыми ветвями. Крест 1-й степени носился у левого бедра; крест 2-й степени был меньшего размера и носился на шее. Крест этот мог быть под императорской короной (возвышенное достоинство) или без нее. Знаком 3-й степени был еще меньший крест, носившийся в петлице. В общем порядке старшинства российских орденов орден святого Станислава следовал за орденом святой Анны.

Еще в начале XIX в. Александр I был причислен к польским орденам знак отличия *Virtuti militari* — знак воинской доблести, учрежденный в Польше в 1792 г. В ноябре 1831 г. Николай I распорядился раздать эти знаки вместо медалей всем генералам и офицерам, участвовавшим в подавлении восстания в Польше. Четыре главные степени ордена имели следующие знаки: 1) золотой крест с черной эмалью на голубой с черной каймой ленте, надеваемой через плечо, и звезда; 2) такой же крест на узкой ленте для ношения на шее; 3) такой же крест меньшего формата; 4) золотой крест без эмали. В ряду всех других российских орденов считался на последнем месте. После 1832 г. награждения им не производились.

Начиная с 1845 г. при награждении орденами лиц нехристианских вероисповеданий изображения святых на орденских знаках стали в общем порядке заменяться двуглавым орлом или другими символами.

Указом от 5 августа 1855 г. для отличия орденских наград «за военные подвиги против неприятеля» от прочих было предписано дополнять знаки первых (кроме ордена Георгия) изображением накрест лежащих мечей. На крестах орденов Андрея Первозванного и Белого Орла мечи помещались сверху под короной, а на звездах так, чтобы средний щит покрывал перекрещение мечей. На прочих орденах, пожалованных за военные подвиги, мечи помещались в середине креста и звезды. При получении старших степеней этих же орденов за гражданские заслуги мечи переносились на них — сверху креста и звезды (последнее было отменено 3 декабря 1870 г. в связи с разрешением носить орден с мечами низших степеней вместе с высшими без мечей). Одновременно отменялись банты к орденам Владимира 4-й и Анны 3-й степеней, полученным за воинские подвиги. Банты сохранялись только для орденов Георгия и Владимира 4-й степени, полученных за выслугу лет в армии и во флоте. С 15 декабря 1857 г. банты добавлялись к орденам Владимира 4-й, Анны 3-й и Станислава 3-й степеней с мечами, если они были получены военными чинами.

Установление 1797 г. исходило из того, что кавалер ордена — это дворянин. Получение ордена недворянином могло быть лишь случаем исключительным и непременно связанным с одновременным получением дворянства. С учетом этого важным новшеством названного акта было введение особого знака отличия в составе ордена святой Анны для унтер-офицеров и рядовых, недворян, выслуживших «в войсках ... беспорочно и безотлучно двадцать лет». Награжденные аннинским знаком отличия освобождались от телесных наказаний, получали удвоенное жалованье, а затем пенсию «по смерть свою, где бы ни находились». Знак представлял собой вызолоченную серебряную медаль с изображением орденского креста на аннинской ленте в петлицу. В 1864 г. условия получения знака отличия ордена святой Анны были изменены: им стали награждать за небоевые «особые подвиги и заслуги». В 1807 г. был введен «знак отличия Военного ордена» святого Георгия, который давался нижним чинам «за заслуги боевые, за храбрость, против неприятеля оказанную», и также предоставлял ряд важных льгот. Знак имел форму серебряного креста, в центре которого изображен на коне святой Георгий, и носился на георгиевской ленте в петлице. В 1856 г. знак отличия Военного ордена был разделен на четыре степени (золотой, серебряный золоченный, серебряный и посеребренный кресты). При производстве кавалера знака Военного ордена в офицеры эта награда сохранялась за ним даже при получении ордена Георгия 4-й и прочих степеней.

С середины XIX в. преобладающим становится представление об орденах как о награде орденским знаком, имеющей определенный ранг в орденской иерархии и сопряженной с некоторыми правами и преимуществами. Однако в орденской организации не исчезли и признаки корпоративности. Так, продолжались ежегодные собрания орденских дум, некоторые из которых сохраняли право «окончательного рассмотрения представлений» о награждениях младшими степенями орденов. В связи с этим сами награждения приурочивались к собраниям дум. Посетив в декабре 1880 г. резиденцию думы ордена святого Владимира, П. А. Валуев характеризовал это учреждение как отжившее. Впрочем, замечает он, «видно, что когда-то оно могло быть почтенным и почитаемым». Регулярно отмечались орденские праздники. Более торжественно праздновались дни орденов Андрея Первозванного (30 ноября) и Георгия Победоносца (26 ноября), а также установленный в 1797 г. общий орденский праздник в день святого архистратига Михаила (5 апреля). Существовали орденские капиталы, складывавшиеся главным образом из государственных ассигнований и денежных взносов самих кавалеров. За счет этих капиталов назначались пенсии определенному числу кавалеров, дети кавалеров содержались в специальных учебных заведениях и т. п.

В связи с введением в российскую орденскую систему орденов Царства Польского Капитул орденов в 1832 г. был переименован в Капитул императорских и царских орденов. В 1842 г. Капитул был включен в состав Министерства императорского двора, а должность канцлера орденов была соединена с должностью министра двора. Еще раньше она была отнесена к I классу по Табели о рангах. Первыми канцлерами орденов были фельдмаршал князь Н. В. Репнин (1797—1802 гг.), действительный тайный советник I класса князь А. Б. Куракин (1802—1819 гг.), обер-камергер А.

Л. Нарышкин (1819—1826 гг.), действительный тайный советник князь Алексей Б. Куракин (1826—1829 гг.), действительный тайный советник I класса князь А. Н. Голицын (1830—1842 гг.), министр императорского двора генерал-фельдмаршал князь П. М. Волконский (1842—1852 гг.). По правилам 1797 г. канцлер назначался из числа кавалеров ордена Андрея Первозванного. Согласно указу 1844 г., он, наоборот, по должности «признавался кавалером» этого ордена.

Приведем в некоторую систему сказанное ранее об особенностях орденских знаков. В полном варианте они состояли из трех главных элементов: креста, звезды и ленты. Золотые кресты были покрыты синей, красной или белой эмалью. В центре их помещался круглый медальон с изображением святого, его вензелей или двуглавого орла. Некоторые кресты имели подложку ювелирной работы (кресты ордена Андрея Первозванного и Белого Орла были расположены на фоне двуглавого орла), дополнялись двуглавыми орлами между лучами, накладывались на перекрещенные мечи или дополнялись императорской короной сверху. Все кресты были прямыми, некоторые из них с расширяющимися и рассеченными концами. Исключением был лишь орден Андрея Первозванного, имевший крест с изображением распятого святого. В зависимости от степени ордена кресты отличались по размеру и способу ношения: первые степени носились на бедре (на ленте через плечо), вторые и третьи (Георгия и Владимира) — на шее, низшие — в петлице, на левой стороне груди или на холодном оружии. В 1816 г. размеры орденских крестов Георгия и Владимира были ограничены. Звезда обозначала высшую степень ордена. Исключением были звезды орденов Георгия и Владимира, обозначавшие как первую, так и вторую их степени.

Звезды были золотыми, серебряными или комбинированными. Георгиевская золотая звезда имела форму равноугольного ромба (4 луча); владимирская складывалась из золотого и серебряного квадратов, наложенных друг на друга. Звезды могли быть вышитыми на мундире или накладными. В середине звезды помещался круглый медальон с изображением креста, святого или его вензелей и с девизом по окружности. Тексты орденских девизов в прошлом были широко известны. Приводим их ниже:

Орден	Девиз
Андрея Первозванного	За веру и верность
Екатерины	За любовь и отечество
Александра Невского	За труды и отечество
Георгия	За службу и храбрость
Владимира	Польза, честь и слава
Анны	Любящим правду, благочестие и верность
Белого Орла	За веру, царя и закон
Станислава	Награждая, поощряешь

Звезды носились на левой стороне груди, кроме аннинской, которая носилась на правой. Звезды на мундирах как знаки высших степеней орденов представлялись современникам чем-то магическим: ими гордились, перед ними преклонялись. Это высмеивал П. И. Вейнберг в своем стихотворении «Взгляд на природу» (1862 г.):

Я люблю смотреть на звезды, —
 Но не те, что в горнем мире;
 Мне милее те, что светят
 На чиновничьем мундире.
 Эти Сириусы, Марсы
 Для меня смешны и странны;
 Мне милее Станиславы,
 И Владимiры, и Анны...

Все ордена имели ленты особой расцветки:

Цвет ленты	Орден
Голубая	Андрея Первозванного
Синяя	Белого Орла
Красная	Александра Невского
Красная с серебряной каймой	Екатерины
Красная с двойной белой каймой	Станислава
Красная с желтой каймой	Анны
Красно-черная	Владимира
Оранжево-черная	Георгия
Черная	Иоанна Иерусалимского

Для орденов первых степеней (кроме Иоанна Иерусалимского) полагалась широкая (около 10 см) лента, которая носилась через плечо — правое или левое (Белого Орла, Александра Невского и Анны), а концы ее скреплялись орденским знаком (крестом) на противоположном бедре. Кресты

на шее и в петлице (на груди) носились на соответствующих узких лентах (шириной от 5 до 2 см). Знак ордена Андрея Первозванного в особо торжественных случаях мог носиться также на цепи ювелирной работы, надевавшейся на шею.

Для участия в орденских праздниках и особых церемониях при дворе в 1797 г. кавалерам и официалам российских орденов Андрея Первозванного, Екатерины, Александра Невского и Анны были установлены особые одеяния; в 1833 г. такое же одеяние получили кавалеры и официалы ордена Георгия. В конце XVIII — начале XIX в. орденские одеяния становятся излюбленным атрибутом парадного портрета (напомним портрет президента Академии художеств графа А. С. Строганова в одеянии кавалера ордена Андрея Первозванного, 1814 г.).

Одеяние кавалеров ордена Андрея Первозванного (предусмотренное еще проектом устава этого ордена) состояло из длинной епанчи, супервеста (рубахи) и шляпы. Епанча шилась из зеленого бархата, была подложена белой тафтой, имела серебряный глазетовый краген (широкий воротник) и завязывалась серебряными шнурками с кистями на концах. На левой стороне нашивалась орденская звезда увеличенного размера. Супервест из серебряного глазета с золотым галуном и такой же бахромой имел нашитый на груди крест. Черная бархатная шляпа украшалась бело-красными перьями к косым крестом из узкой голубой ленты.

Одеяние кавалерственных дам ордена Екатерины включало далматику (рубаху) из серебряного глазета, вышитую золотом, с золотыми шнурками и кистями, со «шлейфом» (накидкой) из зеленого бархата (причем шлейфы великих княгинь и княжон полагались более длинными), а также шляпу из зеленого бархата, украшенную драгоценными камнями и серебряной вышивкой. Императрица имела, кроме того, зеленую бархатную епанчу с горностаями.

Одеяние кавалеров ордена Александра Невского состояло из епанчи, супервеста и шляпы. Длинная епанча красного бархата имела подкладку из белой тафты и серебряный глазетовый крагеи. На левой стороне епанчи нашивалась орденская звезда увеличенного размера. Супервест и шляпа были такими же, как у кавалеров ордена Андрея Первозванного, но крест на шляпе нашивался из красной ленты.

Одеяние кавалеров ордена Анны включало в себя епанчу из красного бархата, подложенную тафтой соломенного цвета, с золотым глазетовым крагеном, шнурками и кистями. На правой стороне епанчи вышивалась орденская звезда увеличенного размера. Епанчи кавалеров низших степеней ордена были короче. Супервест из серебряного глазета, подобный супервесту ордена Андрея Первозванного, полагался только кавалерам 1-й степени. Одеяние дополнялось шляпой из красного бархата с бело-красными перьями и нашивным крестом.

По статуту ордена Георгия «особое кавалерственное одеяние» состояло из оранжевого бархатного супервеста, обшитого золотой бахромой, с черными широкими бархатными крестами спереди и сзади.

Кавалерам орденов Владимира, Белого Орла и Станислава (всех степеней) специального одеяния не полагалось.

Официалы орденов по закону 1797 г., дополненному в 1830-е гг., также имели торжественные одеяния и знаки отличия.

Канцлер орденов и чиновники Капитула в качестве обычной официальной одежды с декабря 1829 г. имели гражданские мундиры темно-зеленого сукна с голубыми бархатными воротниками и обшлагами, с серебряным шитьем особого узора и белыми пуговицами с изображением звезды ордена Андрея Первозванного. Знаки ордена Андрея Первозванного канцлер должен был носить только на цепи. В 1833 г. в качестве особого знака своего звания канцлер получил трость черного дерева с белым из слоновой кости набалдашником, сверху которого имелось серебряное с финифтью изображение Андреевского ордена, а по сторонам набалдашника — восемь золотых андреевских крестов с черной финифтью; ниже помещалось золотое кольцо с андреевской лентой. Обер-церемониймейстер всех орденов носил придворный мундир, крест Андрея Первозванного на голубой ленте на шее и имел короткую епанчу зеленого бархата. Церемониймейстеры отдельных орденов также носили придворные мундиры, кресты соответствующих орденов на шее и короткие епанчи «цветом противу кавалеров». Секретари и герольды носили соответствующие орденские кресты на лентах в петлице. Герольды, кроме того, имели особое праздничное «герольдское одеяние».

Для официалов ордена святого Станислава (церемониймейстера, секретаря и двух герольдов) статут 1839 г. устанавливал официальный знак в виде уменьшенного креста этого ордена 3-й степени, обведенного вокруг двумя золотыми обручами с вензелями святого между ними. Церемониймейстер носил этот знак на шее на ленте 2-й степени ордена, а секретарь и герольды — в петлице на ленте 3-й степени ордена. Аналогичные знаки имели по статуту 1845 г. официалы ордена святой Анны.

В 1855 г. велась работа по пересмотру одеяний кавалеров и официалов. В частности, предполагалось ввести их для герольдов всех орденов без исключения.

Награждение орденами производилось, как правило, «в порядке постепенности» — сначала младшими, затем старшими. Дважды одним и тем же орденом (одного достоинства) не награждали. В связи с этим ордена делились на степени старшинства или имели особые знаки, обозначающие высшее достоинство ордена. По мере учреждения новых орденов к середине XIX в. сложилась следующая их иерархия:

Орден Андрея Первозванного (с алмазами и без них)	Орден Анны 1-й степени (с алмазами, под короной и без них)
--	---

Георгия 1-й степени	Станислава 1-й степени
Владимира 1-й степени	Георгии 3-й степени
Александра Невского (с алмазами и без них)	Владимира 3-й степени
Орден Белого Орла	Анны 2-й степени
Георгия 2-й степени	Станислава 2-й степени
Владимира 2-й степени	Георгия 4-й степени
	Владимира 4 и степени
	Анны 3-й степени
	Станислава 3-й степени

Естественно, что дамский орден святой Екатерины и орден Георгия находились вне этой иерархии, но были сопоставимы с первыми тремя высшими орденами.

Орденская иерархия явственно выступала в порядке ношения орденских знаков, когда они надевались и размещались на мундире в строго определенной последовательности.

Хотя ордена не были формально приравнены к классам Табели о рангах (кроме ордена Андрея Первозванного, отнесенного к III классу), в позднейших статутах некоторых из них пояснялось место кавалеров среди чиновных особ во время церемоний «при высочайшем дворе и во всех торжественных случаях». Так, кавалеры ордена Владимира двух старших степеней «имели вход ... с особами IV класса», а младших степеней — «с особами VI класса» (если они не имели более высокого чина). А кавалеры ордена Георгия двух низших степеней «как при дворе ..., так и во всех публичных местах и торжествах имеют вход вместе с полковниками, хотя бы состояли в чинах и ниже полковника». Что касается кавалеров двух высших степеней ордена Георгия, то они имели «вход с генерал-майорами», но вместе с тем пользовались исключительной привилегией — «имели вход при дворе ... за кавалергардов».

С другой стороны, возможность получения ордена связывалась с классом чина награждаемого. Так, высшие ордена могли даваться лишь чинам I — III классов; ордена Белого Орла, Владимира 2-й степени и Анны 1-й степени — чинам не ниже IV класса; ордена Станислава 1-й степени и Владимира 3-й степени — не ниже VI класса и т. д. Аналогичным образом орден Георгия 3-й степени давался генералам и полковникам, 2-й степени — только генералам, а 1-й степени — лишь фельдмаршалам и полным генералам. Вместе с тем награждение орденом обычно сокращало срок выслуги следующего чина.

В связи с постоянным значительным увеличением численности чиновников возрастало и общее количество награждений орденами, что вызывало обеспокоенность правительства, которое пыталось разными мерами усилить контроль за правильностью и соразмерностью (по разным ведомствам) представления к наградам. Обеспокоенность эта была связана прежде всего с тем, что пожалование в кавалеры ордена сопровождалось возведением кавалеров в потомственное дворянство. Такой порядок не знал исключений до 30 октября 1826 г., когда были ограничены права купечества: при награждении орденом купцы стали получать лишь личное дворянство, а с 1832 г. — потомственное почетное гражданство. Правда, число самих награждений купцов орденами увеличилось. Во многих случаях это было следствием крупных пожертвований на разного рода цели. А. И. Дельвиг рассказывает, что в середине XIX в. генерал-губернатор Москвы А. А. Закревский попросту требовал от московских купцов пожертвований на благоустройство города. «Известно было, что пожертвовавший получит орден, до чего большая часть купцов были очень падки, а не пожертвовавший подвергнется разного рода преследованиям».

При рассмотрении в 1844 г. вопроса о внесении в Кавалерскую думу ордена святого Станислава списка представленных к награждению Комитет министров «усмотрел, что правила статута» этого ордена «даже низшим чиновникам открывают легкий путь к приобретению потомственного дворянства», тогда как «по важности соединенных с дворянским достоинством прав оно должно быть возмездием отличных заслуг». Признавалось желательным «ограничить прилив нового дворянства» в дворянско-поместное сословие и его, так сказать, разбавление. Последствием этих соображений были три меры: с июля 1845 г. награждение низшими степенями ордена Станислава было вообще прекращено; награждение низшими тремя степенями ордена Анны стало давать права лишь личного дворянства; когда в июне 1855 г. пожалование низших степеней ордена Станислава было возобновлено, оно стало сообщать награжденным только права личного дворянства. Таким образом, потомственное дворянство давалось лишь с ордена Владимира 4-й степени. Сокращение числа орденских наград было отчасти компенсировано увеличением ценных подарков «от двора» в виде табакерок из драгоценных металлов, перстней с миниатюрными портретами императора и т. п.

С апреля 1874 г. права потомственного дворянства начали распространяться и на детей кавалеров орденов, рожденных до получения отцами потомственного дворянства. Вследствие этого стала значительно быстрее возрастать общая численность дворянского сословия за счет потомков орденских кавалеров. В середине 1880-х гг. в правительственных сферах была снова высказана мысль о необходимости сократить число лиц, получавших потомственное дворянство за службу, и повисить с этой целью соответствующие критерии. В частности, намечалось предоставить право на потомственное дворянство лишь самым высшим орденам начиная с Владимира 2-й степени (право на дворянство кавалеров низших степеней ордена Георгия под сомнение не ставилось). Однако предложение это не осуществилось. До начала XX в. потомственное дворянство легче, а поэтому и

чаще получалось по ордену, нежели по чину. В правах потомственного дворянства в 1875—1884 гг. 40 % лиц было утверждено по чину и 60 % — по ордену, а в 1882—1896 гг. соответственно — 28 и 72 %. Для получения дававшего на это право ордена Владимира 4-й степени достаточно было занимать должность не ниже VII класса, находиться в чине этого же класса и иметь 35 лет беспорочной службы. Чин же действительного статского советника, который давал потомственное дворянство гражданским чиновникам, могли иметь только те, кто занимал генеральскую должность V класса и выше. Поэтому с 28 мая 1900 г. потомственное дворянство стало даваться лишь с ордена Владимира 3-й степени.

Сложность орденской системы (как и общей системы наград) была столь велика, что во многих случаях, как это ни парадоксально, определенного строгого порядка в ней просто не усматривалось. Так, министр финансов С. Ю. Витте утверждал в конце XIX в., что «точно определенных правил о наградах не было, поэтому никакой определенности в выдаче наград не существовало. От того или другого влияния министра на государя, от умения его испросить те или другие награды зависело повышение всех служащих, причем в этих повышениях ... в значительной степени играло роль личное усмотрение». Постоянными были сетования на то, что ордена (и награды вообще) раздаются произвольно, не за заслуги, а просто угодным чиновникам. 1 января 1878 г. обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал наследнику престола (будущему Александру III): «Сегодня ... в Зимнем дворце я был свидетелем негодования, которое громко выражалось по случаю нынешнего приказа по Морскому ведомству: много наград, а имена тех, кто получил награды, возбуждают негодование. Указывают: такой-то крестил детей у Кузнецовой, такой-то устраивал дела ее, такой-то — любимец Попова и т. п.» (А. В. Кузнецова — любовница генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, а А. А. Попов — видный деятель морского ведомства, поддерживаемый великим князем). А незадолго перед тем Победоносцев писал тому же адресату: «Награды в последнее время потеряли истинную цену и приобрели фальшивую: так много их раздается во все стороны и без разбора. Без сомнения, легко и приятно раздавать награды щедрою рукой с мыслью о том, что делаешь много счастливых... Право награждать налагает тоже нравственный долг на власть, раздающую награды. Послаблением в наградах можно произвести такую же нравственную распушенность, как и послаблением во взысканиях. И эта распушенность у нас уже дошла до крайности... Всякий, как бы ни был негоден, уже обижается, когда не получает наград. И награду дают человеку для того, чтобы не обиделся, наградою прикрывают в человеке дурное, негодное дело, когда не хотят его обнаружить, награду дают, чтобы потешить человека».

О любопытном случае сообщает в своем дневнике министр внутренних дел П. А. Валуев: он использовал награждение орденом для компрометации князя Г. А. Щербатова — петербургского губернского предводителя дворянства, который, по мнению Валуева, «играл в оппозицию» правительству. «Щербатов сделал мне небольшую сцену по поводу пожалования ему станиславской ленты. Она ему не под стать при игре в оппозицию. Для этого я ее и выпросил».

Несмотря на некоторые сбои в функционировании орденской системы, орденские знаки давали возможность более точно судить о ранге чиновника: получил ли он уже ордена, которые возможно было получить в его чине, и тем самым «готов» ли он был к получению следующего чина? Вот пример рассуждения по этому поводу А. И. Дельвига: «При воцарении императора Николая Клейнмихель был уже генерал-лейтенантом с аннинской лентой и владимирской звездой». Смысл этой констатации заключался в том, что Клейнмихель уже был близок к получению чина полного генерала. Чеховские герои («Голстый и тонкий»), говоря о своей карьере, также упоминают о чине и ордене: коллежский асессор со «Станиславом» и тайный советник с двумя звездами орденов.

В своем функционировании в качестве награды орденские знаки дополнялись наградными медалями (в основном за военные заслуги). Считается, что слово «медаль» происходит от слова «металл». Наградные медали, в том числе офицерские, в виде дисков (круглых или овальных), а затем и крестов, носимых на лентах на шее, в петлицах или на груди слева, появились в России во время Северной войны, затем получили распространение в последней трети XVIII в. Не повторяя того, что уже было сказано о важном отличии медалей от орденов, отметим здесь лишь, что и те, и другие — почетный знак подвигов или заслуг. Но медаль — низшая награда, как бы младший орден. Для медалей было характерно, что они, в отличие от орденов, более свидетельствовали об участии их обладателей в тех или иных военных кампаниях, отдельных сражениях и других событиях (как правило, медали имели надписи, пояснявшие, за что они выданы), чем о степени их заслуг. В функции нагрудного знака на мундирах медали были столь же распространены, как и ордена.*

Как и мундиры, орденские знаки, медали и другие нагрудные знаки привлекали к себе пристальное внимание всех императоров, которые не только лично занимались утверждением всех этих знаков, но и с неослабным вниманием следили за соблюдением всяких правил на этот счет. Внешняя сторона мундирно-орденской системы рассматривалась ими в плане государственной геральдики. Не случайно поэтому, когда в 1855 г. была проведена работа по пересмотру рисунков российского герба и государственных флагов, много внимания было уделено орденским знакам и одежаниям.

А. И. Дельвиг рассказывает в своих воспоминаниях о таком характерном эпизоде. 6 апреля 1866 г. он в качестве инспектора железных дорог провожал императорскую фамилию, переезжавшую из Петербурга в Царское Село. В царской комнате вокзала, затемненной высокими растениями, собралось много народа. Дельвиг заметил, что Александр II, разговаривая с королевой вюртембергской, «постоянно смотрел» на него, находившегося «в противоположном

углу» комнаты. Затем царь, «оставив королеву, быстро подошел» к Дельвигу и спросил, «какая надета» на нем «серебряная медаль». Тот ответил: «За поход в Венгрию». Далее «произошел следующий разговор:

— На какой ленте она носится?

— На соединенных андреевской и владимирской.

— На каких лентах навязана твоя медаль?

— Я не могу видеть этого, но полагаю, что моя медаль висит на означенных двух лентах.

— Подобного сочетания лент, как у тебя на медали, не существует».

Затем, подзвав великого князя Константина Николаевича, император поручил ему «показать надетую на его груди венгерскую медаль и на каких лентах должна она носиться». Оказалось, что медаль Дельвига «висела на андреевской и аннинской лентах». Далее

* Помимо орденов и медалей, наиболее распространенными знаками на мундирах были знаки об окончании курса в высших и средних военных и гражданских учебных заведениях, появившиеся в 1860-х гг. и особенно распространившиеся в конце XIX в., а также знаки о службе в определенных воинских частях (полковые знаки).

он разъясняет, что виновником путаницы был его камердинер. Но он же признает, что «разница между узенькими ленточками аннинской и владимирской так незначительна, что, конечно, никогда бы я ее не заметил. Тем удивительнее, что государь, стоя далеко от меня в темной, переполненной посетителями комнате, на моей груди, на которой было много медалей, мог заметить на одной из них неправильно навязанную ленточку». И в отдельности, и вместе с мундирами ордена (особенно медали и другие наградные и памятные знаки) представляют собой вполне читаемую знаковую систему, сообщающую много полезных сведений об их обладателях, в том числе о роде службы (военная, морская, гражданская), о ее продолжительности (а вместе с тем и о примерном возрасте), чине и звании, успешности карьеры вообще. В частности, орденские знаки служили важным признаком отличия старшинства придворных чинов и кавалеров, несмотря на одинаковость их мундиров. Иногда эти сведения очевидны, в других случаях для получения их приходится обращаться к справочникам-определителям (редко кто из специалистов может опираться только на собственные знания и память). В конечном итоге удастся определить личность обладателя мундиров и орденов.

ЛИКВИДАЦИЯ ТИТУЛОВ, МУНДИРОВ И ОРДЕНОВ В 1917 г.

Сразу же после свержения царизма, поздно вечером 1 марта 1917 г., Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял приказ № 1, адресованный ко всем солдатам Петроградского гарнизона. Им предписывалось во всех воинских частях создать комитеты «из выборных представителей от нижних чинов». Одно из центральных положений приказа заключалось в том, что «во всех своих политических выступлениях» воинские части подчинялись «Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Пункт 6 приказа предусматривал, что «в строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, какими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяются». Вместе с тем следующим пунктом отменялось обращение нижних чинов к офицерам с применением общих титулов (ваше превосходительство, ваше благородие и т. п.). Отныне вместо них должны были употребляться лишь частные титулы по чину с добавлением слова *господин*. Иначе говоря, обращение к офицерам должно было иметь лишь такую форму: *господин полковник, господин поручик* и т. п.

4 марта приказами по военному и морскому ведомствам положения приказа № 1 Петроградского Совета были распространены на всю армию и флот. Одновременно наименование «нижний чин» заменялось наименованием «солдат» и «матрос». Приказом 16 апреля во флоте отменялись погоны, а с мундиров была устранена символика, связанная с царским режимом (корона, императорские вензеля и пр.).

Уже при образовании Временного правительства Министерство императорского двора было сочтено упраздненным — нового министра в это ведомство назначено не было. Но никакого законодательного акта о ликвидации придворного ведомства нам неизвестно. По-видимому, вместе с этой ликвидацией были отменены также придворные чины и звания. Что касается придворных чиновников, то, вероятнее всего, они были перечислены в гражданские.

Более определенности в отношении ликвидации светских званий: 21 марта 1917 г. приказом по военному ведомству были упразднены все «военно-придворные» (так они назывались в приказе) звания генералов свиты, генерал-адъютантов и флигель-адъютантов.

Все эти изменения (особенно отмена титулования в армии) неизбежно оказали воздействие на практику чинопочитания в гражданском ведомстве: она упростилась, значение чинов резко упало, применение общих титулов стало немодным. Назначенный министром юстиции А. Ф. Керенский просил, например, обращаться к нему не по классу должности (ваше превосходительство), а просто «господин министр». Однако поднять руку на систему гражданского чинопроизводства Временное правительство долго не решалось. Только в августе Министерство юстиции подготовило проект постановления «Об отмене гражданских чинов, орденов и других знаков отличия». В середине сентября такой проект был готов и даже отпечатан типографским способом. Им предусматривалось, что чины и ордена будут сохранены лишь для военных. Права и преимущества гражданских служащих должны были определяться отныне исключительно занимаемой ими должностью. Причем деление последних по классам сохранялось, так же как и исчисление старшинства по времени назначения на должность данного класса. Об отмене права чиновников на переход в дворянское сословие ничего не говорилось. Титулование отменялось вообще. Однако проект так и не получил утверждения. Не были отменены и почетные гражданские звания, и родовые титулы. Это было сделано лишь после Октябрьской революции.

8 ноября 1917 г. на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета было принято решение об уничтожении сословий и гражданских чинов. Соответствующий декрет (ввиду его важности) был издан от имени ВЦИК и Совета Народных Комиссаров. Уже 10 ноября его текст был утвержден на заседании ВЦИК, а 11-го — одобрен СНК и за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердловского опубликован. Вот текст основных статей декрета:

«Ст. 1. Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики».

Декрет вступал в силу со дня его опубликования.

Обращает внимание, что отмена гражданских чинов (ст. 2 говорит об уничтожении «наименований гражданских чинов», но имеется в виду, конечно, отмена самих чинов) и родовых титулов осуществлялась вместе с отменой сословий и сопровождалась упразднением всех ранее существовавших для них привилегий. О мундирах и орденах ничего не говорилось, но они, конечно, упразднились вместе с чинами. Своевременность этого акта и его согласованность со всей системой законодательных мероприятий Советской власти обусловили то, что его проведение в жизнь не встретило сколько-нибудь серьезных затруднений.

30 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет при Ставке разослал телеграмму, в которой предписывал всем воинским частям и учреждениям «впредь до разработки и утверждения положения об армии центральной властью, руководствоваться» перечисленными затем «обязательными началами». Седьмым пунктом упразднились все «офицерские и классные чины, звания и ордена». Через несколько дней — 3 декабря 1917 г. — приказом по Петроградскому военному округу № 11 были упразднены все военные «чины и звания». Сохранялись лишь наименования должностей. Отменялись и все «наружные знаки отличия» (т. е. погоны, кокарды, аксельбанты и т. п.), а также ордена. В обоснование этой меры указывалось, что она была санкционирована на заседании Центрального Исполнительного Комитета 10 ноября 1917 г.

Двумя неделями позже отмена военных чинов и орденов была подтверждена во всероссийском масштабе декретом Совета Народных Комиссаров «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» от 15 декабря 1917 г. Декрет был принят, как указывалось в преамбуле, в осуществление воли «революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства в армии». Декретом предусматривалось упразднение «всех чинов и званий в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским». Как это и разъяснялось в преамбуле декрета, отмена военных чинов диктовалась политическими соображениями: народу были ненавистны сами слова «офицер» и «генерал», ассоциировавшиеся с представлением о временах царизма, а строгая иерархия чинов затрудняла демократизацию отношений в армии. «Все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, отменяются», — говорилось в декрете. Отменялось также употребление частных титулов с обращением «господин». Упразднились «все ордена». 16 (29) декабря декрет был окончательно оформлен и вступил в силу.

Отметим, наконец, что звания сенатора и члена Государственного совета были упразднены декретами Совета Народных Комиссаров соответственно 22 ноября и 14 декабря 1917 г. вместе с ликвидацией Сената и Государственного совета.

Так к середине декабря 1917 г. была завершена ликвидация титулов, мундиров и орденов императорской России, просуществовавших более двух столетий. Однако фактический отказ от титулов проходил не без труда, и еще в официальных документах 1918 г. можно встретить подписи типа «бывший капитан I ранга, бывший граф NN1». Понадобилось время, чтобы стал историческим прошлым этот сложный по своей природе, сыгравший важную роль в жизни страны государственно-правовой и общественно-психологический феномен.

ЛИТЕРАТУРА

- Бантыш-Каменский Д. Н.* Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. [*Берхгольц Ф. В.*]. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: 1721 — 1725. М., 1902—1903.
- Валуев П. А.* Дневник. Пг., 1919. [*Валуев П. А.*]. Дневник П. А. Валуева — министра внутренних дел: В 2-х т. М., 1961.
- Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1841—1862. Ч. 1—30. 2-е изд. 1899—1948. Ч. 1—34.
- Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3-х т. М., 1960.
- Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900.
- Глинка В. М.* Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988.
- Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии//Военный сборник. 1887. № 4.
- Головин К. Ф.* Мои воспоминания. СПб., М., 1909.
- [*Дельвиг А. И.*]. Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига: В 4-х т. М., 1912, 1913.
- Долоцкий В. И.* О священных одеждах//Христианское чтение. 1848. Ч. 1.
- Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк. СПб., 1887.
- Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий: 1881 — 1903. М., 1973.
- Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1941.
- Изнар Н. Н.* Воспоминания//ЦГИА СССР, ф. 1101, он. 1, д. 778.
- Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. 2-е изд. СПб., 1892.
- Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.
- Карелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861 — 1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979
- Корф М. А.* Записки//Русская старина. 1899. Т. 100. Октябрь.
- Кривошей К. А. А. В. Кривошей (1857-1921 гг.).* Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973.
- Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен. В. Г. М. X. Рейтерн: Биографический очерк.* СПб., 1910.
- Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном М., 1905.
- Оболенский Д. А.* Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне. СПб., 1909.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г. СПб., 1799—1840. Ч. 1 — 10.
- [*Перетц Е. А.*]. Дневник Е. А. Перетца — государственного секретаря (1880—1883). М.; Л., 1927.
- Письма К. П. Победоносцева к Александру III.* М., 1925. Т. 1.
- К. П. Победоносцев и его корреспонденты; Письма и записки.* М.; Пг., 1923. Т. 1.
- Полное собрание законов Российской империи. До 1825 г. — I собрание; с 1825 по 1881 г. — II собрание; с 1881 г. — III собрание.
- [*Лоловцов А. А.*]. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2-х т. М., 1966.
- Списки титулованным родам и лицам Российской империи СПб., 1892.
- Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 г. СПб., 1889.
- Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. 2-е изд./Под ред. П. А. Зайончковского М., 1978.
- Стоюнин В. Я.* Консерваторы сороковых годов//Исторический вестник. 1882. Т. VII.
- [*Тернер Ф. Г.*]. Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. СПб 1910. Т. I. СПб., 1911. Т. II.
- [*Шелгунов Н. В.*]. Воспоминания Н. В., Шелгунова. 1923.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ЧАСТНЫХ И ОБЩИХ ТИТУЛОВ

Адмирал — военно-морской чин II кл.
Архиепископ — второй по старшинству частный титул черного духовенства.
Архиерей — общее наименование (частный титул) для митрополитов, архиепископов и епископов.
Архимандрит — четвертый по старшинству частный титул черного духовенства.

Барон (баронесса) — частный низший родовой титул.
Берг-гауптман — горный чин IV кл.
Берг-гешворен — горный чин XII кл,
Бергмейстер — горный чин VIII кл.
Берг-пробирер — горный чин XII кл.
Благородие — общий титул для дворян (в том числе баронов) и обер-офицерских чинов
Благословение — общий титул иереев и протодиаконов.
Бригадир — военный чин V кл. в XVIII в.

«В должности гофмейстера», гофмаршала, егермейстера, шталмейстера и церемониймейстера — придворные звания для гражданских чинов III—VI кл.

Великий князь (княгиня, княжна) — частный родовой титул членов императорской фамилии.
Вице-адмирал — военно-морской чин III кл.
Владыка — общее наименование (частный титул) митрополитов, архиепископов и епископов
Владыко — общий титул для архиереев.
Военный советник — гражданский чин VI кл.
Войсковой старшина — военный чин в казачьих войсках VIII кл., с 1884 г. VII кл.

Высокоблагородие — общий титул для чинов VI—VIII кл. (штаб-офицерских).
Высокоблагословление — общий титул протопресвитеров и протоиереев.
Высокопревосходительство — общий титул для чинов I—II кл.
Высокопреосвященство — общий титул для митрополитов и архиепископов.
Высокопреподобие — общий титул для архимандритов, игуменов и протоиереев.
Высокородие — общий титул для чинов V кл.
Высочество — общий титул для князей императорской крови.

Гардемарин — в 1860—1882 г. военно-морской чин XIII или XIV кл.
Генерал-адмирал — военно-морской чин I кл.
Генерал-адъютант — старшее свитское звание для военных чинов I—III кл.
Генерал-аншеф — военный чин II кл. в 1730—1798 г.
Генералиссимус — высшее военное звание
Генерал-лейтенант — военный чин III кл.
Генерал-майор — военный чин IV кл.
Генерал от артиллерии — военный чин II кл.
Генерал от инфантерии — военный чин II кл.
Генерал от кавалерии — военный чин II кл.
Генерал-поручик — военный чин III кл.
Генерал-фельдмаршал — военный чин I кл.
Генерал-фельдцейхмейстер — высшее военное звание для начальника артиллерии.

Гиттенфервалтер — горный чин X кл.
Господин (госпожа) — частный предикатный титул, обычная именная форма обращения.
Государь (государыня) — общий краткий титул императора (императриц) и составная часть частного титула «государь император».

Гофмаршал — придворный чин III кл.
Гофмейстер — придворный чин III кл.
Гофмейстерина — придворное звание, должность для дам.
Гоф-фурьер — чин IX кл. «при высочайшем дворе».
Граф (графиня) — частный родовой титул,
Губернский секретарь — гражданский чин XII кл.

Дворянин — частный низший родовой титул.
Действительный камергер — придворный чин VI кл., затем IV кл., а с 1800 г. также и III кл.
Действительный статский советник — гражданский чин IV кл.
Действительный тайный советник — гражданский чин I и II кл.
Диакон — частный низший титул белого духовенства.

Егермейстер — придворный чин III кл.
Епископ — третий по старшинству частный титул черного духовенства.
Есаул — военный чин в казачьих войсках IX кл., а с 1884 г. — VIII кл.

Игумен — пятый по старшинству частный титул черного духовенства.
Иерей — второй по старшинству частный титул белого духовенства.
Император (императрица) — частный титул монарха — главы государства, а также его жены и матери.
Императорское величество — общий титул (малый) для императора и императриц.
Императорское высочество — общий титул для великих князей.
Инженер-генерал — военный чин II кл., употреблявшийся с 1802 г.

Кавалеры ---лица, награжденные орденами.
Камергер — придворный чин VI кл., с 1737 г. - IV Кл; после 1809 г. — старшее придворное звание.
Камер-фрейлина — старшее придворное звание для девиц.
Камер-фурьер — чин VI кл. «при высочайшем дворе».
Камер-юнкер — придворный чин IX кл., с 1737 г. - VI и V кл.; после 1809 г. — младшее придворное звание

Канцлер — гражданский чин I кл.
Капитан - военный чин IX кл., а с 1884 г. — VIII кл.
Капитан бригадирского ранга — военно-морской чин V кл.
Капитан II ранга — военно-морской чин VII кл.
Капитан-командор — военно-морской чин V кл.
Капитан-лейтенант — военно-морской чин VIII кл.
Капитан I ранга — военно-морской чин VI кл.
Капитан-поручик — военный чин VIII кл. в гвардейских частях; чин IX кл. в артиллерии и инженерных войсках в XVIII в.

Капитан-поручик — военно-морской чин IX кл., а с 1764 г. — VIII кл.
Капитан III ранга — военно-морской чин VIII кл. до 1764 г.
Князь (княгиня, княжна) — частный родовой титул.
Князь «крови императорской» — частный титул членов императорской фамилии.
Коллежский ассессор — гражданский чин VII кл.

Коллежский регистратор — гражданский чин XIV кл.
Коллежский секретарь — гражданский чин X кл.
Коллежский советник — гражданский чин VI кл.
Коммерции советник — с 1801 г. почетное звание, приравненное к VIII кл.
Контр-адмирал — военно-морской чин IV кл.
Корабельный секретарь — военно-морской, затем гражданский чин XI кл.
Корнет — военный чин в кавалерийских частях, соответствовавший прапорщику, а с 1884 г. — подпоручику.

Кофешенк — чин XII кл. «при высочайшем дворе».

Лейтенант — военно-морской чин IX Кл

Майор — военный чин VIII кл., упраздненный в 1884 г.

Мануфактур-советник — с 1801 г. почетное звание, приравненное к VIII кл

Маркшейдер — горный чин IX кл.

Митрополит — высший частный титул черного духовенства.

Мичман — военно-морской чин первоначально унтер-офицерский, с 1758 г. — XIII кл.' <• 1764 г. — XII кл., а после 1881 г. — X Кл.

Мундшенк — чин XII кл. «при высочайшем дворе».

Надворный советник — гражданский чин VII Кл.

Обер-берг-гауптман — горный чин IV и V Кл.

Обер-бергмейстер — горный чин VII Кл.

Обер-берг-пробирер — горный чин IX кл.

Обер-гиттенфервалтер — горный чин VIII кл.

Обер-гофмаршал — придворный чин II кл.

Обер-гофмейстер -- придворный чин II Кл.

Обер-гофмейстерица — высшее придворное звание, должность для дам.

Обер-егермейстер — придворный чин I кл.

Обер-камергер — придворный чин II кл.

Обер-офицерские чины -- чины IX - XIV кл.

Обер-форшнейдер — придворный чин II и III Кл. .

Обер-церемониймейстер — придворный з после 1858 г. — II и III кл

Обер-шенк — придворный чин II кл.

Обер-шталмейстер — придворный чин II кл.

Подполковник -- военный чин VII кл.

Подпоручик — военный чин XIII кл., с 1884 г. - XII кл.

Подъесаул — военный чин в казачьих войсках, соответствовавший штабс-капитану.

Полковник — военный чин VI кл.

Поручик — военно-морской чин X кл., а с 1764 г. — IX кл.

Поручик — военный чин XII кл., с 1884 г. — X кл.

Почетный гражданин — почетное звание.

Почетный опекун — почетное звание, приравненное к III кл. гражданской службы.

Прапорщик — военный чин XIV кл., с 1884 г. — XIII кл.

Превосходительство — общий титул для чинов III — IV кл.

Премьер-майор — верхняя ступень военного чина VIII кл. в XVIII в.

Преосвященство — общий титул для епископов.

Преподобие — общий титул для иереев, протодиаконов и диаконов.

Придворные кавалеры — липа, имевшие придворные звания.

Провинциальный секретарь — гражданский чин XIII кл.

Протодиакон — частный титул белого духовенства.

Протоиерей — высший частный титул белого духовенства.

Протопресвитер — высший частный титул белого духовенства.

Ротмистр — военный чин в кавалерийских частях IX кл., а с 1884 г. — VIЛ кл.

Светлейший князь — частный родовой титул.

Светлость — общий титул для светлейших князей (по пожалованию), а с 1886 г и для князей императорской крови.

Свиты его величества генерал-майор — свитское звание для военных чинов IV кл.

Свиты его величества контр-адмирал --свитское звание для военно-морских чинов IV кл.

Секунд-майор — нижняя ступень военного чина VIII кл. в XVIII в. '

Секунд-ротмистр -- военный чин и кавалерийских частях гвардии, соответствовавший капитан-поручику гвардии

Сенатор — гражданское почетное звание (должность).

Сиятельство — общий титул для князей и графов

Сотник - военный чин в казачьих частях XII кл., а с 1884 г. X к.:

Старший лейтенант - военный морской чин в 1909 — 1911 гг. IX кл., а с 1912 г. --- VIII кл.
Статс-дама - придворное звание для дам.
Статский советник — гражданский чин V кл.
Статс-секретарь — высшее гражданское почетное звание.
Сударь -- обычная безымянная форма обращения.

Тайный советник — гражданский чин III кл.
Тафельдеккер — чин XII кл. «при высочайшем дворе».
Титулярный советник — гражданский чин IX кл.
Унтер-лейтенант — военно-морской чин XII кл. до 1764 г
Унтер-лейтенант — военный чин XII кл.
Фендрик — военный чин XIV кл.
Флигель-адъютант — младшее свитское звание для штаб- и обер-офицеров армии и флота
Фрейлина - младшее придворное звание для девиц.

Хорунжий — военный чин в казачьих войсках XIV кл., а с 1884 г. — XII кл.
Церемониймейстер — придворный чин V кл.
Цесаревич частный титул наследника престола.
Цесаревна --- частный титул наследницы престола и жены цесаревича.

Член Государственного совета — гражданское звание (должность).

Шаутбенахт - военно-морской чин IV кл.
Шихтмейстер — горный чин XIII и XIV кл.
Штаб-офицерские чины -- чины VI— VIII кл.
Штабс-капитан — военный чин X кл., а с 1884 г. - IX кл.
Штабс-ротмистр — военный чин в кавалерийских частях X кл., а с 1884 г. — IX кл.
Шталмейстер — придворный чин III Кл
Штык-юнкер — военный чин XIII кл. в артиллерии в 1712 — 1796 гг

О Г Л А В Л Е Н И Е

Титулы, мундиры и ордена как историко-культурное явление . 4

«Табель о рангах всех чинов»	12
Дворянские титулы, гербы и мундиры	27
Дворянство	27
Именная формула и родственные отношения	35
Родовые титулы	53
Родовые гербы	64
Мундиры	68
Военные и свитские титулы и мундиры	74
Военные чины	74
Мундиры	93
Военно-морские чины и мундиры	102
Свитские звания и мундиры	107
Титулы и форменная одежда чиновников гражданского ведомства	112
Гражданские чины	112
Мундиры	143
Гражданские звания и одеяния	152
Духовные сана и одеяния	156
Придворные титулы и мундиры	159
Чины и звания	159
Мундиры	185
Орденские знаки и одеяния	190
Ликвидация титулов, мундиров и орденов в 1917 г.	215
Литература	219
Словарь основных частных и общих титулов	221